

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 1 2024
Литературно-художественный журнал

12+

Обложка журнала
«Мурзилка». 1924 год

Наталья Смолина. «Лев Кассиль и «Мурзилка» стр. 184

12+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 1 2024

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)

САРАТОВ
2024

№ 1 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Елена ПОНОМАРЁВА. Здесь был папа	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Олег КОРНИЕНКО. Два рассказа	11
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Ольга СЕРЕБРОВА. Истории про маленького Уша	17
ПОЭТОГРАД	
Ирина КИТОВА. Что внутри у тишины!	56
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Любовь АНУФРИЕВА. Фонарик со светлячками	64
ПОЭТОГРАД	
Михаил МУЛЛИН. Чем питаются пингвины!	85
ОТРАЖЕНИЯ	
Сергей СОБАКИН. Добрые рассказы	95
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Владимир ГУСЕВ. Сказки казанской земли	125
ПОЭТОГРАД	
Дина ФИАЛКОВСКАЯ. Новогодняя пора	145
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Анна ЧЕРКАСОВА. Детский сад № 39	148
Татьяна АСТРИТ. Чайник на пенсии	153
КАМЕРА АБСУРДА	
Ильдар ИШМАМЕТОВ. Польза от поцелуя с медведем	163
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Вера КОЛОДЯЖНАЯ. Зимняя сказка	167
ИНТЕРВЬЮ	
«Наши читатели – дети...» <i>Беседа Анны Морковиной с Эллой Любич</i>	173
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Элла ЛЮБИЧ. Заветное желание	178
МИНИАТЮРЫ	
Светлана ГОЛУБЕВА. Маленькие сказки	181
К 100-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «МУРЗИЛКА»	
Наталья СМОЛИНА. Лев Кассиль и «Мурзилка»	184
К 100-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»	
Анастасия ЧЕРНИНА. «У каждого свой вкус, своя манера...»	187
РЕЦЕНЗИИ	
Елизавета МАРТЫНОВА. История рядом с нами	190

**Елена
ПОНОМАРЁВА**

ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА

ПАПА – ВЫСШИЙ КЛАСС

Кто зимой не носит шапку,
Даже если сыплет снег?
Это мой любимый папка –
Самый крепкий человек!

Из мальчишек всей округи
Сколотил команду БАРС!
Мне завидуют подруги:
– Да уж, папа – высший класс!

Во дворе залил площадку,
Объявил хоккейный слёт –
Это мой любимый папка
Со свистком в руке идёт.

Не идёт – коньками режет
Голубую корку льда.
Даже снег посыпал реже,
Даже солнце – иногда.

Пусть с утра немного зябко,
На скамейках детвора.
– Будет жарко! – скажет папка. –
Начинается игра.

-
- Елена Александровна Пономарёва – поэт, прозаик, член Союза российских писателей. Публиковалась в литературно-художественных журналах и альманахах «Юность», «Три желания», «Хранители природы», «Возрождение», «Отражение», «Московский BAZAR», «Кваня и компания», «Простокваша», «Дружана» и других. Автор трёх книг для детей: «Восьмая гастроль», «Это ярмарка идёт» – сборники стихов, «Дед – Сто Бед» – сказки. Удостоена Гран-при литературной премии «Алиса» и премии «Большая сказка» имени Эдуарда Успенского, лауреат и дипломант многих международных литературных конкурсов. Участник двух литературных резиденций Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Свистнет папка – вздрогнут клюшки,
Ледяная вспыхнет гладь.
И мальчишки друг у дружки
Будут шайбу отнимать.

ПОЁМ

Мой папа замер, как в строю –
С меня не сводит глаз.
А я с ребятами стою –
Я в хоре школьников пою,
Как будто в первый раз.

Взмахнул бровями дирижёр,
Метнув в нас пару стрел –
Прибодрился школьный хор,
Солист запев запел.

А на меня напала дрожь,
Гул под копной волос,
Комар вонзил свой острый нож
В мой конопатый нос,

В груди кольнуло и в боку –
Невмоготу терпеть!
Я ойкнуть, пикнуть не могу,
А надо громко петь.

Всё помню: музыку, слова...
Смотрю на яркий свет.
Я раскрываю рот едва,
В нём даже стоны нет.

Но тут мне папа подмигнул,
Мол, не робей, сынок!
Исчезли мигом боль и гул,
Пропала дрожь из ног.

Смотрю на папу – он поёт.
И я набрался сил,
Раскрыл как можно шире рот,
Да так заголосил,

Что онемел весь школьный хор,
Слова забыл солист,
Сбежал со сцены дирижёр,
Оставив нотный лист.

Затихла школа, свет погас.
Мы с папою вдвоём
Уже, наверно, третий час
Поём себе, поём!

ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА

Папе дома не сидится,
Он объехал много стран.
Ел живых улиток в Ницце,
В Сомали попал в капкан.

В Анды брошен был судьбою.
Замерзая среди скал,
Он дрожащею рукою
ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА – написал.

В диких прериях мустанга
В одиночку оседлал.
Он под крики:
– Bravo! –
Танго
В Аргентине танцевал.

Попадал в медвежьи лапы.
Бился смело, как шакал!
И на лапах – ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА –
Без сомненья написал.

А в столичном Амстердаме
Был на раут приглашён,
Где на платье знатной даме
Наступил случайно он.

Потихоньку, правой-левой,
Он пробрался в Тронный зал
И на троне королевы
ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА – написал.

А в природном парке Того
Он везде совал свой нос
И от рога носорога
Кое-как свой нос унёс.

Побывав в столице моды,
Заскочил на карнавал.
Он на статуе Свободы
ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА – написал!

Спал в Антарктике на льдинах,
Комаров кормил в глуши,
В Чёрном море на дельфинах
Покатался от души.

Папа в Баренцевом море
Укротил девятый вал,
С кем хотите, буду в споре –
ЗДЕСЬ БЫЛ ПАПА – написал.

БОЙЦЫ-МОЛОДЦЫ

Мы ударим по рукам:
– Чем помочь сегодня, мам?
Наша мама встанет прямо:
– Марш к столу! – прикажет мама.
– У меня задание есть:
Пироги до крошки съесть!
Да, задание сложновато...
Мы не трусы, а солдаты!
Бой дадим по пирогам,
Не достались чтоб врагам.
Ножик – вжик, а вилки – шпок –
Поразим румяный бок!
От одной наводки точной –
Мокрый след начинки сочной,
Ну, а крошки – псу Тототшке
С щедрой папиной ладошки.
Молодцы, повоевали,
Бой осилили вдвоём!
До обеда на привале
Мы награды сладкой ждём.

СКУЧАЮ

Нам с папой вдвоём все дела по плечу,
Нам вместе и горе не горе.
Он в горы зовёт, только я не хочу
Ни в горы, ни в космос, ни в море.

Хочу посидеть у него на спине,
Прижаться к щеке его сладкой.
А хочет, пусть он заберётся ко мне –
Я стану для папы лошадкой.

Прижаться хочу головой к голове.
Про горы, морские просторы
Весь день будет папа рассказывать мне,
Зато не карабкаться в горы.

Играть нашу пьесу в четыре руки,
Из клавиш басы извлекая,
Бежать к телефону наперегонки,
Смеяться и друг друга толкая.

А можно чуть-чуть поскучать за лото,
В постель завалиться в одежде,
Пусть старую сказку расскажет, зато
Мы рядышком будем, как прежде.

А хочет, походную песню споём
И выпьем горячего чаю.
Я просто мечтаю побыть с ним вдвоём.
Я очень по папе скучаю.

ДВОРЕЦ ПО ЗАКАЗУ

Мы с папой делали дворец.
Сказала мама:
– Наконец!
Всю жизнь во сне и наяву
Мечтой об этом я живу.
Два зала заказала –
Спортивный и для бала,
Большую кухню, вестибюль,
Бассейн закрытый – буль-буль-буль,

И зимний садик с пальмами,
Чтоб был как раз над спальнями.
Мы с папой приняли заказ.
Готовы крыша и каркас,
Леток, шесток. Прибито дно.
Дворец готов уже давно,
Висит на яблоне в цвету,
Коту не влезть на высоту.
И в нём давно уже ворчат
Пять желторотиков скворчат.

МЫ ГОТОВЫ ВСЕМ ПОМОЧЬ

Книжки школьные в охапку,
До ушей расплылся рот –
Ведь меня сегодня папка
После школы заберёт!

Мы куда-нибудь поедем,
Но не спрашивай – куда:
К дяде Феде в «Авто-леди»,
К тётке Ире в зал суда?

Ведь его друзей весёлых
Не объехать и за год:
Ивановы – новосёлы,
А Ботвинников – пилот,

У Семёновых овчарка
Стала мамочкой вчера,
У Зиновьевых запарка –
Огородная пора.

Дядя Вик с грибной охоты
Пять мешков грибов привёз!
Видно, чистить неохота –
Мы развозим этот воз.

Тётя Тома пишет книжку,
У Кирилловых потоп!
У Антоновых сынишка
Может дать урок хип-хоп.

А у папки есть «Сузуки»
И совсем большая дочь,
Мы не маемся от скуки,
Мы готовы всем помочь!

ВЫХОДНОЙ

Когда у папы выходной,
Он рад весь день играть со мной
В пиратов и в войнушку,
По льду гоняться с клюшкой.
Он для меня как старший брат,
Стать для меня лошадкой рад,
Пока не скажет мама
Сердито и упрямо:
– Повесьте кто-нибудь бельё!
С окна стоните вороньё!
Пора бороться с пылью!
Сходите за ванилью!
Мы были ранены в бою,
Но любим мамочку свою
И за ванилью к булочкам
Спешим по переулочкам.

ВОТ ЭТО ПАПА!

Вот это папа у меня:
Вскочил на резвого коня,
Чуть подтянул подпругу –
И:
– Но, родной! –
По кругу.

Клубится пыль, дрожит земля,
Мелькают реки и поля,
Растут как зубы горы,
И море будет скоро.

За морем – лес, за мигом – час,
Машины шлют приветы с трасс,
За горизонтом – дали.
Но карусели встали.

МЫ С ПАПЕЙ ТАКИСТЫ

У меня немного краски
И гора карандашей.
Я без маминой подсказки
Нарисую рот и глазки,
Нос и парочку ушей.

На носу, на лбу и ушках,
На щеках во всей красе
Распускаются веснушки,
Как маслята на опушке,
Как бутоны по весне.

На жилет добавлю крапа,
На макушку – шлемофон.
Он чуть-чуть похож на папу.
Он точь-в-точь похож на папу –
Ну конечно, это он!

А на танке, на горбатом,
Ярко-красная звезда,
Ведь мой папа был солдатом,
Он танкистом был когда-то,
Им остался навсегда.

И, скажу вам без утайки,
В доме нашем шум и гам –
Это мы играем в танки:
Нарисованные танки
Бьют из пушек по врагам.

**Олег
КОРНИЕНКО**

ДВА РАССКАЗА

ЧЕРНОПЛОДНАЯ РЯБИНА

После завтрака Тимка направился к Стёпке.

- Далёко? – поинтересовалась мать.
- На улицу, – уклончиво ответил Тимка.
- Возьми деньги и сходи купи хлеба.

В хлебный магазин Тимка вошёл важно, как взрослый, и хотел даже спросить, кто последний. Последними возле прилавка стояли тётка Ульяна и бабка Федора, и Тимка молча пристроился за ними так, чтоб они его не узнали.

– Дедушке моему сегодня товарищ фронтовой приснился, – рассказывала соседке бабка Федора. – Они после ранения вместе в госпитале лежали. Моего только осколком задело, а тот сильно был ранен, прооперировали его, но надежды на выздоровление было мало. Пить почти не давали, только губы смачивали. Видимо, умирал... И вот однажды захотел он черноплодной рябины: «Я бы сейчас рябинки поел, и мне, кажется, легче бы стало». А какая может быть рябина

-
- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. 28 лет работал в Сызранском высшем военном авиационном училище лётчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён двадцатью медалями, в т.ч. «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Новая Немига литературная» (Беларусь) и др. Член Академии «Русский слог». Лауреат городской премии «Признание» (2006), лауреат Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Канада, 2016 г.). Обладатель медали военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил РФ «За труды в военной литературе» (2014) и медали им. Героя Советского Союза Владимира Карпова за повесть «Афганец» (2015). Автор шести книг прозы. Член Союза писателей России. Председатель Сызранского МТО «Содружество детских писателей». Живёт в Сызрани Самарской области.

зимой? И когда уже понял, что умирает, попросил моего дедушку: если тот живой останется, чтоб посадил у себя дома рябину. Пусть, мол, будет на память обо мне и нашей дружбе.

Дедушка перед 9 Мая посадил куст, как и обещал, и он, слава Богу, прижился и плодоносил, но ягод мы почти не ели, хотя, говорят, они от давления помогают. А несколько лет назад рябину то ли страшная жара погубила, то ли зимой приморозило. Как весна приходит – ни листьев, ни ягод. Дед решил отлить её водой – а вдруг оклемается? Каждый день который год поливает её, а толку...

Тимка купил хлеба и поспешил домой. «Отдам хлеб и быстрее к Стёпке», – подумал он. Стёпка учился почти на одни тройки, но другом был настоящим. «А если мать не пустит меня? Вечно у этих взрослых какие-то дела».

Тимка бросил взгляд вдоль улицы, которая манила простором и свободой.

«Я быстро!» – сказал он себе и, повернувшись, зашагал к дому Стёпки, чтобы запомнить, повторял про себя: «Черноплодная рябина, черноплодная рябина».

Стёпка был дома. Он помогал матери вешать выстиранное бельё. Точнее, бельё вешала мама, а Стёпка только держал таз.

– У тебя всё нормально? – Стёпка вопросительно посмотрел на товарища.

– Сегодня – да. А завтра... – Тимка задумчиво посмотрел в окно.

– Не боись: завтра наступит обязательно!

– Нужна твоя помощь. – И он передал разговор бабки Федоры, подслушанный в магазине. – И тогда – представляешь? Дедушка утром приходит в огород поливать свою мёртвую рябину, а она стоит... живая.

– Откуда же она возьмётся живая?

– Мы с тобой посадим. Сегодня ночью.

– Легко сказать: посадим, – ухмыльнулся Стёпка. – Её сначала где-то взять надо.

– Черноплодная рябина есть среди саженцев, которые вчера привёз из питомника отец.

– А если он заметит пропажу? – Стёпка почесал затылок.

– Не заметит, – Тимка уверенно хлопнул ладонью по столу.

Когда за окном наконец потемнело, Тимка потихоньку вышел из дома. Стёпка ждал его на улице с лопатой и ведром. Из сарая они вытащили мешок с саженцами, выбрали самый большой рябиновый куст, перелезли через забор бабки Федоры и принялись за работу. Черноплодную рябину они посадили

вместо старого куста прямо против зашторенного окна, в вытянутом на земле прямоугольнике света.

А назавтра, ближе к обеду, вдруг заявила бабка Федора и, часто крестясь, поведала вдруг, что черноплодная рябина в их огороде, кажется, ожила.

– Мой старик собрался после завтрака грядки под редиску и морковь вскопать, – начала, поправив головной платок, бабка Федора. – Смотрю, через пять минут пришёл обратно, и глаза какие-то испуганные.

– Что стряслось? – спрашиваю. – Конец света по календарю майя отменяется?

– Нет, – отвечает, – конец света не майя, а глупые люди придумали...

И сообщает мне, что его черноплодная рябина отошла. Так что зря, мол, я когда-то над ним насмеялась.

Я не знала, что и ответить. Идём обратно в огород. И вправду, рябина, что под окном глаза мозолила, почки наконец пустила. Куст, правда, немножко не такой, хотя кто его знает, какой он был вчера? И я так кумекаю: это или твоего Тимофея проделка, или промысел Господний. – И бабка Федора снова старательно перекрестилась. – Мой дедушка после этого даже горбиться перестал. Шляпу где-то свою старую откопал, напялил, точно праздник завтра.

Когда бабка Федора наконец доложила всё и дверь за ней захлопнулась, мать дёрнула Тимкину дверь:

– Рябина – ваших рук дело?

Тимка посмотрел на присевшего за кроватью Стёпку и непонимающе развёл руками:

– Какая рябина? Я весь вечер дома был, – он еле справился с улыбкой. – Как что, сразу Тимка!

– Поговори ещё у меня... – отрезала мать и добавила уже из кухни: – Выключай свой компьютер, мичуринец, и иди пить чай, пока ещё горячий. И Стёпку зови. Я же вижу, что он в спальне прячется...

Тимка подмигнул товарищу и по-дружески подтолкнул к столу.

За весь день мать не раз бросала на Тимку вопросительные взгляды, но он не обращал на них внимания. На душе у него было легко и светло, точно они со Стёпкой сделали какое-то большое и доброе дело.

А ночью Тимке приснился раненый солдат, о котором рассказывала бабка Федора. Живой и невредимый, он стоял в огороде соседки, ел прямо с куста черноплодную рябину и счастливо улыбался...

ПРАВИЛА КОСМИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Тимка быстро сделал уроки на завтра и вдруг вспомнил про Валерика: а чем он сейчас занимается?

Дома Валерика не оказалось.

– С какой-то картой и фонариком на улицу ушёл, – сказала мама Валерика.

– Клад, что ли, искать? – бросил Тимка.

На улице уже стемнело, но Тимка сразу увидел друга, который сидел на скамейке детской площадки и что-то рассматривал, подсвечивая себе фонариком.

– Это карта звёздного неба, – пояснил он подошедшему Тимке. – Хочу разработать Правила космического движения по типу автомобильных.

– Если б надо было, их бы давно уже разработали, – пожал плечами Тимка.

– Не скажи, – возразил Валерик, – в жизни ещё много «белых пятен», а в космосе – тем более. Ты представляешь, сколько в небе одновременно находится космических объектов? Увильнёшь от космического мусора – столкнёшься со спутником. Повезёт со спутником – столкнёшься с метеоритом. А не дай Бог автоматическая система ориентации откажет?

– И что тогда? – спросил Тимка.

– В космосе как в открытом океане, без знания звёздного неба не обойтись. То есть надо уметь быстро отыскать в небе Полярную звезду. А для этого надо знать расположение созвездий Большой и Малой Медведицы. Главное, конечно, Большой. Ты можешь показать её сейчас?

– Запросто! – И Тимка с готовностью задрал голову. – Она, слышал, на ковш похожа.

– Может, на половник? – улыбнулся Валерик.

– Может, и на половник. Только зачем нам ориентация по звёздам, если всё это в космосе выполняет автоматика?

– Автоматика под контролем человека, – поправил Валерик. – А если этот человек будет в совершенстве знать Правила космического движения, то порядка в космосе будет больше.

– Правила дорожного движения существуют уже не одну сотню лет, а аварий меньше не становится, – заметил Тимка. – То же самое ждёт и космос. Где ты свои дорожно-космические знаки ставить собираешься – вокруг один воздух, точнее, безвоздушное пространство? Знак «Парковка/стоянка для НЛО запрещена» ещё можно приляпать на нашей МКС, а другие? Например, «Торможение запрещено!»

– А почему торможение в космосе запрещено?

– Космический объект на орбите удерживается благодаря высоте орбиты и скорости более 27000 километров в час. При торможении корабль уйдёт с орбиты, он будет снижаться, пока не сгорит в плотных слоях атмосферы... Так с грузовыми кораблями делают.

Друзья так увлечённо спорили, что не сразу услышали голос «из космоса», похожий на голос мамы Валерика:

– Валерик, Тимка, уже поздно. Идите домой!

Назавтра, на перемене, Валерик и Тимка продолжили изучение карты звёздного неба. Их сразу окружила толпа любопытных одноклассников: а это что? а зачем? мы тоже хотим это знать...

– Давайте потолок в классе распишем как звёздное небо, – предложил Валерик Игорю Николаевичу, классному руководителю, – в школе будет кабинет астрономии, а нам – классная шпаргалка.

– Идея хорошая, – ответил Игорь Николаевич, – надо подумать.

После уроков друзья по дороге домой продолжили обсуждение Правил космического движения и не заметили, что красные цифры на светофоре через улицу ведут обратный счёт, а малиновый силуэт пешехода над ними точно раскалился от злости и угрожающе смотрел на ребят: «Только попробуйте перейти!»

– А чего мы стоим? – точно проснулся, спросил Валерик.

– Бензин кончился, – пошутил Тимка.

– Какой бензин? – не понял шутки Валерик. Он посмотрел по сторонам: – Машин нет, чего мы ждём? Выходим в открытый космос!

И он рванул через дорогу. Тимка не успел удержать товарища, а потому тоже кинулся следом. И, наверное, вовремя. Справа, из школьного переулка, выскочила машина и завизжала тормозами в двух метрах от Валерика. Тот от неожиданности замер на месте, а затем совершил буквально космический перелёт: оставшиеся полдороги он не пробежал, а буквально перепрыгнул, точно олимпийский чемпион Боб Бимон. Тимка бросился за ним и неожиданно услышал полицейский свисток. К ним подошёл полицейский и представился:

– Сержант Емелин! Вы нарушили Правила дорожного движения. Пройдёте к машине.

– Товарищ сержант, – Тимка понял, что надо спасти ситуацию, – мы тут, понимаете, обсуждали Правила космического движения, ну и мой друг немного задумался.

- Так задумался, что чуть под машину не попал?
- Да нет, товарищ сержант, водитель машины видел красный свет, так что нам ничто не угрожало.
- А вы сами красный свет видели?
- Видели, товарищ сержант, – улыбнулся Тимка. – Зрение у нас отличное. Мы хотим стать лётчиками-космонавтами, а сегодня решили проверить свою реакцию.
- Сейчас я составлю на вас протокол, – сказал сержант, – и тогда вы узнаете реакцию директора школы на ваш проступок.
- Тимка умоляюще посмотрел на полицейского:
- Может, не надо, товарищ сержант? Вы двум будущим героям России, возможно, жизнь ломаете. Кто же нас потом в космос пустит с таким тёмным пятном в биографии? Отпустите нас, пожалуйста, вы ещё будете нами гордиться.
- Сержант почесал затылок.
- Давно у меня таких нарушителей не было. Космонавты... А я ведь тоже когда-то мечтал стать лётчиком... – И он с улыбкой посмотрел на друзей. – Бегал трусцой, обливался холодной водой. И перестарался. Не прошёл по сердцу медкомиссию в лётное училище. Решил идти, как мой отец, в полицию. И не жалею – земные дороги тоже требуют внимания.
- После рассказа сержанта ребята переглянулись.
- Ну что, космонавты, вы свободны, – вдруг сказал сержант. – Но в следующий раз будьте внимательны на любых перекрёстках. Пока вы не в космосе, а на земле, придётся выполнять Правила дорожного движения. Понятно, будущие герои России?
- Понятно, товарищ сержант! Мы обязательно будем выполнять эти правила! – обрадовались Тимка и Валерка и заспешили домой.
- Когда они оглянулись, то увидели, что сержант махал им вслед полосатой палочкой, а по небу бродили Большая и Малая Медведица, которых ребята обязательно найдут и с которыми подружатся.

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного писателя
Олега Ивановича Корниенко с юбилеем!*

**Ольга
СЕРЕБРОВА**

ИСТОРИИ ПРО МАЛЕНЬКОГО УША

ЕСЛИ ТЫ – В ЦВЕТОЧЕК

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УША В КРАЮ СВЕТАЩИХСЯ КАМУШКОВ

Посреди густого леса издавна текла река. Она извивалась то вправо, то влево и казалась сверху красивой голубой змейкой. По берегам реки было много розовых камушков. Они мягко сияли в солнечном или лунном свете, а в хмурую, ненастную погоду светились под серыми тучами как розовые светлячки. Если бы кто-то увидел эти камушки, то решил бы, что они лучше даже жемчуга. Но никто их не видел.

Пока однажды в лесу от дерева к дереву не передалась весть: около реки поселились розанцы. Откуда они взялись? Кто говорил, что они и есть ожившие камушки – потому что розанцы были розовыми. Кто уверял, что они спустились напрямик с Луны. А некоторые думали, что розанцы вылезли из какой-то глубокой-преглубокой пещеры и порозовели от солнечного света.

Как бы там ни было, к розанцам скоро привыкли и даже полюбили. Зла они не делали, никогда не ссорились, питались лепестками цветов, и больше всего им нравилось играть на берегу реки.

● Ольга Васильевна Сереброва родилась в 1977 году. Геолог, орнитолог-любитель, литературный редактор, собиратель слов для Псковского областного словаря. Пишет прозу. Живёт в д. Трубино Себежского района Псковской области.

Тебе, наверно, интересно, как они выглядели? Что ж, лесным зверям розанцы казались очень странными, потому что у них совсем не было шерсти. Вместо неё всё тело покрывали маленькие цветочки. Да-да, почти как настоящие – издали не отличишь.

Если розанец радовался, то цветочки распускались и покачивали разноцветными тычинками. А если грустил, цветочки складывали лепестки и могли даже завянуть. Понимаешь теперь, как опасно бывает грустить? Хорошо, что мы не розанцы! Ведь они от огорчения могли даже погибнуть – если завянет слишком много цветочков. Поэтому когда розанцы видели что-то грустное, они сразу отворачивались и уходили прочь.

А ещё у розанцев были необыкновенные, совершенно особенные уши. На земле каких только ушей не бывает! И маленькие кругленькие, как у ежа; и большие, словно парус, как у слона; и торчком, как у белочки или волка; и отвислые, как у спаниеля; и длинные заячьи; и человечьи, похожие на ракушку, – вот как у тебя или у меня...

А у розанцев уши – на длинных стебельках. Свисают эти стебельки с головы, как косички, а на конце вместо бантиков то ли цветы, то ли листики болтаются. У каждого розанца – свои: у кого круглые, у кого угловатые, а бывает, треугольники или ромбы. Вот ими розанцы и слышат. И очень чутко слышат, скажу я тебе.

Только медленно. Ведь звуку надо от кончика по всему стебельку пробежать, а как же! Тут время требуется. Лесные звери поначалу забавлялись: окликнут какого-нибудь розанца, а он сидит как глухой. А потом вдруг: «А?» Вот потеха! Но вскоре все привыкли – мало ли как бывает. Улитки вон ползают медленно, а розанцы медленно слышат. Ничего удивительного.

Зато чуткость розанцев не раз всех выручала. Они издали слышали приближение бури или лёгкие шаги мягких лап хищника. И предупреждали всех вокруг, а потом и сами прятались.

В общем, все в приречном лесу знали: если розанцы спокойно играют с камушками или поют – значит, опасности нет. И потому все радовались, когда видели розанцев. Так и жил этот народец у реки много лет, собирал цветы, играл с камушками и пел вместе с птицами чудесные, самые красивые на свете песни. Весёлые, конечно.

И вот в одно прекрасное утро, ранней весной, когда последние голубые льдины напоздали на берег и таяли на розовых камнях, в семье одного розанца родился малыш. «Нехорошо родиться в такое время, – вздыхали самые старые и опытные

розанцы, – сейчас весна борется с зимой, а день с ночью – не будет малышу в жизни покоя».

«Он такой милый и симпатичный, – радовались родители, – вот только ушки у него большеватые». «Большеватые? – качали головами соседи. – Да они просто огромные!» И малыш получил имя – Ушан. А потом его стали называть просто Уш – покороче.

Розанцы растут быстро. Уже следующим летом Уш бегал по всему лесу и играл с розовыми камушками на берегу: подбрасывал и ловил, гладил, перекладывал покрасивее... Ему не надоедало. Или помогал собирать и сушить на зиму цветочные лепестки. Или пел, подражая птицам, чаще всего крапивнику и весничке. И всё бы хорошо, да только предсказание стариков начинало сбываться.

Однажды Уш собирал цветы на полянке и вдруг услышал, как ссорятся две белочки – одна никак не могла найти свой орешек и упрекала другую, что та его утащила. Белочки, обычно такие милые и дружелюбные, так громко и сердито верещали, что у Уша стало тяжело на сердце, и несколько цветочков на груди сомкнули лепестки.

Уш, как и всякий розанец, знал, насколько это опасно. Он отвернулся и бросился бежать – да так, что его большие треугольные уши хлопали по спине. Конечно, малыш постарался поскорее забыть обо всём, как его учили. Но не получалось. Иногда он даже закрывал уши ладошками – боялся снова услышать сердитые голоса.

В конце концов Уш так устал прогонять воспоминания, что даже подумал: может, надо было просто помочь этой белочке? Отыскать орех, да и всё. Подумал и испуганно оглянулся – ведь ему с самого детства внушали: так нельзя! Увидел то, что тебя огорчает, – отворачивайся и убегай. И не думай об этом. Ушу было стыдно, что он такой непослушный, и он изо всех сил старался стать хорошим.

Но ничего не вышло. Только он перестал вспоминать о белочках, как случилось ещё кое-что. Уш шёл по лесу и услышал писк. Накануне был сильный ливень, и теперь всё вокруг насквозь пропиталось водой: струйками и ручейками стремилась она к реке, просачивалась в землю, наполняла болота... И залила по пути норку старой мышки.

Испуганно пища, старушка вскарабкалась на сухую корягу и оттуда смотрела, как плывут мимо зёрнышки, семена, мяг-

кие травинки для постели... Все запасы пропали, дом разрушен – негде ни поспать, ни спрятаться. Всё теперь надо начинать сызнова – найти новое место, выкопать норку, натаскать туда всякого добра... Ох, успеть бы до зимы – старые лапки уже не такие проворные, зубки не такие острые, да и хвостик стал побаливать от холода и сырости.

Уш забрался на высокую травяную кочку и оттуда всё видел. Он и не вспомнил, что надо убежать. Но когда защемило сердце и начали вянуть цветочки на груди, бросился наутёк. И снова так долго не мог забыть об этом, что невольно подумал: может, надо было просто помочь?

Так продолжалось всё лето. Уш огорчался и забывал, чему его учили. Потом стыдился неправильных мыслей, ругал сам себя и огорчался, что он такой непослушный. Ох, правы были старики: в душе маленького Уша, как весна с зимой, как день с ночью, боролись две силы: голос сердца и закон своего народа. И не было ему покоя.

В августе малыш заболел. Он так мучился, что не может стать хорошим, что цветочки на его теле начали вянуть один за другим. Целыми днями лежал он теперь в кроватке, а мама хлопотала вокруг, стараясь его развеселить. Но у самой глаза были грустные-грустные. Уш боялся, что мама из-за него тоже заболит, и от этого его цветочки вяли ещё быстрее. Он похудел, и, когда на теле осталось всего несколько лепестков, соседи стали поговаривать, что пора бы уже готовиться к празднику перехода.

Дело в том, что розанцы не грустили, когда кто-то из них умирал – они верили, что умерший переходит в чудесный мир, где небо и река всегда розовеют от утренних лучей, берега усыпаны самыми красивыми розовыми камушками, и повсюду цветут самые прекрасные и самые вкусные розовые цветы, которые так и называются – розы. Зачем же грустить, если розанец отправляется в такое место?

Но мама маленького Уша очень хотела, чтобы сынок ещё немного пожил дома. Уш и сам этого хотел. Он лежал и думал, что, пожалуй, смог бы стать хорошим, если бы не видел ничего грустного. Огорчения с ним обычно случаются в лесу. А что если пока не ходить в лес?

Он встрепенулся – а это мысль! – и выглянул в окно. Над лесом нависли тяжёлые серые тучи, а снизу, по траве напалзал

сумрак. «Будет гроза», – подумал Уш, и в животе стало щекотно. Все розанцы любят грозу – она такая красивая! Уш глянул на реку: по обоим берегам как будто перемигивались розовые светлячки. Это сияли камушки. «Завтра я буду играть с ними весь день», – решил он и закрыл глаза.

Вскоре громыхнуло и налетел ветер. Он так пригнул деревья, что лес сплющился, словно по нему ударил огромный молот. Розанцы верили – это тот самый, что грохотал в небе. Мама Уша заглянула в кроватку – может, её малыш хоть грозе обрадуется? Но он спал и счастливо улыбался во сне. А на худеньком теле один за одним медленно распускались цветочки.

Розанцы сразу выздоравливают от радости. Уже назавтра Уш перебирал на берегу камушки, выискивая самый розовый. Как же он соскучился по ним, пока бегал по лесу! Как же хорошо ничему не огорчаться! Как здорово быть послушным! Уш улыбался, и цветочки на нём раскрылись так широко, что толкались лепестками.

Вдруг он обнаружил что-то странное: ивовый прутик, а на конце – пушинки. Всякие разные: и одуванчиковые, и ивовые с тополиными, и даже чья-то белая шерсть. Все пушинки привязаны к прутику золотистой ниточкой, а самое странное – вымазаны в чём-то розовом. И это розовое сияет ещё ярче камушков.

Чудесная вещица! Уш долго разглядывал её, и она всё больше ему нравилась. Откуда же она здесь взялась? Никто никогда не находил на берегу такого. Может, её принесла река? Нет, сюда никакая волна не достанет.

Уш осторожно положил прутик туда, где нашёл. Наверно, кто-то его потерял. Но кто?

– Может, эта штука упала с неба? – спросил Уш сам себя и засмеялся – такой нелепой показалась эта мысль.

Эх, если б он только знал...

Утром, чуть свет, Уш снова побежал к реке. Прутик лежал на том же месте, весь покрытый росой. Уш присел рядом и задумался. А потом спрятался среди кустов тальника и стал наблюдать – любопытно же, кто придёт за прутиком.

Весь день просидел Уш в своём укрытии. С веток вокруг него свисали цветы, похожие на большие белые колокольчики. Мама говорила, что это княжик. Он часто оплетает кусты. Уш любил

смотреть на эти цветы, хотя они и не розовые. Но сейчас он не отрывал глаз от берега. А там никто так и не появился.

По дороге домой уже в сумерках Уш подумал: «Наверно, тот, кто потерял прутик, заметил меня и испугался. Ну что ж, завтра я вообще к реке не пойду».

Весь следующий день Уш помогал маме – надо было высушить на зиму целых шесть корзин лепестков. Малыш носил дрова, топил печку, переставлял сита и так устал, что заснул сидя. Пришлось папе нести его в кроватку, а маме – укрывать одеялом.

Но едва посветлело небо на востоке, как Уш уже примчался на берег. Прутик по-прежнему был там. Как же так? Уш думал и думал, а чем больше думал, тем больше волновался. За три дня за прутиком никто не пришёл. За таким чудесным прутиком с пушинками, привязанными золотистой ниткой! Тут что-то не так. Тут точно что-то не так!

Уш поднял прутик и вдруг насторожился: вдали кто-то шагал, невидимый за излучиной, и под этими тяжёлыми шагами жалобно скрипели камушки. Уш крутанулся на месте, так что треугольники ушей на стебельках взметнулись в стороны, и помчался к лесу.

Шаги приближались – медленно и потому очень страшно. Уш не выдержал и осторожно выглянул из-за ствола. Он не забыл поглядеть и на свои цветочки: ни один не завял. Вот повезло: когда так боишься, не успеваешь огорчаться.

И тут Уш увидел его.

– Мокрющий зверейник, – всхлипнул он и задрожал.

Да, это был мокрющий зверейник. Огромный, в клочьях чёрной шерсти, с которой стекала грязная жижа. Зверейник шагал по камушкам, оставляя мокрые чёрные следы, и бубнил себе под нос. То есть это так только говорится – бубнил. На самом деле он рычал и скрипел, ревел и гундосил. А его вечно прищуренные глазки обшаривали берег.

Любой розанец с детства знал: мокрющий зверейник очень опасен и не любит их народ. Уш помчался было домой – предупредить своих, но вдруг остановился. А чего это зверейник при свете дня разгуливает по их берегу? Неспроста это. Малыш снова выглянул и прислушался.

Зверейник говорил сам с собой:

– Ну где же она выронила ту штуку? Эти проклятые камни все одинаковы! Вот же глупая малявка! Ну да я заставлю её сказать или приволоку сюда – и пусть сама ищет. А потом будет сидеть в клетке, пока не поговорит со своими! Ишь, разлета-

лись тут! Камни им понадобилось красить! Мне и от солнца покоя нет, только в пасмурные деньки и вылезая из болота. А тут эти булыжники розовые сияют, аж глаза режет! Надоело! А не перестанут малевать, в клочья её разорву! Всех р-р-разорву! И тогда камни снова станут серыми, как тучи. Ласковыми. И глазки мои не будут болеть. И не придётся в болоте прятаться... Ой, болтаю я тут как последний дурень, а если из-за деревьев кто-нибудь подслушает?

Чёрная туша повернулась к лесу, и Уш прижался к стволу. Но зверейник прикинул ширину отмели и, кажется, успокоился:

– Ну нет, оттуда даже эти поганцы в цветочек ничего не разберут. Да где же эта штука?!

Да, мокрющий зверейник был прав: ни один розанец не смог бы расслышать его бормотание – слишком далеко. Но только не для Уша. Огромные треугольные уши частенько его выручали, помогли и на этот раз. Малыш всё слышал и был ошеломлён. Выходит, камни сами по себе серые, просто кто-то их красил. Зверейник сказал – малявка. И он поймал её и посадил в клетку. А теперь ищет здесь какую-то штуку, которую она выронила.

Тут Уша осенило: прутик! Ну конечно, как же он сразу не догадался?! Это ведь самая настоящая кисточка! Он покрепче сжал её в кулаке и поспешил домой.

Розанцы волновались. Уш примчался как угорелый, но пошёл не к себе, а к старейшине – самому старому и мудрому из них. А вскоре туда позвали и других стариков. Никто не знал, о чём они говорили, только гул голосов время от времени становился громче. Наконец ближе к обеду вышел Уш и, опустив голову, побрёл к реке. Никто не решился его расспрашивать.

А малыш из-за слёз почти не видел тропинки, и цветочки на нём постепенно складывали лепестки. Старики решили уходить: если камни станут серыми и мокрющий зверейник начнёт бродить по берегу, ничего другого не останется.

«А та малявка как же? – спросил у них Уш. – Так и будет сидеть в какой-то клетке? А как же наша река с розовыми камушками?» И тогда его назвали непослушным и даже бессовестным. Разве забыл он древний закон: увидел то, что тебя огорчает, – сразу уходи! И не думай об этом!

Но не думать Уш не мог.

На берегу уже никого не было, только на розовых камушках остались грязные пятна. Уш подбежал к воде, зачерпнул полные ладошки и вылил на камушек. Почти до самого вечера бегал он по отмели и отмывал следы зверейника – это отвлекало от грустных мыслей. Наконец след свернул в лес.

Уш вздохнул и остановился. Оглянулся на тропинку к дому. Там он должен быть сейчас. Там ждут его мама и – древний закон, строгий и неумолимый. Каждый достойный розанец слушается этого закона. У Уша снова потекли слёзы – прямо ручьём. Ну не мог он стать хорошим! Никак не мог.

Вдруг он кое-что понял. И внутри словно бы что-то распрямилось и даже зазвенело тихонько. Как щепочка на пне, если её оттянуть, а потом резко отпустить. Уш больше не чувствовал себя преступником. «Я вовсе не непослушный, – подумал он, – просто я не согласен».

Ещё в детстве, когда им со сверстниками читали летопись, Ушу она представлялась как прерывистая, пунктирная линия. Розанцы приходили на новое место, обживались, дружили с соседями, а потом – потом повторялась неизменная фраза:

Случилось большое огорчение, и мы ушли.

Что за огорчение, летопись умалчивала – писать о таком было запрещено. Ведь опасно огорчать потомков, которые будут это читать. И на новом месте всё начиналось сызнова.

«Толку-то от такой летописи», – подумал Уш, и эта мысль его не ужаснула.

Цветочки на розовом теле широко раскрылись и качали тычинками. Маленький розанец оглянулся на чистый, сияющий берег и храбро шагнул туда, куда совсем недавно решил не ходить.

Вот сломанная ветка, там глубокие вмятины во мху, а дальше – втопанная в землю трава... Такой след не потеряешь и в сумерках. Уш почти бежал и только изредка останавливался, чтобы опознаться. Ага, вон знакомая сосна с раздвоенной вершиной – значит, впереди большое топкое болото. Когда под ногами зачавкало, малыш замедлил шаг. Прощупывая дорогу прочной палкой, он ловко прыгал с кочки на кочку и внимательно смотрел по сторонам. Он понимал, что проник во владения мокрючего зверейника.

След, к счастью, вёл по краю топи. Вокруг было темновато, но не мрачно – высокие густо-зелёные ёлки нависали над тропой, но между ними, как солнечные зайчики, мелькали жёлтые листики ирги. Ушу нравилось смотреть на осенний лес, но сейчас не время – совсем скоро сядет солнце, и так уже виден лишь самый краешек Небесного Одуванчика. Так называли солнце древние розанцы.

Ушу стало весело – приятно всё-таки чувствовать себя храбрым. Но когда впереди, совсем рядом кто-то зашевелился, малыш вздрогнул и невольно попятился.

– Не бойся меня, – зазвучал нежный голосок.

Но не бояться было трудновато: сквозь натыканные в землю палки и коряги смотрело хоть и маленькое, но такое чумазое и лохматое существо, что Уш принял его за детёныша зверейника. И если б не голос, удрал бы без оглядки.

– Кто ты? – спросил он наконец.

– Я Алоль. Из рода солнечного луча. Мокрючий зверейник поймал меня у реки и притащил сюда. А потом ещё и вымазал в грязи, чтобы я не светила... – Тут голосок жалобно задрожал: – А то с неба заметят. Он хочет, чтобы я уговорила родных не красить камни и вообще ничего больше не красить. Но это невозможно. Мы же художники – и родители, и все мои братья и сёстры. Ты замечал, что то, чего коснётся солнечный луч, становится жёлтым, красным, розовым? Это мы рисуем.

Уш подошёл поближе.

– А я Ушан из рода розанцев. Но все меня зовут просто Уш. Знаешь, я и правда испугался – твоя шерсть такая же чёрная, как у зверейника, и я подумал...

– Что ты! – перебил голосок. – Это вовсе не шерсть, а моё платье с оборочками. Я его только недавно сшила. И кисточка у меня тоже была новая, но я её выронила на берегу.

– Я нашёл твою кисточку! Такой прутик с пушинками, да?

– Да, это она! Вот здорово! Зверейник хотел её в болоте утопить, чтобы никто не увидел. И меня заодно.

– Может, пока его нет, – спохватился Уш, – я смогу подкопать одну из этих коряг?

– Нет, он их очень глубоко воткнул. Я уже пробовала. Знаешь что? Он сказал, что завтра потащит меня на берег – искать кисточку, и тогда... Давай я тебе на ухо лучше скажу.

Уш улынулся и осторожно просунул стебелёк с ухом между корягами:

– Если хочешь. Но вообще у розанцев очень чуткий слух. Ты можешь говорить шёпотом, и я услышу даже во-о-он оттуда...

Он махнул рукой в сторону далёких ёлок на тропе и вдруг насторожился.

– Он идёт! Ай! – Уш неудачно повернулся, и большое ухо застряло внутри клетки. – Отцепи скорей!

У Алоли от страха затряслись руки, и никак не получалось просунуть между корягами широкий треугольник. Уш чуть не плакал: если зверейник увидит его здесь – всё пропало! Кто тогда спасёт Алоль?

Шаги всё ближе и ближе. Хруст веток слышен на весь лес. Девочка наконец протолкнула ухо наружу, но теперь зацепилась стебелёк! Тогда она в отчаянии обломала сухой сучок, и Уш почувствовал, что свободен.

– Я недалеко, – успел он шепнуть и нырнул под ближайшую ёлку за мгновение до того, как на поляне показалась огромная туша мокрючего зверейника.

Взошла луна. И чёрные ёлки сразу перестали быть чёрными: тут и там взблёскивают серебром хвоинки, а то и целая ветка... Алоль плакала. Ведь это её двоюродные братья из рода лунного луча разрисовывали лес. Как им, наверное, весело водить кисточками. А она не может даже позвать на помощь!

Зверейник так и не ушёл – он улёгся рядом со своей пленницей и захрапел. Но стоило ей пошевелиться, как храп тут же смолкал. Алоль думала о том, что с Ушем теперь не поговорить, а значит, он не успеет ей помочь. Ведь то, что она задумала, можно сделать только на рассвете. Девочка смахнула слёзы и поглядела на лес сквозь решётку из коряг. Вдруг она вздрогнула.

Вот же он, Уш! Стоит на повороте тропинки, отлично видимый в лунном свете... Но что это он делает? Кажется, держит треугольник уха и показывает то на него, то на свой рот. Что бы это значило? «Ты можешь говорить шёпотом, и я услышу даже во-о-он оттуда», – вспомнила Алоль. И тихо-тихо, так, что сама себя едва слышала, зашептала.

Уш замер, держа оба уха в ладошках. Потом кивнул, махнул на прощанье рукой и пропал в темноте ночного леса.

Когда он добрался до первых домиков розанцев, небо слегка побледнело. Значит, ночь уже кончалась. Надо спешить. Ушу нужна была кисточка Алоли, а она осталась у старейшины.

Все розанцы знали, что добрый старик никогда не запирает дверь – мало ли что случится: он, как глава рода, всегда поможет в беде. Но только если ты не нарушил древний закон.

А Уш нарушил. Больше того – собирается нарушить снова. Старейшина этого не одобрит и кисточку точно не отдаст. Поэтому Уш осторожно, на цыпочках прокрался внутрь. Утром он видел кисточку на широком столе посреди гостиной, где обычно собирался совет. Но сейчас её там не было. Может, убрали в большой сундук, где хранится летопись?

Малыш еле-еле поднял крышку – ну и тяжеленная! Точно! Кисточка тут, прямо сверху. Вот повезло! Уш схватил её и выскользнул из дома, тихонько притворив дверь. Довольный, что не разбудил старейшину, он вприпрыжку бежал по тропинке к реке и не замечал, что сзади крадётся высокая тень.

Когда тучи скрывают солнце, всё вокруг сразу блёкнет. И лишь камушки продолжают сиять, даже в самый пасмурный день. Никто из розанцев не знает почему. Но Ушу Алоль открыла секрет. Ведь это она придумала сделать камушки розовыми. В её роду – помнишь, он называется родом солнечного луча? – принято макать кисточки прямо в солнечные лучики, а Алоль свою окунает в реку. Зачем? А вот послушай.

Когда самый первый рассветный лучик касается воды, она вся розовеет. И если окунуть в неё кисточку и что-нибудь покрасить, краска продержится очень долго.

Именно об этом и попросила Уша Алоль в лунном ночном лесу. Но для чего же ей понадобилось красить камушки именно сейчас? Для того, объяснила она, чтобы сделать их гладкими и блестящими. Как речные струи. Или как зеркальца.

Уш держал кисточку над самой водой и ждал, повернувшись к востоку. Рядом он приготовил два плоских камушка. «А если макнуть в воду палец, станет он розовым или нет?» – пришло ему в голову. Но додумать Уш не успел.

По реке, переливаясь на волнах, побежало розовое сияние. Первый луч! Пора! Уш опустил в воду кисточку. А когда поднял, с пушинок капал растворённый в речной воде солнечный свет.

Да, одно дело – знать про чудо, и совсем другое – сделать его самому. У Уша слегка подрагивали руки, он смотрел и думал: «Какая же счастливая эта Алоль, если может всю жизнь раскрашивать мир такими красками!» Розовый свет капал

и капал, а Уш всё смотрел и смотрел. И вдруг спохватился: «Алоль! Что же это я?!»

Он быстро мазнул кисточкой по одному плоскому камушку, потом по второму. Подождал немного и мазнул ещё разок, а потом ещё. Алоль говорила: красить надо в три слоя. Ну вот, всё готово. К счастью, краски хватило. Теперь он будет ждать.

Спрятавшись за большой корягой, которую выбросило на берег весеннее половодье, Уш следил за тропой мокрючего зверейника. А в это время за ним самим следили два внимательных глаза.

Уш даже не мигал от усердия, а мог бы и вовсе не смотреть – зверейника он всё равно услышал издали: тяжёлые шаги, хруст веток, гундосое рычание вперемешку с сопением... И иногда – нежный жалобный голосок. Значит, Алоль с ним. Уш поднял камушки и приготовился.

Зверейник тащил Алоль под мышкой. Когда он поставил её на розовый берег, такую же чёрную и грязную, как и сам, у Уша сжалось сердце. Но ни один цветочек завянуть не успел – не до огорчений сейчас.

– Ищи эту свою штуковину! И не вздумай удирать! – прорычал зверейник Алоли.

Уш выскочил из-за коряги.

– А-а, поганец в цветочек, – заметил его зверейник. – Чего тут распрыгался? Жить надоело?

Чёрная туша приближалась, закрывая полнеба, но Уш не попятился, а храбро поднял руку. Зверейник захохотал:

– Ты что же – воевать со мной вздумал, козявка розовая? Да я тебя в лепёшку расплющу! Будет у меня праздничная тарелочка в цветочек, а-ха-ха-ха!..

А Уш поймал камушком, как зеркальцем, солнечный луч и пустил прямо в злые прищуренные глазки. Зверейник взвыл от боли, закрыл морду лапами и бросился на маленького врага! Шмяк! Огромная туша шлёпнулась на розовый берег. Уш-то отскочил, а зверейник с закрытыми глазами со всего маху налетел на корягу.

Ужасающий рёв разбудил всех в округе. Проснулись и розанцы. Они очень испугались и первым делом побежали к дому старейшины. Но старейшины не было! Ни в доме, ни вообще в деревне. В растерянности столпились розанцы на поляне, бледно-розовые от страха, – шум на берегу сводил их с ума.

Наконец трое самых отважных рискнули спуститься к реке. Они осторожно выглянули из-за кустов тальника и чуть было не убежали со всех ног.

Ещё бы! По отмели метался мокрючий зверейник, кидаясь на двух малышей – розового и чёрного. А те ловко уворачивались и слепили его солнечными зайчиками – Уш успел передать Алоли второй камушек. Зверейник то злобно рычал, то скулил от боли. И наконец бросился наутёк.

Розанцы переглянулись – ну кто в такое поверит? Огромный и страшный мокрючий зверейник, не разбирая дороги, удирал от двух малюток. Да кто же они, эти могучие герои?

А у могучих героев от усталости и запоздалого страха подкосились коленки. Но через минуту оба уже смеялись и кружились, взявшись за руки, а потом с разбега сиганули в воду.

Трое розанцев с улыбкой наблюдали из-за кустов за этим весельем и вдруг вытаращили глаза: в реку-то нырнули розовый и чёрный малыши, а выскочили розовый и золотистый!

Да, Алоль умылась и отстирала платице. И Уш не мог на неё наглядеться. Никогда он не видел такой красивой девочки! И такой нарядной: оборочки высыхали и расправлялись, и вскоре Алоль стала похожа на одуванчик, а на платье заискрились блики. Только Уш собрался сказать, что она ему очень нравится, как вдруг...

Трое розанцев в тальнике не просто вытаращили глаза, но и рты разинули. Они уже не успевали за новыми чудесами. Вокруг золотистого малыша, точнее, малышки, на миг появилась радуга и рассыпалась такими же сверкающими человечками.

Это братья и сёстры Алоли разглядели её с неба. Они спустились каждый на своём луче и затормошили сестрёнку:

- Где ты была?
- Ты пряталась?
- Почему мы тебя не видели?
- Мы везде тебя искали!

Алоль не успевала отвечать. А Уш слегка обалдел.

– Так, радуга – это... тоже вы? – спросил он.

– Конечно! – воскликнул «красный» человечек и представился: – Меня зовут Кель. Мы очень любим пролетать сквозь дождинки, на спор. И я всегда быстрее всех проскакиваю. За мной Иль, – он кивнул на «оранжевую» девочку, – за ней Алоль, а потом и остальные: Линаль, Свиль, Кажуль и Юноль.

Три мальчика – «зелёный», «голубой» и «синий» – и «фиолетовая» девочка, самая маленькая, по очереди поклонились Ушу.

– У младших, – продолжал Кель, – так быстро, как у меня, не выходит. А вода, она ведь упругая, сам знаешь. Если будешь реку медленно переплывать, тебя течением отнесёт, так ведь? И прямо переплыть не получится – только наискосок. Вот у нас и выходит: кто медленней сквозь дождь летит, того больше в сторону относит. Потому и мчимся мы не кучкой, как по воздуху, а всегда друг за дружкой. Так нас и видят – каждого отдельно. Получается радуга.

– Здорово! – восхитился Уш. – Как же здорово! Я теперь всегда о вас думать буду.

Кель хлопнул его по плечу:

– Да мы ещё встретимся! А теперь нам пора – родители ждут.

Уш хотел было спросить, кто же их родители, но не успел – все шестеро оседлали свои лучики и вмиг растаяли в воздухе. Алоль задержалась. Она подошла к Ушу:

– Спасибо тебе. Ты очень храбрый. И знаешь, ты мне очень, очень понравился.

Трое розанцев этого уже не видели – торопились рассказать всем удивительные новости. Правда, Уша издалека они не узнали, но новостей и так было с избытком: победа над зверейником, превращение чёрной малышки в золотистую, а потом ещё и человечки из радуги! Вся деревня гудела от разговоров. Как им нужен сейчас старейшина! Ну куда же он подевался?

А дело было так. Ночью старейшина всё-таки проснулся, заметил Уша с кисточкой и догадался, что маленький мятежник что-то затевает. Старик тихонько крался за ним к реке и видел всё: и розовую краску, и битву с мокрючим зверейником, и братьев и сестёр Алоли. Видел и то, как она растворилась в воздухе, а Уш хлопнул себя по лбу и помчался к коряге с криком:

– Алоль, подожди! Подожди, Алоль! Ты забыла кисточку!

Алоль вновь появилась на берегу, и они с Ушем долго о чём-то говорили, держась за руки. Потом Уш помахал девочке на прощанье, а сам сел на розовые камушки и понурился.

Старейшина хотел было подойти к нему, но раздумал. Что он скажет этому малышу, когда и сам теперь не знает, что правильно, а что нет? Как и всякий глава рода, он учил розанцев всегда соблюдать закон. А ещё вёл летопись. И вот сейчас сердце летописца ликовало – какой прекрасный рассказ получится, если записать подвиг Уша! Подумать только: розанец побе-

дил мокрючего зверейника! Но внутренний голос, к которому старейшина привык прислушиваться, строго спрашивал: разве может быть героем тот, кто нарушил древний закон?

Старик не знал, что на это ответить, и не спешил в деревню – там сразу же попросят совета, а что он может посоветовать, когда сам в смятении?

Уш тоже никуда не спешил – сидел, грустно перебирал камушки, и некоторые его цветочки медленно закрывались. Ну как он пойдёт к своим? Что им скажет? Можно попросить прощения, и его наверняка простят. Но Уш не чувствовал себя виноватым: если бы пришлось прожить эти дни заново, он поступил бы точно так же. И соврать не мог.

Можно попробовать всё объяснить. А если его всё-таки не поймут? Ведь никто из розанцев ещё не нарушал закона. И что ему тогда делать? Жить в лесу совсем одному? Но он так соскучился по маме с папой, по деревне с уютными домиками вокруг общей клумбы, по друзьям и школе... Так и сидел он на берегу, не зная, на что решиться.

– Здравствуй, малыш, – услышал вдруг Уш и поднял глаза.

Перед ним стоял старейшина. Он уселся рядом, взял в руку камушек и спросил:

– Знаешь, сколько мне лет?

Уш покачал головой.

– Я видел три больших огорчения. Три ухода. Я не помню край, где родился. Почти никому из нас не удаётся встретить старость там, где прошло детство. И потому мы никогда не даём имён ни рекам, ни горам, ни озёрам... Мы не позволяем себе любить ничего вокруг, – старик погладил камушек в ладони, – потому что в любой день можем уйти навсегда и будем тосковать, а это опасно.

Уш слушал очень внимательно. Только теперь он понял, что старому летописцу соблюдать древний закон было труднее всех. Вдруг старик положил ему руку на плечо.

– Ты прав, маленький Ушан, – сказал он твёрдо, – у тебя зоркое сердце! Древний закон ошибается, и нашему народу больше не следует подчиняться ему. Ответь мне: как вели себя твои цветочки?

– Они стали вянуть, когда вы собрались уходить, – честно признался Уш. – Но когда я решил бороться, тут же раскрылись. И даже больше, чем обычно.

– Так я и думал, – кивнул старейшина. – Огорчения для нас смертельно опасны, и с этим ничего не поделаешь. Но от огорчений не обязательно убегать – можно делать так, чтобы их не стало. По этому закону и должен отныне жить наш народ.

Старик легко поднялся на ноги и радостно, словно в первый раз, оглядел окрестности.

– Как ты думаешь, какое имя подойдёт нашей реке?

Однажды в конце сентября мокрючий зверейник вылез из болота. С деревьев облетели почти все листья, и лес стал прозрачным и светлым. Теперь только в старых елях можно укрыться от солнечных лучей. Но сегодня денёк мягкий, серенький. Зверейник довольно сопел.

Внезапно всё вокруг засверкало – ярко, нестерпимо. Он зарычал, закрыл морду лапами и хотел броситься в болото, но не тут-то было. Свет окружал со всех сторон, слепил, резал глаза.

– Послушай, – прозвучал знакомый голосок, – если ты пообещаешь нас не трогать, мы перестанем светить.

– Не буду, не буду я, – утирая слёзы, стонал зверейник.

Свет погас. Зверейник робко опустил лапы – у его ног стояли семь человечков в серых плащах и один в цветочек.

– Не сердись на меня, – шагнула вперёд Алоль. – Я не знала, что у тебя глаза болят. Прими, пожалуйста, наш подарок. Это очки из дымчатого кварца, в них каждый день покажется тебе пасмурным.

– А это от моей мамы, – выступил Уш, – глазные капли. Они очень хорошо помогают, потому что мама делает их из белой осенней росы. На здоровье.

И человечки вмиг исчезли.

Мокрючий зверейник удивлённо моргал, глядя в серое облачное небо.

Миновала зима, и по реке снова поплыли голубые льдины, застревая на розовых камнях.

– Шумит наша Алоль, – говорил довольный старейшина.

Да, реку назвали в честь той, что так чудесно украсила её берега. Старейшина всю зиму трудился над новой летописью, а розанцы обсуждали новый закон. И когда всё обдумали и обсудили, он им чрезвычайно понравился.

С тех пор началась новая жизнь. На днях, например, на льдине посреди реки кто-то заметил белочку – подняв пушистый хвост, она испуганно металась от одного края к другому, но везде бурлила вода. Тут же бросили крюк на верёвке – такие обычно используют, чтобы забираться за цветами на деревья. Крюк зацепился за льдину, и несколько сильных розанцев подтащили её к берегу.

Как все радовались! И спасённая белочка, и спасатели, и те, кто просто наблюдал. Цветочки на розовых телах раскрылись шире некуда – значит, прав новый закон! Каждый день приносил новые огорчения, которые теперь превращали в радости.

А однажды летним вечером, когда Уш шёл по берегу после встречи с Алольей, кто-то тихонько прорычал:

– Эй ты, в цветочек!

И из кустов тальника вылез мокрющий зверейник. Его было не узнать: на длинном носу красовались дымчатые очки, шерсть стала сухой и пушистой, и вовсе не чёрной, а коричневой, с мягким палевым подшёрстком. Уш даже поймал себя на мысли, что зверейник – красивый.

– Я... это... вам... Вот! – И зверейник протянул белый букет.

Уш задохнулся от восторга. Вахта! Вахта трёхлистная! Белоснежные пушистые звёздочки! Эти цветы цвели только в сказках, что рассказывали самые старые розанцы.

– Где ты их нашёл? – прошептал Уш.

– Да чего там... – смутился зверейник. – У меня на болоте их полно. Вы приходите, а? Я там гать настелил. Придёте?

– Спасибо, мы придём. Большое спасибо. – Уш протянул руку, и зверейник, теперь уже не мокрющий, бережно взял в лапы розовую ладошку.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ МИР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УША И РЕЧНОЙ ЛОШАДКИ

Иголки становились всё зеленее. Скоро рассвет. Уш смотрел сквозь еловые ветки на берег родной реки. Рядом сопел зверейник, сдерживая дыхание, чтобы не очень шуметь. Они ждали уже долго. И вдруг цветочки Уша раскрылись сильнее, а шерсть зверейника встопорщилась, открывая палевый подшёрсток, хотя оба видели это уже не в первый раз.

Голубоватые огоньки появлялись и исчезали прямо посреди реки, на стрежне. Как будто кто-то скрытый под водой двигал

торчащими, как у волка, ушами. Голубыми. Потом над волнами поднялись голова и изящная шея с гривой. По гриве бегали искорки, иногда срывались и падали в реку. За головой появилось тело, и наконец – стройные ножки – всё прозрачное, как будто из горного хрусталя. Чуть выше копыт ножки окружала опушка из густой и тоже прозрачной шерсти.

Уш со зверейником переглянулись.

– Видел? Точно перед рассветом! – прошептал Уш.

– Как и всегда, – прорычал зверейник насколько мог тихо, но лошадка наострила уши, взбрыкнула и ускакала по воде вверх по течению.

Зверейник виновато кашлянул, но вскоре лошадка вернулась. Уш взял уши в ладони – он всегда так делал, если волновался. Странно, но когда появлялась лошадка, он слышал музыку, такую тихую, что не разобрать, откуда доносится.

Покачиваясь на волнах и переступая ножками, лошадка ждала, обернувшись к востоку. Друзья догадывались, чего она ждёт, – первого солнечного луча. Как только по воде побежало знакомое розовое сияние, лошадка радостно подпрыгнула и нырнула. Больше она не показывалась.

Откуда в краю светящихся камушков взялась эта лошадка? Именно это и интересовало розанцев и зверейника. И Алоль, само собой. Но стоило кому-нибудь приблизиться, как лошадка тут же ныряла. И никогда не покидала стремнины реки, ни разу не вышла на берег. Вот как с такой познакомишься?

– Может, лодку построить? – подумал Уш вслух.

Зверейник почесал длинный нос, поправил очки и прорычал:

– А чем она поможет? Думаешь, коняшка лодки не испугается?

– Может, и не испугается: лодка ведь неживая.

– Ну, подплывёшь поближе, а потом что? Ты-то живой! Увидит она тебя – и бултых в воду. Вот и вся недолга.

Уш грустно кивнул – прав зверейник. Сколько они ни пытались, к лошадке было не подойти.

Но однажды...

Уш и Алоль договорились встретиться на берегу на рассвете – Ушу очень нравилось раскрашивать камушки, и Алоль одалживала другу кисточку. Накануне таких дней ему не спалось. Вот и сегодня он вскочил ещё в сумерках и помчался к реке. На тропинке под кустами тальника было совсем темно, а на берегу светились... Нет, не камушки – что-то голубое... Неу-

жели?! Уш остановился как вкопанный, а потом медленно-медленно стал приближаться. Только бы лошадка снова не нырнула – ведь это её ушки светятся на отмели, её грива искрится. Но лошадка не нырнула. Она даже не пошевелилась, и Уш забеспокоился.

Он перестал осторожничать и побежал бегом – камушки постукивали под ногами, но лошадка словно не слышала.

Уш наклонился и заглянул ей в глаза – они открыты. Большие и тёмно-синие, с белыми ресничками по краю. Красивые глаза. Но очень-очень грустные. Уш присел рядом и робко погладил гриву. По ней забегали искорки, и лошадка приподняла голову.

– Почему ты грустишь? – спросил её Уш.

– Мне не обрести себя, – вздохнула лошадка.

– Как это? – не понял Уш.

– Мне кажется, со мной что-то не так. Я не такая, какой должна быть. Или вокруг всё не такое. Не для меня оно. Или я не для него... Не подхожу этому месту. Наверно, я скоро умру...

И лошадка снова опустила голову на камушки.

– Не надо, – попросил Уш. – Ты очень красивая. И очень подходишь реке. Почему ты думаешь, что не такая?

И вдруг понял, почему...

Она была прозрачной – как воздух, как вода. Но небо то голубело, то темнело от туч, то расцветало зорями или радугой, а по ночам густело роскошной чёрной темнотой. По нему летели облака, на нём мерцали звёзды, оно колыхалось зелёными лентами сполохов и растрескивалось ослепительными молниями. Небо из прозрачного воздуха было самым красочным, что есть на Земле.

А река отражала небо – и его голубизну, и белые облака, и зарю, и звёзды. Она отражала и лес со всеми его цветами, и камушки на берегу. И солнечные блики...

И река, и небо принимали в себя весь мир – и отдавали обратно.

Лошадка же всегда оставалась прозрачной. И Уш вдруг подумал, что ему немного жутко смотреть сквозь неё: вроде она есть, и в то же время – нет. Он догадался, зачем она ждала солнечный луч и ныряла – чтобы растворённый свет прилип к ней, как к камушкам. Но ничего не вышло.

Во всём этом была какая-то тайна. Уш взглянул на поникшую лошадку и решил обязательно, непременно эту тайну разгадать.

– Привет!

С первым лучом на берегу возникла Алоль и протянула другу кисточку. Он схватил её и замер над водой – вот-вот разольётся розовое сияние. А Алоль, немного растерянная и ошарашенная, разглядывала лошадку.

Когда с кисточки закапал растворённый свет, Уш мазнул по прозрачному лошадиному боку. На мгновение на нём проступила бледно-розовая полоска, но тут же исчезла. Теперь и Уш растерялся. Он передал кисточку Алоли – то же самое. Друзья переглянулись в полном недоумении.

– А камушки попробуй, – предложил Уш.

Камушек заблестел, засиял розовым светом – значит, с кисточкой всё в порядке. Но что же такое с лошадкой?

– А ну-ка, на мне давайте! Может, она только неживое красит? – прорычал кто-то над их головами.

Зверейник! Он, оказывается, давно уже стоял рядом и всё видел.

– Только где-нибудь так, чтобы оно потом мне в глаза не светило, – попросил он и повернулся спиной.

Уш улыбнулся и мазнул по широкому мохнатому заду:

– Тут быстрее сотрётся.

Алоль не удержалась и хихикнула. А лошадка даже ухом не повела.

– Ну как? – прорычал зверейник.

– Отлично! Держится. Теперь на твоей ммм... задней части как будто светлячок.

Зверейник безуспешно пытался повернуть голову, чтобы разглядеть себя сзади, но Уш его утешил:

– Видишь, совсем незаметно, твоим глазам ничто не грозит.

– Ну ладно... – махнул лапой зверейник. – А с коняшкой что? Зачем вы её красили-то?

Уш и Алоль не успели ничего сказать, как он легко поднял лошадку и бережно, даже ласково поставил на камушки.

– Ну вот, ноги тебя вроде держат, хоть и тонковаты, конечно. Зачем на твёрдом-то валяться? Все бока отлежишь. Ты лучше давай рассказывай: откуда приплыла и почему пряталась, а?

– И почему к тебе не прилипает моя краска? – добавила Алоль.

– И как ты не можешь обрести себя? – закончил Уш.

Лошадка стояла и моргала. Белые реснички вспархивали и опадали. «Как снежинки, когда вьюжит», – подумал Уш.

- С чего же мне начать? – наконец спросила она.
- С имени, – ответил зверейник. – Я вот – зверейник. А эта мелочь – мои друзья.
- Уш из рода розанцев, – сказал Уш.
- Алоль из рода солнечного луча, – сказала Алоль.
- Все трое с любопытством глядели на лошадку. Она прилегла снова, но не беспомощно, как раньше, а очень мило и изящно.
- Меня зовут Тиллинка. Я проклюнулась в реке.
- Как это – проклюнулась? – перебил Уш. – Как семечко, что ли?
- Ну да, из семечка, – лошадка не понимала, что тут такого особенного. – Как и все мы появляемся.
- Из семечек только деревья да травы, а зверейники – от матерей рождаются.
- И розанцы.
- Так вы проклюнулись прямо из своих мам? – недоумевала лошадка.
- Ну, можно и так сказать...
- А ты, Алоль?
- Я... У нас всё немного иначе. Мы с братьями и сёстрами как будто посерединке между мамой и папой.
- Лошадка ничего не поняла. Да и Уш со зверейником тоже.
- А зверейник – это твоё имя или твоего рода? – спросила лошадка.
- Это род, а имя... – тот смущённо опустил длинный нос.
- Какое? – дёрнул его за шерсть Уш. – Ты никогда не говорил!
- Зверейник вздохнул:
- Носопыра.
- Алоль с Ушем разулыбались, а потом не выдержали и покапались со смеху. Зверейник сердито засопел, но вдруг тоже усмехнулся.
- Какое уж есть...
- Что ты – отличное имя! Весёлое и тебе подходит! – воскликнул Уш. – Правда-правда. Меня вот тоже за большие уши назвали, и ничего.
- А тебе кто имя придумал? – спросила Алоль у лошадки.
- Мне? Река. Когда я проклюнулась, она укачивала меня и напевала: «Тиллинка, Тиллинка».
- Ну, рассказывай же дальше, – попросила Алоль. – Ты проклюнулась здесь, у нас?
- Нет, очень далеко отсюда. Река несла меня, пока я не выросла. А потом уже я и сама могла бегать куда захочу. Здесь

мне понравилось: река удобная, широкая, и видно далеко, но... Вот вы – такие разные, а сюда все очень подходите. Как будто вы – для всего этого, а оно – для вас. А у меня так не получается. А почему, и сама не знаю.

– Потому что ты прозрачная! – вскочил Уш. – Я ещё раньше понял и хотел тебя раскрасить. Ты же для этого в реку с первым лучом ныряла, да?

– Я видела, как вы красили камушки, – кивнула лошадка и тронула один копытцем, – и подумала: вот бы мне так же сиять.

– А убежала-то зачем? – спросил зверейник.

– Мне хотелось сначала обрести себя. Вы же наверняка стали бы меня расспрашивать, а что я скажу?

– Но теперь-то ты говоришь?

– Теперь уже всё равно, раз ничего не получится.

– Как это не получится? – взревел зверейник. – У всех должно получиться, а иначе и рождаться незачем.

– Носопыра прав, – не удержался Уш от улыбки и предложил: – А знаете что? Раз Тиллинка уверена, что к этому месту не подходит, надо узнать, откуда она вообще здесь взялась! Вдруг она и правда... совсем нездешняя?

– Точно! – согласилась Алоль и спросила у лошадки: – Ты помнишь, где проклюнулась?

– Да, помню. Там река совсем неглубокая, и однажды я даже застряла на коряге.

– Тогда отправимся туда! – рыкнул зверейник и ударил лапой по камушку. – Завтра же!

– Ты потерпи до завтра, хорошо? – Уш ласково погладил искривленную гриву.

– Да, коняшка, не грусти, – похлопал её по крупу зверейник. – Никто не должен быть пустым местом, и ты не будешь. Что-нибудь придумаем!

– Я с ней говорил! Мы все!

Уш примчался в деревню с громким криком, и розанцы стали собираться вокруг большого стола. Стол был сделан в виде цветка, и вокруг каждого лепестка рассаживалась обычно целая семья. Этот стол появился в начале Новой истории, как окрестили розанцы время после тех событий, что поменяли всю их жизнь.

Если раньше Уш, увидев поникшую лошадку, тут же убежал бы подальше и ничего не сказал, чтобы никого не огор-

чать, то сейчас совсем наоборот! Всё племя собралось, и цветочки на розовых телах широко раскрылись – розанцы предвкушали радость. Самую большую радость на свете – выручить кого-нибудь из беды. Обычно все рассаживались вокруг большого стола-цветка и вместе думали, как помочь. И столько хорошего происходило за этим столом, что его полюбили даже больше, чем вкусную клумбу в центре деревни, которая в прежние времена была единственным общественным местом.

– Её зовут Тиллинка, – рассказывал Уш, – и она говорит, что не может обрести себя. Чувствует, как будто не подходит ко всему вокруг. Или всё вокруг не подходит ей. И я подумал: может, дело в том, что она прозрачная? Как-то не так прозрачная. В ней ничего не отражается, как в реке... Не переливается и не сверкает, как в небе... Будто бы мир проходит сквозь неё, понимаете? Словно её и нету вовсе... А потом мы с Алолью хотели покрасить её кисточкой, и ничего не вышло. А со зверейником получилось. У него на попе теперь... ну ладно. А, вот что – его зовут Носопыра!

– погоди, погоди, – остановил Уша старейшина, – нашего зверейника зовут Носопыра?

– Да, он сам сказал! Ха-ха-ха, – не смог удержаться Уш, и многие розанцы тоже заулыбались: весёлое имя.

– И вы с Алолью его покрасили?!

– Не целиком, а только мазнули сзади, чтобы проверить кисточку!

– Понятно, – медленно произнёс старейшина и едва заметно улыбнулся. – Так что же дальше с лошадкой?

– Мы договорились завтра пойти туда, откуда она приплыла. Это зверейник придумал! Ах да, она сказала, что проклюнулась из семечка где-то в верховьях нашей реки. Может, там что-нибудь узнаем.

– А мы пока сплетём для Тиллинки покрывало! Давайте? – пискнула маленькая розаночка, самая лучшая рукодельница племени.

За столом весело загомонили – это мысль! Розанцы одежды не носили, но по ночам всегда мёрзли, даже летом. Из поколения в поколение передавалось у них дивное искусство. Где бы они ни жили, розанцы собирали пушистые семена трав и деревьев, пуховые перья птиц, шерсть животных... Пряли из этого пуха нитки, красили их отварами из цветов или лишайников и плели изумительные разноцветные одеяла.

Этим искусством владели все. Совсем недавно лучшие узоры получались у отца старейшины, а теперь, после его перехода, славилась работа маленькой Янки. Вообще-то полное её имя –

Дымянка, в честь красивых сиреневых цветочков, но розанцы любили сокращать имена:

Зина – Бузина,

Янка – Веснянка, Дымянка, Льянка,

Вика – Ежевика,

Машка – Ромашка,

Лина – Калина, Малина,

Ника – Земляника, Брусника, Черника...

Интересно, что женские имена чаще всего сокращали с конца, а мужские – с начала. И девочек называли обычно в честь красивых цветов.

А сейчас предложение маленькой Янки всем так понравилось, что старейшина назвал её полным, «взрослым» именем:

– Очень хорошо Дымянка придумала. Если лошадка не будет прозрачной, кто знает – может, ей станет легче. Пусть каждый сплетёт по кусочку, а потом мы соединим их в одно полотно.

На том и порешили.

Уже несколько дней путешествовали друзья по реке. Уш ехал на спине Тиллинки, зверейник шёл посуху – ему, такому здоровенному, никакие буреломы и заросли не страшны. А Алоль на своём луче могла появиться в любом месте – стоило только позвать.

Ушу очень нравилось смотреть с лошадиной спины, как меняются берега: то вырастает высокий крутой яр и за поворотом сменяется плоской отмелью. За ней открывается широкий луг, а дальше к самой воде вдруг подступит лес, и какое-нибудь дерево косо висит над рекой, едва удерживаясь корнями за подмытый берег... И всё время, слышная только уху розанца, звучит и звучит музыка.

По вечерам Алоль поднималась в небо на последнем луче, а Уш со зверейником устраивались на ночлег и раскладывали костерок. Лошадка обычно спала в реке. Но перед тем, как нырнуть, долго смотрела на них: маленький розанец кутался в красивое одеяло и зябко прислонялся к большому мохнатому зверю. А тот, добродушно бурча, обнимал его огромной лапой.

Тиллинке нравился и огонь – он напоминал ей речку, только совсем коротенькую: струйки рождаются и почти сразу пропадают. Зато по стволам и ветвям, по шкуре зверейника и одеялу Уша – повсюду разбегаются отблески и тени. Они дрожат, как трава в воде. Если огонь поворошить, из него выпрыгивают

брызги – яркие жёлтые искры. А сверху помаргивают звёзды – не жёлтые, а белые. Наверно, это искры поднялись до самого неба и чуть-чуть остыли там, наверху. В небе ведь всегда холоднее, чем на земле. Так говорит зверейник.

Чем больше лошадка смотрела, тем сильнее тосковала! Зверейник с Ушем так подходили ко всему: и к огню, и к звёздам, к отблескам и теням. К лесу. И друг к другу... «Как у них получается?» – думала Тиллинка. Сама она чувствовала себя как будто за рамкой красивой картины – всё время снаружи. Со стороны. «Что же со мной не так? Почему я такая отдельная?» На эти вопросы лошадка ответа не знала и, удручённая, ныряла поглубже.

– Смотри, смотри, Тиллинка! Что это? – Уш начал громко, а закончил шёпотом.

Неудивительно: среди подтопленных коряг, занесённых на перекат половодьем, он увидел продолговатое белое... семечко.

– Это оно, – тоже прошептала лошадка. – Из такого же я проклюнулась. Ой, лови его!

Уш спрыгнул со спины Тиллинки и поплыл вдогонку – семечко сорвалось с коряги. Хватать! Нет, мимо – оно проскользнуло между пальцев. Ещё разок! Есть! Поймал! Уш вскарабкался на лошадку, и она поскакала к берегу, где обоих уже ждал зверейник Носопыра.

– Алоль! – Уш только крикнул в небо, и девочка уже рядом.

– Что-то нашли?

– Вот.

Уш раскрыл ладошку. Там лежало семечко – белое семечко с сиреневатым кончиком. Длинненькое и плотное, наверно, набухло в реке.

– Оно скоро проклюнется, – сказала Тиллинка.

– И появится ещё одна лошадка? А нам надо его снова в воду положить? – забеспокоился Уш.

– Необязательно. Семечко может проклюнуться где угодно, лишь бы был свет, – задумчиво сказала Тиллинка, словно прислушиваясь к себе.

– Надо выяснить, откуда они берутся, – озабоченно прорычал Носопыра.

Семечко передали Алоли – уж у неё-то света полно – и отправились дальше. Но теперь и лошадка, и зверейник двигались медленно и внимательно осматривали берега.

Вскоре дорога круто пошла в гору. Она, конечно, с самого начала шла в гору, ведь река-то течёт всегда вниз, а они шли против течения, в верховья. Но теперь подъём стал очень заметным, а береговые обрывы – чёрными. Лошадка подбегала посмотреть: трещиноватые камни глянцевито поблёскивали, но больше ничего особенного они с Ушем не заметили.

Вечерело. Друзья устроились на ночлег на низком берегу, напротив высокого обрыва, и вскоре как большое тёмное одеяло их накрыла его тень.

Уш проснулся первым и зажмурился: солнце сверкало на чёрных камнях. Он прикрыл рукой глаза и увидел внизу, у самой воды, голубоватое овальное пятно. Что это?

Уш кинулся будить зверейника, вызвал лошадку и Алоль. Тиллинка быстро перебежала речку по воде, а Носопыра перешёл вброд. Вблизи стало видно, что по голубому камню расходятся трещинки.

Уш колупнул его пальцем – зачем, и сам не знал, просто так. В реку посыпались и сразу же пошли ко дну каменные крошки, а вслед за ними выпало... белое семечко!

Уш так растерялся, что чуть его не упустил. Хорошо, Тиллинка догадалась – окунула в воду гриву, и семечко застряло среди волос. Его выловили и внимательно рассмотрели – точно такое же!

– Ну-ка, давай я, – раззадорился зверейник. – А вы караульте.

Он наклонился, и тут же на выпяченный зад, прямо на розовое пятно, села бабочка. Она расправила хоботок и запустила его в густую шерсть – думала, там нектар. Уш прыснул:

– Смотри-ка, Носопыра, тебя приняли за цветок!

Зверейник так старался разглядеть себя со спины, так изгибался, что наконец потерял равновесие и плюхнулся в воду. Бабочка удивлённо покружилась над ним и, не найдя «цветка», улетела.

Алоль с Ушем, весело хихикая, устроились на спине Тиллинки и глядели, как легко крошится камень под сильными лапами зверейника. Он так и ковырял берег, сидя в воде – проворчал, что сидя даже удобнее. Вдруг выпало сразу три семечка, а за ними ещё одно, самое крупное. Уш подхватил их и передал Алоли, а та спрятала в карман платья. Все замерли в нетерпении, но час шёл за часом, а никаких семечек больше не выпада-

ло. Наконец голубоватые крошки сменились чёрными – дальше ковырять стало незачем.

Зверейник внимательно рассматривал испачканные лапы.

– Так это же каменный уголь! Понимаете, как всё случилось? Давным-давно, в незапамятные времена на этом месте было болото.

Тиллинка и Алоль в недоумении смотрели на него. И только Уш не удивился: кому-кому, а розанцам известно – о болотах зверейник знал всё.

– И это голубое угодило прямо в трясины, – продолжал тот. – А сверху его засыпало.

– Чем засыпало? – спросила Тиллинка.

– Разными мхами и прочими болотными растениями. Они отживали свой срок и опускались вниз, а за ними следующие, ещё и ещё... Много-много лет, веками. И всё это становилось торфом. А из торфа глубоко внизу уже получился уголь. Там, на глубине, жарко и всё сплющивается, потому что сверху земля давит. А может, здесь позже море стало – тоже тяжесть немалая. Вот и это голубое сплющилось – видите, трещинки как идут? А потом море ушло. Это место снова наверху очутилось, горой его из земли выперло...

– Как это – выперло? – почему-то шёпотом спросила лошадка – она и не думала, что всё здесь такое давнее и... большое.

– Ну, вспучило, что ли... – замялся зверейник. – Земля-то дышит: то поднимается, то опускается, только так медленно, что мы и не замечаем. У нас на минуты счёт, а у неё – на тысячи и миллионы лет.

Все примолкли, глядя на чёрный угольный обрыв. Уш пытался представить все эти долгие-предолгие годы. Цветочки на его теле растопырились и качали тычинками. «Вот эта чёрная крошка невероятно давно была зелёным листочком. И он жил и грелся под солнцем. Интересно, а солнце тогда было такое же, как сейчас?»

– Что же это за голубая штука? – почесал нос зверейник.

– Мы же видели – камень, – удивился Уш.

И вдруг задумался: если древний мох превратился в каменный уголь, то в голубой камень могло превратиться... что угодно! Метеорит... или космический корабль! О них он слышал от Кея – в роду солнечного луча много знают о небе. Но Уш не успел ничего сказать – Алоль вздрогнула и сунула руку в карман:

– Ой! Шевелится!

Они проклюнулись! Все шесть лошадок, малюсеньких и тоже прозрачных, уместились на одной ладошке. Алоль и Уш смеялись, зверейник довольно рыкнул и улыбнулся во всю пасть, и только Тиллинка беспокойно переступала копытцами. Она же старшая и должна помогать своим сёстрам. Но как помогать, если сама пока ничего не понимаешь?

Одна лошадка казалась покрупнее остальных. И росла быстрее – прямо на глазах, и вскоре стала почти как Тиллинка. Она сказала, что её имя До и ей нужно опекать малюток-лошадок, пока те плескались у низкого берега.

Когда солнце скрылось за лесом и все стали устраиваться на ночлег, До подошла к костру и спросила Тиллинку:

– Ты в реке спишь, да? А почему?

– Не знаю, – растерялась Тиллинка. – Просто я в ней проклюнулась и мне там уютно.

– Понятно, – кивнула До. – А имя твоё откуда?

– Тоже от реки. Она напевала его, когда меня баюкала.

Тиллинка отвечала послушно, как ребёнок воспитательнице. Большая лошадка попросила рассказать всю историю, и она рассказала – как плыла по реке, зачем хотела покраситься солнечным лучом, как познакомилась с друзьями и все решили отправиться сюда...

– Не удивляйся, что ты отдельная. Мы прилетели издалека, совсем из другого мира. Я, как самая главная, знаю всё что нужно, – заявила До. – Мы вырастем и уйдём в иные миры, какие захотим. Так что не привязывайся к этой планете. Ты уже умеешь скакать по воздуху?

– Н-не знаю, – пролепетала ошеломлённая Тиллинка. – Я не пробовала.

– Скоро сможешь, не волнуйся. Спасибо вам, – кивнула До зверейнику с Ушем, – что помогли выйти на свет. Теперь перед нами открыта вся Вселенная...

Лошадки росли не по дням, а по часам, и наутро захотели плавать и нырять. Они весело скакали по воде и плескались до самого вечера. А Уш весь день слышал весёлую музыку – гораздо громче, чем обычно. Она смолкла только к вечеру, когда лошадки утомонились. За день они здорово подросли и жаловались, что река мелковата. Вся компания решила возвратиться к отмели розовых камушков.

Зверейник снова пробирался по берегу, а Уш и Алоль скакали на лошадаках: то на одной, то на другой. Оба подпрыгивали, держась за гриву, и захлёбывались от смеха. Лошадки выглядели почти одинаково, только уши у каждой светились своим цветом. Уш с Алолью быстро научились различать их по именам. Имена были короткие, как у До: Ре, Ля, Фа, Си, Ми.

До приглядывала, чтобы никто не потерялся и не ушибся, и тоже весело ржала. Лишь Тиллинка, которую сёстры почему-то называли Соль, не резвилась, а тихонько бежала позади всех или шла опустив голову.

Наконец Уш заметил неладное. Вечером он подошёл к Тиллинке, когда она улеглась у самой воды, и спросил, как раньше:

– Почему ты грустишь?

– Я не знаю, чего хочу, и от этого мне плохо, – вздохнула бедная лошадка. – Мне нравится этот мир, но мы ведь не подходим друг другу. А если уйти в другое место... Вдруг и там будет то же самое? Мне кажется, что-то не так со мной. Но не пойму, что я должна сделать?..

Тиллинка снова вздохнула и закрыла глаза. Уш не знал, что ей ответить и как помочь.

Через неделю показалась розовая отмель. Лошадки пришли в восторг от сияния камушков – они весело носились вдоль берега туда-сюда, так что искорки срывались с грив и падали в реку вместе с брызгами. Лошадок ничуть не волновала собственная прозрачность. Все предвкушали путешествие к далёким и, конечно, сказочно красивым мирам.

А Тиллинка грустила всё больше и больше. Во время пути она то и дело меняла решения – то ей хотелось уйти, то остаться и срастись с этим миром. Как деревья. Они ведь тоже проклёвываются из семечек. И прорастают корнями в землю, а ветвями – в небо.

Пока младшие лошадки резвились у отмели, Уш пригласил Тиллинку в гости. К деревне розанцев вела тропка меж кустов тальника. Его ветки, как обычно, оплёл княжик, и цветы висели тут и там белоснежными гирляндами. Тиллинка ещё ни разу не отходила так далеко от берега. Она то и дело останавливалась посмотреть – на цветы, на муравейник, на гнездо зарянки под кучей валежника...

Также разглядывала она и деревню – маленькие домики, общую клумбу, большой стол... Уш внимательно наблюдал за ней, но так и не понял, о чём она думает. А Тиллинка и сама

не знала – она томилась и боялась. То голова, то круп, то ноги делались на секунду матовыми, как будто по прозрачному телу проплывали волны тумана.

Встречать её собрались все розанцы, и вперёд вышли старейшина и маленькая Дымянка.

– Здравствуй, Тиллинка! Уш рассказал нам о твоей беде, и мы приготовили тебе подарок.

Лошадка собралась поблагодарить, но тут они развернули одеяло, и она забыла все слова. Каждый розанец сплёл то, что больше всего любил: на одном лоскутке была паутинка в каплях росы, на другом – полосатый жучок, на третьем – розовый камушек... Здесь было всё, что так нравилось Тиллинке, и ещё много такого, чего она даже не видела, но оно ей тоже очень понравилось.

«Все кусочки разные, и все подходят друг другу. Как и всё в этом мире. Может, я в таком наряде тоже сюда подойду?» – подумала лошадка с надеждой. Она опустилась на колени, и старейшина с Ушем и Дымянкой накинули на неё одеяло и завязали на животе тесёмками.

Этой ночью Тиллинка ночевала у розанцев под большим дубом на краю полянки, и никогда ещё ей не спалось так спокойно и уютно.

Утром они с Ушем и другими малышами-розанцами побежали к реке. Тиллинка радостно подпрыгивала и вдруг после одного высокого прыжка не опустилась на землю, а застыла в воздухе. Словно встала на невидимую опору. Уш глядел на неё снизу, а потом спросил:

– Ты теперь не можешь спуститься, да?

– Надо попробовать, – испуганно прошептала Тиллинка.

Она шагнула, как будто сходила с горы, и у неё получилось. Вскоре лошадка была на земле, но больше прыгать не стала.

Остальные лошадки ждали на берегу необычно серьёзные.

– Ну как, научилась скакать по воздуху? – первым делом спросила До.

Тиллинка кивнула.

– Значит, пора в путь! – воскликнула До и, заметив одеяло, удивилась: – Что это такое на тебе?

– Это подарок, – сказала Тиллинка и оглянулась на розанцев.

С ними была Алоль. На краю отмели показался зверейник. Лошадки уже поднимались в небо, скакали, сливаясь с обла-

ками. И музыка, которую слышал теперь только Уш, становилась всё тише и тише. Тиллинка пробормотала: «Прощайте», – и тоже шагнула вверх. Потом неуверенно оглянулась. К ней подскочила До.

– Давай скорей, смотри, как мы отстали! Мы рождены, чтобы странствовать в космосе в поисках мира, который нам подойдёт. Это наша судьба. Ты ведь сестра нам, и настоящее твоё имя – Соль. Мы всегда были вместе: До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си! Пойдём, тебе понравится среди звёзд.

– А нельзя мне взять здешнее имя? – робко спросила Тиллинка.

– Если только ты останешься здесь. Но выбрать мир можно лишь один раз. Когда выбор сделан, ты больше не сможешь скакать по небу или в космосе. Да что ты сомневаешься? Там нас ждут планеты гораздо прекраснее этой!

Тиллинка снова оглянулась. Посмотрела на лес с высокими деревьями, на его сквозистые тени и солнечные блики, на розовое сияние камушков и реку, которая ласково баюкала её. На розанцев, Носопыру и Алоль... «Ну что же мне делать? – с отчаянием думала она. – Я всё равно здесь какая-то отдельная. Видимо, моя судьба – и правда уйти». Тиллинка тряхнула гривой, уронив несколько искорок, и поскакала вслед за До.

Уш прижал руки к груди, удерживая готовые свернуться лепестки. Дымянка и другие малыши, а вслед за ними и многие розанки постарше заплакали, и цветочки на их телах стали вянуть. Тут был бессилён даже новый закон. Уш отвернулся, чтобы не смотреть, и вдруг услышал крик старейшины:

– Смотрите, смотрите!

Тиллинка снова остановилась чуть ниже облаков. Ей стало больно – так больно, что трудно было дышать. Она как-то не понимала раньше, что это такое – дышать. А сейчас посреди огромного неба ей не хватало воздуха. «Я не хочу уходить, – думала она. – Я хочу жить тут, под этим солнцем и облаками, среди деревьев и розовых берегов, рядом с этими милыми существами в цветочек. Мне всё равно, что говорит До, я не хочу других миров, даже самых прекрасных! Не хочу такой судьбы, которая отнимет у меня то, что я люблю!»

Тиллинка решительно шагнула вниз, но вдруг споткнулась и упала на колени. С ней творилось что-то странное: мир вокруг казался одновременно большим и маленьким, тёмным и светлым. Телу было то просторно, то тесно. Одеядо розанцев стало невесомым, а ноги почему-то запутались в тесёмках... Но лошадка совсем не испугалась – она знала, точно знала: происходит что-то очень хорошее.

Внезапно всё кончилось. Как будто смолкла музыка одной флейты и снова зазвучала – целым оркестром. Тиллинка огляделась. Она была дома! Этот лес со всеми деревьями, мхом и травами, со всеми гнёздами и цветами – её лес! Эта река – её река, и камушки – её камушки тоже! Она здесь своя и ко всему подходит.

Радостно подпрыгнув, лошадка поскакала вниз, к друзьям, которые махали руками и лапами. Но когда она спустилась на отмель, все перестали махать и удивлённо молчали.

– Что случилось? – забеспокоилась Тиллинка.

– Ничего, – подошёл к ней Уш. – Точнее, кое-что: ты больше не прозрачная!

Тиллинка оглядела себя – вместо подаренного одеяла её всю покрывали мягкие волоски самых разных цветов, повторяя сплетённые розанцами узоры.

– Вот это я понимаю! – по крупу лошадки хлопнула большая мохнатая лапа. – Лучше доброй шерсти ничего нет. А то гляди вон на этих малявок: сколько цветочками ни обвешивайся, они не согреют, – зверейник подхватил Уша, высоко подбросил и бережно поймал. – Ишь растопырился, клумба ходячая, – ласково прорычал он, а Уш счастливо смеялся, сидя на сильных лапах друга.

– Почему же раньше мне здесь было как-то не так, а теперь этот мир кажется самым лучшим? – спросила Тиллинка.

Они с Ушем, Носопырой и старейшиной сидели под большим дубом, уютно устроившись у широкого ствола, и отдыхали после вечернего пира.

– Потому что ты полюбила его, – объяснил старейшина. – И стала своей.

– Всё верно, коняшка, – рыкнул зверейник. – Своим становится только то, что полюбишь. Вот нас возьми, – и он положил лапу Ушу на плечи. – Когда-то я этого малявку чуть в лепёшку не расплющил. А нынче что? Нынче за него любого в клочки порву!

Тиллинка подняла голову. Сквозь дубовые листья, как остывшие искры костра, сияли звёзды. Ей нравилось любоваться ими отсюда, с родной планеты, и она ничуть не грустила, что не сможет скакать среди них к далёким неведомым мирам...

– Значит, вот какой мир подходит нам больше всех, – задумчиво проговорила она, – тот, который полюбишь. Мне кажется, мои сёстры тоже поймут: в этом и есть наша судьба. Любить целый мир.

ГОД НА СТРАНИЦЕ

СОЧИНЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО УША

В середине зимы в краю розовых камушков бывают сильные метели. Вот и сегодня завьюжило. Уш присел у окна – их розанцы делали из слюды, прозрачного слоистого камня, – и смотрел, как снаружи перебегают с места на место позёмка. Струйки снега походили то на белых змеек, то на волны широкой реки. Они сталкивались, рассыпались и снова возникали тут и там, так что в конце концов у Уша закружилась голова.

Он отвернулся, поплотней закутался в одеяло и взял тетрадку из тонкой берёсты. Старейшина, который был и главным учителем, задал всем необычный урок – описать на одной страничке целый год из жизни их народа.

Это совсем непросто. Попробуйте сами – целый год! За год ведь много чего случается, тем более с целым народом. Что записывать, а что – нет? Уш вставал, снова садился, закрывал глаза, жевал сладкий лепесток – ничего не помогало.

– Мам, – позвал он наконец, – а что тебе больше всего запомнилось в этом году?

– Больше всего?.. – немного рассеянно переспросила мама, вынимая пирог из печи. – У твоей тётки двойня родилась, мальчик и девочка, и оба с разноцветными цветочками. Что ещё? Ах, да – соседка придумала совершенно новый рецепт пирога: не с цветочными лепестками, а с ягодами. Всем так понравилось, что теперь почти только их и пекут.

Хлопнула дверь, и в дом ввалился папа, весь белый от снега. Страхнув одеяло, в которое кутался, он весело повёл носом:

– Пирог! Вот это вовремя – какая метель-то, а?

– Пап, а что тебе больше всего в этом году запомнилось? – спросил Уш.

– В этом году? Большой урожай собрали.

Уш вздохнул и подпёр рукой щёку. Он так и думал. Старейшина, издавна составляющий летопись, учил их: каждый запоминает своё. Хороший летописец обязательно расспрашивает всех, и только потом решает, что достойно берестяных страниц, а что не так уж важно. Ушу очень хотелось стать хорошим летописцем.

Он вздохнул: ведь если вместить на страничку всё-всё, получится так кратко, что и читать неинтересно. Ему стало даже смешно.

Вот что он сам делал вчера? Ел, топил печку, учил уроки, ходил к соседям. Разве можно прочесть такое и представить, каким был этот день? Конечно же нет! А ведь летопись будут читать, когда и старейшина, и сам Уш уже перейдут в край цветущих роз. И ему хотелось, чтобы те далёкие и ещё не родившиеся розанцы смогли представить, как жили их предки. «Ведь и я буду чьим-нибудь предком», – подумал он и засмеялся.

Он взглянул на маму и вспомнил, как она впервые приготовила пироги с ягодами по новому рецепту. Папа тогда откусил и так удивился, что вытаращил глаза и закашлялся от неожиданности. А потом слопал почти всю миску.

Уш снова засмеялся и повертел в руках строгу – палочку для письма. Их выстругивали из можжевельных веточек. Писать про папу и пироги или не писать? Не все тогда сразу согласились попробовать непривычную еду. А если в будущем таких чересчур осторожных розанцев станет больше? Может, им как раз и пригодится опыт предков! Ведь и хлеб из зёрен стали есть не так уж давно. Потом кто-то придумал добавить туда лепестки и испёк первый пирог. А теперь вот и с ягодами пекут. И ягоды оказались очень вкусными и питательными – те, кто их ел, чувствовали себя гораздо бодрее тех, кто жевал одни лепестки. А почему раньше не ели ягод? Может, в тех краях, где прежде жили розанцы, съедобных ягод просто не было?

Уш снова поглядел в окно: снежинки то плавно опускались, то вдруг стремительно отлетали прочь. Ему вспомнилось, как старшие говорили, что на свете есть края, где вечно тепло и никакой зимы нет и в помине. И снега там никто не видел. «А вдруг и здесь потом станет так же? – пришло ему в голову. – И тогда нашим потомкам будет трудно представить, какая бывает вьюга... Они не узнают, что она красивая. А мы-то знаем!»

Уш совсем запутался. Важно это или нет? Ведь летопись пишут для памяти, и если он что-то не запишет, оно со временем забудется, исчезнет. Получается, что он должен решить, что вычеркнуть из памяти своего народа, а что оставить! Уш съёжился под одеялом и уронил строгу на стол. Ему стало страшно: одно дело – решать про себя одного, но за весь народ – совсем другое. А если он ошибётся?

Уш посидел немного и решил спросить у старейшины. Но, выйдя из дома, передумал и свернул в другую сторону, к домику своего друга Затиха. Тот тоже сидел за столом и грыз строгу.

– Не знаешь, что писать? – сочувственно спросил Уш.

Затих грустно кивнул. Имя своё он получил за исключительную молчаливость – не любил болтать, никогда не кричал и не плакал, а если говорил, то все знали: значит, без слов уже никак не обойтись. И слушали очень внимательно. Затих вообще не любил сочинений – легче и точнее всего математика!

Уш подсел к другу и заглянул в тетрадь.

– Вот и я не знаю. Вроде, ничего не случилось такого... большого, понимаешь? А маленького много всего, и как тут выбрать, что важнее? И ещё я подумал: у нас всегда пишут, что когда было и кто что сделал. По-твоему, этого хватает? Ну, вот ты себе представляешь, какими были розанцы, когда жили совсем в другом краю? Каким был этот край? Или какие цветы они там ели? Представляешь?

Затих внимательно смотрел на друга и покачивал головой – он никогда об этом не думал. История казалась ему отделённой от жизни чередой событий, значительных и достойных. Как большие деревья в лесу – все их видят, и всем они указывают дорогу. А если нет таких событий, зачем и писать... Конечно, предки что-то ели, но разве это важно? Все едят, даже деревья, только иначе, чем розанцы.

Затих перестал качать головой, вынул строгу изо рта и выпрямился.

– Большие дела важнее всего, – сказал он и добавил: – А маленькие надо просто посчитать.

Уш увидел, что друг его не понимает, и вздохнул. Попрощавшись, он вышел на полянку и сел за большой общинный стол, прямо в наметённый сугроб. Сколько за этим столом сообщается решено вопросов! И Ушу сейчас тоже надо решить очень сложный вопрос. Решить самому. Он потуже укутался в одеяло от холодного ветра.

Может, Затих прав, и всё, кроме больших дел, – мелочь? Но если мелочь касается всех-всех, разве она не важна? Пускай еда – дело обычное. Но ведь едят все в их лесу. Это то общее, что делает похожими даже врагов, недаром ведь принято делить еду после примирения. Вон и Носопыра принёс им тогда букет вахты...

Вспомнив Носопыру, Уш улыбнулся и снова вздохнул – он соскучился и по нему, и по Тиллинке. Но зимой зверейник и лошадка спали – он в большой яме под корнями ели, а она – на дне реки. Теперь друзья встретятся только весной.

Вот бы такое сочинение задали в прошлом году, когда появились у них космические лошадки! А ещё лучше – в позапро-

шлом: там и тайна розовых камушков, и битва с Носопырой, и новый закон... Было бы о чём написать!

«Выходит, – подумал Уш, – Затих всё же прав. Мне самому больше всего запомнились именно большие дела. Получается, это самое важное в жизни. И в Летописи про них читать интересно».

Но такой ответ всё-таки казался Ушу неправильным. Он пока не понимал почему. Но очень волновался. Маленький розанец чувствовал, что ответ очень важен, почти что как новый закон. Ведь если главнее всего большие дела, то, когда их нет и ничего не случается, жить должно быть скучно. И грустно. Но ведь это же не так! Уш вскочил, и с одеяла посыпался снег. Это совсем не так! Разве этот год был грустным? Или пустым? Нет, он был чудесным!

Они с Носопырой и Тиллинкой с самой весны хотели отправиться в далёкое путешествие по реке, чтобы посмотреть, куда она впадает. Но далеко не ушли – из-за Тиллинки. Когда она полюбила наш мир и обрела себя, то не смогла оторваться от края розовых камушков. Нет, она вовсе не отказывалась от похода! Но её так интересовало всё вокруг, что путешествие заканчивалось, так и не начавшись.

Лошадка делала несколько шагов по реке и вдруг подбежала к берегу посмотреть на трухлявый пенёк, весь зелёный от лишайника. А увидев, отчего он зелёный, долго рассматривала диковинные «листки». Потом удивлялась маленькому паучку, дула на жука, чтобы посмотреть, как он полетит. Пробовала на вкус все травинки и листья деревьев, все цветы и даже мох. А когда рядом пели птицы, начинала танцевать.

Друзья только и делали, что звали её, а зверейник однажды просто сгрёб в охапку и отнёс к реке, дав по крупу ласкового пинка... Но через минуту Тиллинка отвлекалась на что-нибудь другое. Носопыра с Ушем вздыхали, нетерпеливо ждали, сердились. А потом вдруг увидели словно бы её глазами, какой красивый и большой их край. Это было странно – всё, известное с детства, стало как будто новым.

– Разве так бывает? – разводил лапами Носопыра. – Ну ладно ты – совсем малявка, а я-то! Без малого сто лет здесь живу, а как на другую планету попал. Ну чего я в этом пенёке не видел! Да я их, таких, сколько передал! Давить давил, а посмотреть – не догадался.

И такой растерянной и удивлённой делалась его длинная морда, вся в кусочках серого лишайника, что Уш заливался хохотом, глядя на своего большого друга.

А танец Тиллинки... Уш вспомнил, как хотел рассказать о нём розанцам и – не нашёл слов. Тогда он просто позвал всех за собой на берег. На рассвете. Когда повсюду пели птицы и река розовела от первого луча. Лошадка стояла на самой стремнине и била копытами. И летели брызги, светлые, почти белые – над рекой – и розовые на фоне далёких облаков. Потом Тиллинка подпрыгнула, и по воде прошёл мягкий перестук, а капельки взлетали в такт с песней дрозда: пилить-пилить-пилить, фьюти-фьюти, чай-чай-чай-чай...

И вдруг танец с каплями незаметно перенёсся дальше, и там брызги взмывали и падали в реку уже иначе, широкой волной: фиу-лиу, фиу-лиу... Потому что так пела иволга. Не успели розанцы налюбоваться, как Тиллинка уже напротив деревни. Или это не лошадка? Поёт и переливается вслед за новой песней букет бело-розовых капель...

Розанцы молча смотрели. Не шевелились и почти не дышали. И тогда Уш понял почему. Они боялись нарушить непрерывность чуда. Казалось, моргни – и оно прервётся: смолкнет иволга, споткнётся Тиллинка, плеснёт некстати волна...

Но вот лошадка закончила танец и остановилась. Опали в реку последние капельки, разгладилась от их колечек вода. И розанцы запрыгали от восторга. Их разноцветные уши взлетали на стебельках над толпой и падали, взлетали снова и снова падали, как осенние листья. И радостный крик звенел над рекой, удивляя прибрежных птиц.

Разве такое не стоит того, чтобы о нём написать? Чтобы далёкие потомки узнали бы, как танцует речная лошадка. Или вот – Уш поднял голову – как танцуют снежинки среди ветвей?.. Вдруг потомки забудут, как танцевать, и не догадаются, у кого поучиться. «Но разве танцы так уж важны?» Уш не знал ответа. Он сник и поплёлся домой, волоча полы одеяла по сугробу.

Мама накормила его пирогами и напоила горячим настоем из лепестков. Иногда розанцы заливали сушёные лепестки водой и настаивали в печи – это был древний напиток под названием ливень, от слова «лить». А сейчас ливнем называют сильный дождь. Наверное, кто-то удачно сравнил одно с другим, и всем так понравилось, что слово поменяло «хозяина». Так рассказывала Ушу мама, она любила старые слова.

«Вот интересно, – думал он, отхлёбывая красноватый ливень, – если б мама не сказала мне, я бы и не знал даже, что значило это слово. Или это неважно, раз уж теперь так называют дождь?»

Уш вдруг заметил, что думает не о прошедшем годе, а о жизни вообще. И удивился. Может, в этом и есть разгадка?

– Мам, – позвал он, – а что самое-самое важное в жизни?

– Чтобы всё было хорошо, – ответила мама.

– А всё хорошо – это как?

– Это когда правильно.

– Значит, если в этом году всё было правильно, то это хороший год?

– Так вот ты о чём, – улыбнулась мама. – Урок готовишь? Да, год был хороший.

– Но ведь ничего такого... большого не случилось!

– Вот и хорошо, – снова улыбнулась мама.

– Но ведь если ничего большого не случается, – не унимался Уш, – это же... скучно?

– Скучно, если ты сидишь и ждёшь, чего бы такого случилось. А если сам что-нибудь делаешь, то случается твоё дело, так ведь? Вот тебе и не скучно.

Мама ходила туда-сюда мимо печи, убирая пироги и чашки, и её голос звучал то громче, то тише. И это почему-то помогало Ушу думать. Громче всех прозвучали слова «твое дело». Значит, если розанцы делают своё дело и дело это правильное... А какое дело самое правильное для розанцев?

Уш решительно отставил чашку с ливнем и схватил строгу.

Старейшина сидел у печи, уютно закутавшись в узорное одеяло и улыбался. Он читал работы своих учеников. На столе лежала стопка берестяных тетрадок. Старый летописец с волнением открывал каждую. Он нарочно выбрал такой год, чтобы описать его было непросто. Чтобы маленькие розанцы подумали, как выполнить такой урок. Ведь в будущем каждому предстоит отвечать за самого себя и своих детей. А кто-то станет старейшиной и будет не только вести летопись, но и вести весь род через все трудности жизни. И уже не получится спросить совета у старших, потому что старше него тогда никого не будет.

Старейшина отложил тетрадь и потянулся за следующей. Он хорошо помнил, как маленьким хотел поскорей вырасти, как любил оставаться без взрослых. Теперь их нет. И он совсем не радуется этому.

В этом году родилось 38 детей и 4 розанца ушли в край цветущих роз.

Всего в роду собрали 563 корзины лепестков, 168 корзин зёрен и 255 корзин сушёных ягод.

Построили 16 новых домиков.

Старейшина улыбнулся – Затих даже здесь не забывает математику – и открыл следующую тетрадь.

В этом году ничего особенного не случилось, поэтому в Летописи упоминать о нём не стоит. Конеч.

Что ж, подобные ответы встречаются в каждом поколении учеников. И даже странно, что их не так много, как он ожидал.

В этом году розанцы превратили в радостные события 49 огорчений. Три из них самые значительные, потому что касаются всех.

Вовремя засыпали овраг в опасной близости от деревни, который образовался во время затяжного дождя.

С помощью зверейника Носопыры предупредили стадо яков, которые могли увязнуть в незамерзающих топях.

Спасли семью летучих мышей, которые жили в дупле подмытой рекой осины. Был большой праздник.

Это написал Пузыня – страстный сторонник нового закона. Он вырастет надёжным мужчиной, и в любые сложные времена род сможет положиться на его здравый смысл.

Этот год был очень хорошим, потому что розанцев ничего не отвлекало от главного дела – жить хорошо. Хорошо значит правильно, и это самое главное. Когда случается что-нибудь неправильное, все сразу начинают с этим бороться. Для чего мы это делаем? Для того, чтобы всё снова стало хорошо. Потому что самое важное в мире – это хорошее. Мы, розанцы, всегда жили в нашем хорошем мире, и, значит, для нас тоже хорошее всего важнее. И когда мы все можем спокойно делать что-то хорошее – все вместе или поодиночке, – то такой год становится самым счастливым. Ведь самое лучшее дело – не большое, а хорошее. И я бы хотел, чтобы все наши потомки всегда помнили об этом. Ваш будущий предок Уш.

Старейшина отложил тетрадь и закрыл глаза. Теперь он спокойно отправится в край цветущих роз, когда подойдёт срок. Розанец, который понимает, что значит хорошее, и хочет делать хорошее, будет достойным старейшиной.

А Уш давно уже спал, и под узорным одеялом, сплетённым мамиными руками, широко раскрылись розовые цветочки. Наверно, снилось что-то хорошее. Расти скорей, маленький Уш!

Ирина КИТОВА

ЧТО ВНУТРИ У ТИШИНЫ?

ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Едем, едем быстро, быстро –
с ветром,
с пряником,
со свистом.

Едем мы под знаком «Дети»,
с бутербродами в пакете,
с облаками белой пеной,
Саша с Лёшей,
Аня с Леной,
Глеб – с зевотой в теле сонном,
Тёма едет с телефоном.

Едем, едем, едем, едем.
Бутерброд не первый съеден.
Набираем скорость быстро –
двадцать,
сорок,
двести,
триста...

-
- Ирина Сергеевна Китова живёт и работает в Базарном Карабулаке Саратовской области. Член Союза писателей России. Лауреат областного литературного конкурса «Турнир поэтов» (2016, 2020), литературных конкурсов «Огни золотые» (Саратов, 2019, 2022), «Солнечные часы» (Орёл, 2020), «Русский Гофман» (Калининград, 2022), «Мгинские мосты» (Ленинградская область, 2023). Лауреат конкурсов в области детской литературы: «Гайдаровский конкурс» (Арзамас, 2017), «Хрустальный родник» (Орёл, 2018), «Литера Артель» (Челябинск, 2022). Награждена медалью «Григорий Коновалов» (Саратов, 2023) за книгу стихов для детей «Ходят по небу слоны». Выпускница литературных курсов Челябинского государственного института культуры (2022). Участник XII Всероссийского совещания молодых писателей в Челябинске. Автор трёх поэтических книг и книги стихов для детей. Публиковалась в литературных журналах «Волга–XXI век», «Сура», «Дрон», «Формаслов», «Дружана», «Северо-Муйские огни», «Перископ»; альманахах «Нетерпеливые строки», «Радуга-21 век», «Авторский союз», «Литературный Саратов», «Другой берег», «Литературный курс», «Капитан Грэй», в коллективных сборниках стихов.

Ветки в окнах замелькали,
мы в сиденья спины вжали.
Ощущаем красоту!
Набираем высоту!
Наш автобус – не автобус! –
то ли «Боинг»,
то ли «ТУ»!

Маша – левое крыло.
Даша – правое крыло.
А Кирилл – пилот в кабине,
вот Кириллу повезло!

Полетели..
Ух ты!
Ма-а-ама!..
– Не волнуйтесь – в небе яма.
Покачнулись, пристегнулись,
самолёт взлетает прямо.

Едем дальше, едем с песней,
с ямой (с ямой интересней!..).

Маша – левое крыло.
Даша – правое крыло.
А Кирилл – пилот в кабине,
вот Кириллу повезло!

Ну а Владик, ну а Владик
начертил в своей тетради
лёгким радужным пунктиром,
как летели мы над миром.

ЧТО ВНУТРИ У ТИШИНЫ?

А что у тишины внутри?
Когда никто не говорит,
Никто посудой не стучит,
Никто у двери не рычит,
И я лежу и не дышу
И молча в тишину гляжу...

У тишины ночной внутри
Мигают бледно фонари
И шепчут что-то мотыльки,
Легки. А у моей щеки
Подушка сонная ворчит –
А днём она всегда молчит.

Наперебой сопят носы,
Уютно тикают часы,
И кошка любит с давних пор
Затянуть долгий разговор
О тёплой крыше, о мышах
И о цветных карандашах.

А звёзд повсюду – как пшена!
Растёт до неба тишина.
И вот внутри у тишины
Ветра высокие слышны.
Гудит далёкий самолёт,
И гул из тишины растёт...

И, обнимая высоту,
Я засыпаю и расту.

У РУЧЬЯ

Думу тихую, ничью
Я доверила ручью.

Но постой, начну сначала.
Я пришла – она скучала
Под бревенчатым мостом,
Под ракитовым кустом
И была совсем ничья.
А теперь она – ручья!

И под илистым обрывом,
Где укрылся водяной,
Гладит спины сонным рыбам,
Дружит с медленной волной.
И ручей, как говорят,

Этой дружбе очень рад!
Приходи и ты подумать
Про ручей и про закат.

МАЛЬЧИК И ЛУНА

– В уютной, сонной тишине
Люблю я думать о луне,
Пока луна висит в окне
Отважно.

– А я – луна. Живу давно,
Люблю заглядывать в окно,
Когда на улице темно
И страшно.

– Мой кот пригрелся за спиной,
А я хочу дружить с луной!
Она гуляет за стеной,
Где хочет!

– А я – луна. Мне нужен дом,
Кисель молочный перед сном,
Нужна подушка, что пером
Щекочет.

– Мне снится, только я усну,
Что я летаю на луну.
Я по луне бродить могу
Часами!

– А я – луна. И до утра
У твоего сижу окна
И завела себе кота
С усами.

ВОТ ТАК СЛОН!

К нам домой через балкон
залетел случайно слон.
«Целый слон!
Целый слон!» –
понеслось со всех сторон.
Машут скрученной газетой:
«Кыш!
Вон!
Кыш!
Вон!»
Ну а слон присел на люстру
и обиженно, и грустно
говорит:
«К чему тревоги?
Это лапки, а не ноги,
это крылья, а не уши,
симпатичные снаружи...»
Пересел на потолок:
«...И не хобот – хоботок,
не живот, а брюшко.
Я не слон, а мушка!»

Очень просто: ходят слухи,
нам слона увидеть в мухе!

ИРИСКА

А вы на уроке, допустим, английском
В кармане своём находили ириску?

Пока все о суффиксах переживали,
Вы эту ириску за партой жевали?

Как будто другие не видели это,
Как будто за окнами всё ещё лето,

Как будто и правда возможно без риска
Кому-то жевать на уроке ириску!

Ириска в кармане – плохая примета,
К зубам прилипает не хуже цемента.

И скован язык, и мычишь еле-еле...
А вы на уроке от страха немели?

А вы незаметно под парту ныряли,
Пока остальные слова повторяли?

Кривлялись, сопели, стояли в печали,
Когда на вопрос по-английски мычали?..

Ведь строгий учитель оценит едва ли,
Что вы на уроке ириску жевали,

Как будто другие не видели это,
Как будто за окнами всё ещё лето,

Как будто и правда возможно без риска
Кому-то жевать на уроке ириску

И даже при школьной нелёгкой нагрузке
Мычать по-английски и даже по-русски!

ПОСЛЕДНИЙ ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНК

А за школьной мостовой
Пахнет скошенной травой,
Пахнет тучей и весной
Переспелюю.
В облаках такая вязь –
Можно прыгнуть, не боясь,
В лето ухнуть с головой –
Мы же смелые!
Соберёмся налегке –
Только ветер в рюкзаке
И ещё рука в руке.
В окна зайчики
Тянут гибкие лучи,
Где указки и мячи.
Разбегайся и скачи
Юным мячиком –
Вправо, влево и вперёд,
Через лестничный пролёт,
Через весь учебный год!..
Сколько спрошено,

Сколько вызубрено тем!
Бьёт звонок из школьных стен,
Как всегда, желая всем
Лишь хорошего.

КУДА УЛЕТАЮТ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ?

Мы быстро и шумно разбились на пары
и взяли себе по воздушному шару.
Ведь нужно успеть
шарам улететь –
проворным,

цветным,

круглолицым!

По школьной весёлой традиции.

Любуясь, смотрели шумящие клёны
на красный,

оранжевый,

жёлтый,

зелёный,

на шар голубой

и синий.

Любой

себе выбирай, и поэтому

я взял озорной фиолетовый.

Полёт к облакам ожидался неблизкий.

Мы к нашим шарам привязали записки –

с лучистой весной,

с мечтою простой,

с большими, как дружба,

приветами!

И прыгал мой шар фиолетовый!

Пора! Закружились шары оживлённо:

за красным –

оранжевый,

жёлтый,

зелёный!

Летел за гурьбой

большой голубой

и синий, как небо,

приветливый!

**Любовь
АНУФРИЕВА**

ФОНАРИК СО СВЕТЛЯЧКАМИ

Глава первая

ВЕТЕР НА ЧЕРДАКЕ

Мне сегодня приснилась моя бабушка и во сне подарила оранжевый ридикюль. У меня никогда не было такой мягкой сумочки из бархата и кружева, да ещё и на цепочке. Я сразу заглянула в неё и увидела там спицы, набор цветных карандашей, блокнот, снимок бабушки и ржавый маленький ключ. Пока перебирала их в руке, бабушка бесшумно вышла сквозь стену, будто просто привиделась мне. Я хотела пройти за ней и расспросить о подарке, но стена дала понять, что она – стена, а я – девочка Надя и мне можно выходить только в дверь.

Летом мне разрешали спать на чердаке, и на сеновале, и в летней кухне на лавочке. В другие времена года из-за прохладной погоды, которая застревала в нашей деревне, приходилось жить дома. А мне это совсем не нравилось, потому что дом был маленьким. В одной спальне, где жили папа, мама, брат, ещё брат и я, всё время возникали пробки, как на улицах большого города в час пик. Когда все спали – друг другу никто не мешал. А вот когда мама поливала цветы, папа читал газету, Мирон и Вадик делили машин-

-
- Любовь Андреевна Ануфриева (Ерофеева, Баяр Люба) родилась в 1987 году в деревне Гам Ижемского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Литературный консультант Союза писателей Республики Коми. Автор нескольких книг стихов, среди которых – «Птицы не осудят» («Linnud en taupid»), вышедшая в 2008 году в Таллине на коми, русском, эстонском, английском языках. Победитель нескольких республиканских поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

ку, а я пыталась поиграть с куклой Олей – мы превращались в самых настоящих бук.

Я была старшей сестрой, и мне запрещалось разбрасывать игрушки. А вот братьям многое разрешали. Родители не выносили их слёз, не могли стерпеть, когда их любимые сыночки ревели. Только они начинали плакать – папа и мама с ведёрками бегали за ними, чтобы не было потопа.

– Мирон, миленький, не плачь! – верещала мама и крутилась вокруг него юлой.

– Вадик, вот тебе конфетка! – чтобы подсластить горечь, папа подсовывал сыну конфету.

С появлением братьев для родителей я стала будто невидимой девочкой. А раньше они находили время поиграть со мной. Только со мной! Однажды мама купила целую коробку разноцветных шаров. Мне так нравилось, когда папа и мама вдвухали в шары воздух – их щёки тоже надувались и становились красными, как помидоры. А потом воздушные шары мы запускали в небо, они летели к солнцу и за облака. Папа брал меня на руки, я становилась выше, и мы смотрели на шары до тех пор, пока те не затерялись в небе. Мне очень хотелось, чтобы так было всегда...

Но родителей будто подменили. Однажды в палисаднике я рассматривала цветы на клумбах, и вдруг откуда ни возьмись появилась стрекоза. Она подлетела ближе и в конце концов запуталась в моих длинных волосах! Стрекоза шумела прозрачными жёсткими крыльями. Два задних крыла мелькали как пропеллеры. Они гудели и, быстро загребая воздух и отталкиваясь от него, гнали стрекозу вперёд. Она была похожа на блестящую заколку, которую мне хотелось оставить себе. Я вприпрыжку вбежала на кухню:

– Мам, смотри – стрекоза! Какая красивая! Смотри! – закрутилась вокруг неё.

– Угу, – мама не отрываясь помешивала кашу.

Я вздохнула и пошла к зеркалу – нужно было освободить насекомое из волос. Стрекоза этого и ждала – рванула в открытое окно, и нет моей заколки! Вышла я обратно в палисадник к клумбам. Цветам нисколько не было грустно: они красовались в ярких зелёных платьях, но их можно было отличить по шапочке, которую словно сшили из лепестков. Это смотрелось изысканно, а вот моя грусть была тяжёлой, как кирпич. Он как якорь тянул меня вниз, и от этого дышалось трудно. Мне казалось, что, если я заплачу навзрыд, мои слёзы протолкнут его

наружу. Но кирпич каждый раз становился больше и тяжелее, а потом появлялись и другие кирпичи.

Знаете, однажды всё-таки родители заметили меня. Как-то я поселилась в картонной коробке с куклой. Только это продолжалось недолго. Мирон пожаловался маме, что коробка – это гараж, а я там устроила кукольный дом.

– Ма-а-ма, ма-а-ма! – захныкал Мирон. – Надя в гараже, и моя машина тоже туда хочет заехать! Ма-а-ма, вытащи Надю из гаража.

– Надя, пусть Мирон поиграет в гараже. Вылези из коробки, пожалуйста, – из другой комнаты послышался голос мамы.

– Не выйду, – пробурчала я.

Мама не слышала меня, а вот Мирон был рядом и так заплакал, что мама прибежала на рёв, а тут ещё коротышка Вадик присоединился к ним, и папа прибежал, поправляя на ходу очки. Восемь глаз пристально смотрели на меня, нет-нет, даже десять. Очки – это тоже глаза, только стеклянные. Я поняла, что мне пора выбираться из коробки.

– Поиграй на кухне, Надя, – равнодушным голосом посоветовал папа.

– Не хочу, не буду! – огрызнулась я и отвела глаза в сторону.

Мне стало так обидно, что всё время под дудку братьев плясали родители, я так на них разозлилась, что вылезла из коробки и пнула гараж. Тот мигом полетел на диван. Я с Олей выбежала из комнаты. За моей спиной были слышны громкий плач и беготня мамы и папы вокруг Вадика и Мирона.

Я же не знала, куда мне бежать. Хотелось просто испариться. В голове каруселью кружились голоса родителей, их бомбочки упрёков: то кукла не там лежит, то пол не успела подмести, то собрала землянику и забыла почистить от мусора, и там завелись гусеницы.

Я хотела выбежать во двор и услышала, как сама по себе заскрипела лестница на чердак. От неожиданности я скукожилась и прижала к себе куклу. Я замерла, мне было страшно сдвинуться с места. Но лестница скрипнула только один раз, и тогда мне в голову пришла мысль забраться на чердак.

«Вш-ш-ш-ш» – встретил меня шорохами ветер, будто по шуршащим осенним листьям пробежал ёж.

– Ветер на чердаке... – выдохнула я и огляделась по сторонам, но, кроме старых вещей, никого не увидела.

Хотя мне всегда казалось, что на чердаке живут привидения. Среди всего, что меня окружало, я была новенькой. И меня это нисколько не смущало. Наоборот, я чувствовала себя в безопас-

ности. Да и нравилась мне тишина, которая жила среди забытых вещей. Казалось, что для неё никого не существует. Она сама по себе. И я сама по себе.

Я ещё раз огляделась вокруг и присмотрела место, где можно поиграть с Олей. В одном углу как слоёный бутерброд лежали перины, в другом углу – железный сундук, на крышке которого разместился чайник и одиноко смотрел в окно. На стенах, как гербарий, висели засушенные травы. Они совсем ничем не пахли и даже почернели от времени. Стало понятно – сюда давно никто не поднимался. Но я села на пыльный палас. Перед собой усадила куклу:

– Вот мы и нашли себе кукольный дом. Вадик и Мирон точно сюда не заберутся. Ещё не научились забираться по лестнице. – Погладила Олю по голове. – А вот мы с тобой научились, – скупно улыбнулась. – Знаешь, мы с тобой останемся тут. Пусть мама, папа и братья живут сами. Я не буду им мешать...

От этих слов мне стало так грустно, что внутри меня мигом вырос кирпичный дом. Перед ним я была крохотной точкой – снова прижала Олю к себе и заплакала навзрыд. Не знаю, слышали меня родители или нет, но я так наревелась, что просто свернулась в клубок и уснула. Мне казалось, что я провалилась в бездну, и сон был таким крепким, что совсем не хотелось просыпаться. Я увидела во сне, как бегу по полю, а за мной папа и мама. Я старалась бежать быстрее, чтобы они не догнали меня: залиvisto смеялась и так далеко от них убежала, что в один миг почувствовала, что позади меня их уже нет. Когда оглянулась: «Ма-а-ма! Пап! Вы где? Ма-а-ам!» – мне никто не ответил.

Глава вторая

ЧЕРНОСЛИВ ОБОЖАЕТ ЧЕРНОСЛИВ

Я в растерянности побежала обратно, спотыкалась и падала на землю. До ссадин разбила колено и испачкала белый сарафан. Передо мной сгустился туман, где-то в вышине устрашающе закричали птицы и поднялся ветер. Он был таким порывистым, что оторвал меня от земли и безжалостно понёс вдаль. Меня засасывало, будто в воронку. От этого я проснулась в холодном поту, а ещё на меня капал дождь.

Я смотрела на потолок и искала дырки, откуда просачивалась вода. Но они были такими незаметными, что мне надоело смотреть наверх. Я прижала к полу ухо: очень хотелось услы-

шать голос мамы или папы в комнате внизу. Я ожидала, что они волнуются, ищут меня, придумывают, как нам снова подружиться и больше не ссориться. Только я ничего не услышала, будто дома никого не было. А потом меня испугал шорох. Передо мной появился Чернослив – старый ворон, который в клюве держал тот самый ридикюль бабушки. Я знаю эту птицу. Она часто прилетала к нам во двор, а чаще всего по утрам ходила по крыше. Цок-цок-цок! Поэтому я никогда не смотрела на часы – моим будильником был Чернослив. А назвала его так потому, что мы, бывало, с ним коротали время на крыше и ели чернослив из одной кружки.

– Пр-ривет, Надя, пр-ривет, Надя! – дважды поздоровался ворон.

– Привет... – смутилась я и вспомнила, как я впервые познакомилась с Черносливом.

Однажды я залезла на крышу и любовалась кленовыми листьями, которые опадали с дерева. А ещё у меня была привычка брать с собой кружку с черносливом. Я ела сухофрукты прямо на крыше и мысленно считала, сколько листьев может опасть, пока я ем.

Я всегда увлекалась счётом, но тут на крышу опустился ворон – красивая птица, с чёрными блестящими, словно в масле, перьями. От неожиданности его сразу припугнула, ведь сама испугалась.

– Кыш-кыш-кыш! Улетай! – встрепенулась я.

Но ворон уверенно цокал ко мне, будто и не слышал моих слов. Тогда руки сами по себе бросили ему один чернослив. А ворон словно этого и хотел: сразу поймал сухофрукт и слопал его. Потом он пристально посмотрел на меня и снова дал понять, что ждёт угощения. Тут я ему уже протянула чернослив. Тот угостился им с ладони, сел рядом и стал тоже смотреть на листопад.

Было странным, ведь обычно коты либо собаки сидят рядом, а тут – самая настоящая птица, которая обожала сухофрукты.

– Крук-крук-крук, – важно продолжил беседу Чернослив. – Забирай подарок бабушки, и полетели на поле собирать разноцветные клубки...

«Он знает мою бабушку?» Я в смятенье протянула руку к сумочке...

Глава третья

КЛУБКИ РАЗНОЦВЕТНОЙ ПРЯЖИ

Я прикоснулась к ридикюлю – меня ослепило солнце. Я зажмурилась, и слёзы потекли по щекам. Если бы рядом проходил фотограф, то он точно бы остановился на мгновение и сфотографировал моё лицо. А после проявления снимка увидел, что на моей коже, похожей на сметану, отобразились тонкие ручьи. Я думаю, нет-нет – знаю, что однажды у фотографа состоялась бы персональная выставка, на которую он представит фотографию со мной. Мне очень хотелось увидеть, как мама придёт на эту выставку. Рассматривая фотографии, мама остановится возле моей и наконец-то заметит, как мне бывает грустно.

Мне очень захотелось сфотографироваться с печальным лицом и поместить снимок в рамку, а потом повесить её в нашу спальню на самое видное место. От этой идеи я взбодрилась и хотела сбегать к соседу дяде Васе, ведь у него был фотоаппарат, и он точно бы осуществил мою задумку. Но, открыв глаза, поняла, что нахожусь не на чердаке, а в просторном поле, где сугробами лежали клубки разноцветной пряжи. Небо было низким и серым, хоть дотянись рукой и потрогай его. А ещё оно казалось очень пыльным.

«Был бы тазик с водой и тряпкой, я бы помыла облака», – рассуждала я и нюхала пыль. Она пахла ванилином, но были в ней и нотки корицы, кардамона и даже перца.

– Ого! На облаке сидит крошечный мальчишка-музыкант! – Мои брови поползли вверх, но я их успела удержать, чтобы те не затерялись в моих рыжих волосах.

– Давай пуляться! – предложил скрипач и заболтал ногами.

Возле него лежали глубокие тарелки, в которых горками, как разноцветные фрукты, были сложены клубки.

– А давай! – разыгралась я и посадила Олю с сумочкой на сугроб.

Я кинула один, и второй, и третий раз, но никак не попадала в маленького музыканта. А он, наоборот, не сомневаясь в своей игре, метко целился в меня и не промахивался.

– Тебя как зовут? – задорно спросил он.

– Надя, – коротко ответила я и вдруг попала в его скрипку. Та соскользнула с облака и полетела в сугроб.

– Лови! Лови! – закричал маленький музыкант и прыгнул с места, а потом по облачной лестнице впопыхах побежал на землю.

Мальчик вдруг споткнулся и полетел прямо в мои объятия. Я успела поймать инструмент и самого скрипача. Тот был одет в белый смокинг и шляпу с широкими полями, в лакированные чёрные ботинки и галстук-бабочку. Мне показалось, что он вот-вот выйдет на сцену, и начнётся концерт. Но музыкант даже и не думал о том, о чём думала я. Он был шаловливым, не зря же он гулял по облакам и бросался клубками в незнакомых девочек.

– Я Федерико. Спасибо, что нас поймала, – обнял мальчик меня и скрипку.

– Ну, ну, перестань. Я не привыкла обниматься, – насторожилась я и усадила их рядом с куклой и сумочкой, а чуть дальше села сама. – Федерико, ты тут живёшь? Ты знаешь место, где мы находимся?

Глава четвёртая

ПУСТЬ ВСЁ ИДЁТ, КАК ИДЁТ

– Крук-крук-крук, – откуда ни возьмись появился Чернослив и, словно королевский ворон, надменно заходил туда-сюда. – Я рад, что вы все дома.

– Ты знаешь, где мы? Как я сюда попала? Это твоих крыльев дело? – перебила я ворона и не могла понять, почему мы дома.

– Это место для тех, кто чувствует себя одиноким. Ты помнишь, что я передал тебе ридикюль от бабушки? Ты знаешь, что внутри него?

– Конечно... Чернослив, откуда ты знаешь мою бабушку? – пристально посмотрела на ворона.

– Как же мне её не знать... – задумчиво ответил Чернослив. – Ну-ка, вытащи из сумочки фотокарточку бабушки, – предложил ворон.

Я достала снимок и села поближе. С чёрно-белого снимка глядели на меня незнакомые, но очень родные глаза. Мне очень хотелось бабушку подержать за руки и почувствовать её тепло: на фотографии она смотрелась уютно – в ситцевом платье с красивыми белыми ромашками. Цветы словно проросли через неё и цвели на ткани. Наверное, бабушка была доброй, ведь смотришь на неё – и не хочется отводить глаза. А ещё бабушку украшала белая косынка, которая скромно и аккуратно

смотрелась на голове. Я бы любовалась ею часами, но Чернослив меня отвлек своим шепелявым голосом:

– Я дружу с твоей бабушкой Верой и познакомился с ней давным-давно. Однажды я пролетал над речкой и вдруг заметил, как на каменистом берегу одна девочка собирала в сумку камни. Мне это показалось странным. Она их выбирала тщательно, разглядывала со всех сторон, некоторые – купала в реке, а потом укладывала на полотенце, чтобы те сушились на солнце. Я стал приглядывать за девочкой. Мне было интересно, куда она уносила камни. Тяжёлую сумку та терпеливо тащила до дома, заходила на крыльцо и больше не выходила. На этом заканчивалась моя слежка, – выдохнул ворон, прилёт на клубки и посмотрел куда-то ввысь.

Немного помолчав, он продолжил:

– Я следил за ней не один день и не два. Никак не мог уловить тот момент, когда она выходила из дома. Поэтому всегда встречал её у реки. Однажды меня взбудоражило, что на берегу девочка сидела рядом с каменным человеком. Он был очень разговорчивым, постоянно тараторил и что-то объяснял собеседнице.

– Подожди, – перебила я Чернослива, – разве камни говорят? А может, это был просто человек в костюме? Ты ничего не перепутал?

– Нет-нет, даже не сомневайся. Я тоже думал, что это человек в костюме. А когда решил проверить, убедился, что его голова и берет из камня. Я спланировал и решил опуститься на его голову, и сделал это резко – мигом хотел вырвать ногтями его головной убор. Но не тут-то было! У меня ничего не получилось – только на берете оставил царапины...

– Каменный человек тебя не отругал? – удивилась я.

– Он фырчал на меня, даже камнями пытался в меня попасть. Но я как неожиданно появился, так и мгновенно исчез. Правда, в другой раз я решил подслушать их разговор – спрятался за большой камень и боялся даже пошевелиться. Мне хотелось узнать, почему девочка уносила с берега камни...

– И что, что же ты узнал? – не могла удержаться я.

– Оказалось, что каменный человек – это дядюшка Камневарус, хозяин камней на том берегу. Их он сам выпекает на сковороде либо варит в кастрюле. Если вдруг увидишь плоские камни, то они готовились на сковороде, а те, которые большие и очень шершавые, долго готовились и переварились в кастрюле. А ещё он художник. Однажды тот приглядел в своих владеньях девочку, она отчего-то плакала, и он подошёл к ней и предло-

жил рисовать на камнях. Девочка не испугалась его, наоборот, он приглянулся ей. С того мгновения Вера увлеклась росписью камней, часто приносила их на чердак и кропотливо создавала на них узоры.

– Что-то не видела на чердаке камни... – призадумалась я.

– Их и не могло быть на чердаке, – засмеялся ворон. – Она рисовала, а когда камни высыхали, приносила их в кармане снова к реке. Тут был целый сад камней... Были улицы полевых цветов, и животных, и птиц, и красивой посуды.

– А тебя она рисовала?

– Ага. Как-то сам подошёл к ней и предложил себя нарисовать. Она не отказала мне и нисколько не испугалась. Она всегда была смелой. И ей понравилось, что я – говорящий ворон. Мы подружились. Потом Вера научила меня расписывать камни.

– Это как?

– Всё просто, мой хищный клюв лучше любой кисточки. Я обмакивал клюв в краску и рисовал на камнях солнце, чтобы у Веры всегда было хорошее настроение...

– Она часто грустила? – опешила я.

– Вера была старшей сестрой, ей не хватало заботы, как и тебе... Вот она и пропадала на берегу либо на чердаке...

Я ещё раз взглянула на фотографию бабушки и поняла, что одно и то же происходит во все времена: родители больше любят младших, а которые постарше, те сами растут как в поле трава.

– Хватит хандрить, Надя. Пусть всё идёт, как идёт. Лучше выбери клубки – пора связать коврик из цветов радуги, – таинственно прокаркал Чернослив.

– Мне пора на чердак, – взяв куклу, фыркнула я. – Я не умею вязать, да и коврик мне ни к чему.

– Постой-постой, а для чего это всё? Никак не пойму, – с любопытством спросил маленький музыкант, который внимательно слушал их беседу. – Я вот понимаю, для чего играю на скрипке! Моя музыка превращает капли дождя в клубки. А с ковриком что будет делать Надя?

Ворон пристально посмотрел на Федерико. Ему не нравилось, когда задавали вопросы, ведь он считал, что достаточно мудр. Пока Федерико и ворон рассматривали друг друга и подбирали слова для разговора, я вдруг вспомнила, что мама очень расстраивалась, что её мамы, моей бабушки, нет. Она осталась жить в её сердце и на фотографиях. Бабушка часто приходила к столу, когда её вспоминала мама. Я слышала тихие шаги,

когда та неторопливо шла на кухню. Наш пол был таким старым, что скрип выдавал её.

Моя невидимая бабушка садилась с нами за стол и пила чай с брусничным пирогом. Но наверняка ей часто было одиноко, как и мне...

Если бы бабушка шёпотом спросила о моей грусти, то я бы просто её крепко обняла. Она бы поняла меня без слов, ведь бабушка была тоже старшей сестрой.

Внутри меня от порывистого ветра загремел еле дышащий кирпичный дом, в котором не застеклены окна и снаружи на стенах местами нет кирпичей. Я была Надей, а заодно домом, за которым почти не ухаживали, и он постепенно разваливался...

Скажите, на что похоже ваше одиночество? Может, это ёж, который поселился в вас, и в минуты одиночества бегаёт туда-сюда и не находит выхода? Может, это поле, где нет пряных трав, а летний ветер принёс туда пожухлую листву и не выметает её?

Глава пятая

ВЫЗЫВАТЬ БАБУШЕК ИЗ ДРУГИХ МИРОВ

Пока вы думаете об одиночестве, я вам расскажу о доме, который появился во мне. Это грустный дом. Возле него нет ярких клумб с астрами, маками и лилиями. Только крапива. Она не просила объятий. Да и не хотелось её трогать, она как собака-кусачка – не остановит даже закрытая одежда.

Мой кирпичный дом похож на старинный замок с колпаком. Во двор редко заглядывает солнце, но когда оно всё-таки появляется – вне застеклённых окон становится светло. Хотите пройти в дом? Я не заходила туда. Мне казалось, что можно потеряться в его длинных коридорах и не найти выхода. А ещё иногда слышала, как там играла шарманка. Мне хотелось познакомиться с шарманщиком, но страх заходить в дом был преградой нашему знакомству. Да и к лучшему это. Не думаю, что каждый страх стоит преодолевать. Иногда боязнь останавливает, не даёт делать ошибки.

Чернослив, бывало, кружил над домом, но тогда я даже не могла предположить, что подружусь с ним.

– Крук-крук-крук! Надя, ты что, уснула? – сел на плечо ворон.

– Нет-нет, просто призадумалась, – очнулась я. – Так зачем мне коврик? Разобрались?

– Мне твоя бабушка сказала, чтобы ты связала коврик-дорожку. По нему она сможет приходить и играть с тобой, а ещё гулять и прогулку запивать клубничным киселём.

– Всё-таки я чувствовала, что бабушка появляется дома и смотрит, как мы живём, переживает за меня, – обрадовалась я. – Чернослив, но я не умею вязать! – спохватилась я. – И я что, буду жить среди клубков?

Ворон покружил над моей головой, а потом снова стал надменно ходить туда-сюда по сугробам пряжи. Временами он спотыкался, клювом утыкался в разноцветные шары.

– Ни в коем случае. Как свяжешь коврик – ты возвратишься на чердак. Мне другим детям ещё надо помочь, – озадачился Чернослив. – Жаль, что родителям некогда ими заниматься, и приходится вызывать бабушек из других миров. Хотя они совсем не против, с облаков смотрят за внуками – переживают и радуются за них.

– Я не умею вязать, – ещё раз повторила ворону.

– Надя, – отозвался Федерико, – ты не переживай, моя скрипка волшебная. Я буду играть, и в твоих руках спицы и нитки сами поймут, как связать коврик.

– Хор-рошая идея! – поддержал ворон. – Надя, свяжи маленький коврик, ну во-о-т такой... – распахнул крылья ворон. – Он точно уместится в ридикюль.

– А как же нога бабушки поместится на игрушечную дорожку? – никак не могла сообразить я.

– Крук-крук-крук, бабушка не такая уж большая, ей в самый раз такой коврик.

Я засияла и села на клубки. Они были такими мягкими, будто плюхнулась на пуфик.

– Какие яркие! Для радужного коврика мне понадобится красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый клубки. А ещё спицы необходимы, – вспомнила я и открыла бабушкин ридикюль. – Блестящие спицы, вот вы мне и нужны! – обрадовалась я, а Федерико стал играть на скрипке.

Чернослив увидел, что я занята делом и не отвлекаюсь на дом внутри себя. Ворон полетел за облака. Наверное, он полетел к бабушке, моей бабушке, с которой мы скоро увидимся на чердаке...

Глава шестая

КРУЖКА КИСЛОГО МОРСА

Я, осторожно распутывая нитки, принялась вязать. Всё-таки впервые взять в руки спицы – это настоящий подвиг. Особенно когда не знаешь, как вязать дорожку. Сначала руки меня не слушались, пальцы казались деревянными, а потом я вдруг заметила, что они стали не моими. Их подменили! Вместо маленькой ручки с длинными пальцами мне померещились другие руки, словно я надела взрослые перчатки. Они умело справлялись с нитками, и ряд за рядом появлялся разноцветный коврик. Я посмотрела на Федерико – он играл с закрытыми глазами и казался серьёзным музыкантом. И если бы мне сейчас сказали, что он недавно пулялся клубками, я бы не поверила.

– Оля, я не понимаю, как, но руки знают, как вязать, – полушёпотом поделилась с куклой.

– Тебе помогают другие руки, – хихикнула вдруг она.

– Оля, ты тоже говорящая?! – удивилась я. – Ты теперь всегда будешь со мной общаться?

– Буду говорить до тех пор, пока ты говоришь со мной.

– А это как?

– Когда дети становятся взрослыми – забывают об игрушках, оставляют их одних в коробках...

– Значит, я выросла... ну, папа и мама почти не играют со мной...

– Тут другое. Им некогда. Просто они не научились делить время на троих... Они тебя любят, только это чувство заснуло, как медвежонок в берлоге...

– Медведи просыпаются весной. А чувство? – не удержалась я и снова увидела, как во мне один кирпич с грохотом упал в крапиву.

– Надя, не отвлекайся на дом. Смотри, у тебя получается красивый коврик. Знаешь, после дождя всегда появляется радуга. Если чувство уснуло, это не значит, что оно ушло. Ты обижаешься – и изнутри зарастаешь паутиной. Это чувство в тебе похоже на кружку кислого морса. Ты ощущаешь в себе эту кружку? Пусть Федерико превратит её в клубок. Может, потом кто-то из него свяжет тёплые носки! – предложила Оля.

– А ты права! Хорошая идея – кружку морса превратить в клубок! Смотри, а коврик уже готов! Федерико, твоя музыка помогла связать дорожку!

Маленький музыкант перестал играть, затаил дыхание и увидел в моих руках радугу.

– Теперь ты встретишься со своей бабушкой! Жаль, что ты отсюда уйдёшь... – закрутил Федерико.

– А пойдём с нами на чердак! – подбодрила я скрипача.

– Я бы с радостью, но мне нельзя покидать поле. Это место особенное: сюда попадают те, кому одиноко. Тут льют дожди, но от моей музыки каждая капля становится клубком. Мне нравится, что дети из них создают волшебные поделки, и чувство одиночества уходит. Видишь, облака снова стали тёмными. Видимо, кому-то так одиноко, что даже дышать трудно, – задумчиво посмотрел на небо Федерико.

– Вправду, облака похожи на сажу... Федерико, во мне есть целая кружка морса. Напитка становится больше, когда я обижаюсь на маму и папу. Ты сможешь кислый напиток превратить в клубок?

– А ты попробуй сама избавиться от морса!

– Это как? Научи меня!

– Нарисуй его на листе бумаги. А когда тебе снова будет обидно и кружка до краёв переполнится, посмотри на картинку. Ты сразу поймёшь, что обида живёт только на рисунке. А ещё ты её можешь спрятать в книгу или в старинный сундук, – посоветовал Федерико и снова посмотрел на небо.

Он увидел, как плавно летит Чернослив.

– Вот и пора тебе, Надя.

– Пока, Федерико! Я буду тебя вспоминать. – Я обняла крепко-крепко скрипача, хотя ещё утром ни за что на свете не поверила бы себе, что днём захочу обниматься.

Ворон опустил на землю, он снова надменно походил туда-сюда, потом заважничал:

– Надя, ты говорила, что не умеешь вязать, а у самой получилась чудесная дорожка! Бабушка будет рада знакомству с тобой! Пора на чердак. Не забудь куклу, коврик и ридикюль, – напомнил Чернослив.

Я ничего не ответила ворону. Спицы и дорожку сложила в сумочку, Олю взяла под мышку.

– Мы готовы! – Я посмотрела на Федерико и улыбнулась, а он закрыл глаза и заиграл на скрипке. А ещё стал моросить дождь...

Сугробы разноцветных клубков, тёмное небо, скрипач постепенно скрылись в тумане.

Я зажмурилась и слушала музыку Федерико, но она становилась тише и тише, словно одну дверь за другой закрывали к маленькому скрипачу. А потом вдруг большая капля дождя коснулась лица, я открыла глаза и снова оказалась на чердаке своего дома.

– Крук-крук-крук. Надя, жди бабушку! А мне пора по делам, – сказал ворон и пропал.

«Странная птица... Даже не успела ничего ему сказать напоследок», – промелькнуло в голове.

Я вытащила из ридикюля коврик и постелила на пол. А ещё взяла карандаши и блокнот – принялась рисовать кружку с кислым морсом. Оля тихо сидела рядом и внимательно смотрела, как появлялся рисунок.

Глава седьмая

БАБУШКА-БАБОЧКА

Временами мне казалось, что старинные вещи чердака – кривые зеркала, железный сундук, керосиновая лампа – шурились и молча наблюдали за мной. В воздухе витала тишина – немного накалённая, как первый блин на сковороде. Я ждала бабушку.

Предвкушение радости было похоже на только что налитый в стакан лимонад – пузырьки в газировке двигались вверх и исчезали на поверхности. С другой стороны, меня настораживал её приход: я не знала, о чём говорить, ведь я никогда не общалась с бабушками.

Вдруг на радужный коврик откуда ни возьмись села бабочка. Необычная белая бабочка. Такую я видела на выставке, которую привозили из тропических мест. Она застыла на месте, хоть сразу бери фотоаппарат и делай снимки, чтобы показать родителям. Но её замирание было недолгим. Она запорхала передо мной, будто думала о словах, которые надо передать мне.

– Надя! – бабочка произнесла моё имя. – Давай знакомиться, я твоя бабушка Вера. Спасибо за длинную дорожку, благодаря которой я прилетела сюда.

– Бабушка? Но ты же бабочка! И у меня коврик игрушечный, смотри! – Я его вытянула и показала, что он совсем короткий.

– Это ты так видишь, а я по-другому. И не удивляйся, что я бабочка. В том мире, откуда я прибыла, не нашлось другого костюма. Пришлось надеть этот.

– Разве ты не могла прилететь обычной бабушкой, которую я знаю по фотографии?

– Ни в коем случае. В костюме человека я была более шестидесяти лет. В такой одежде я смогу прийти позже. Ну, например, когда ты вырастешь и у тебя появится своя дочка.

– Ты будешь моей дочкой? – изумилась я.

– Наденька, я открою тебе тайну. Когда люди, звери, насекомые появляются на земле, у каждого свои одежды. Мы их различаем по костюмам, вот как, например, сегодня я переоделась в бабочку. Придёт время, и я оставлю этот костюм и снова исчезну.

– Постой, ты меня запутала. Куда ты исчезнешь, ты убежишь из костюма?

– Знаешь, есть душа. Она проживает на земле много жизней в разных костюмах...

– Подожди, – перебила я, – а что такое душа? Как выглядит моя душа?

– Душа – это ты, только невидимая. Например, мы ведь ветер не видим, а чувствуем, что он дует. У ветра нет одежды, а у тебя и у меня есть.

– Ха, и сколько жизней надо переодеваться в костюмы?

– Этого и я пока не знаю. Но точно могу ответить: наша душа живёт вечно, лишь меняет облачения. Мы всего лишь сбрасываем с себя костюм, который износился. А потом надеваем другой, чтобы дальше продолжить путешествие, учиться быть добрее, внимательнее друг к другу. Жить так, чтобы внутри было солнечно...

– Бабушка, – вымолвила я, – а ведь бабочки живут совсем недолго. Значит, ты снова исчезнешь?

– Это будет позже! У нас есть время побыть вместе. Предлагаю сходить в гости к дядюшке Камневарусу. Ты не потеряла ключ, который был в ридикюле? – забеспокоилась бабушка Вера.

Я открыла сумочку и вытащила ржавый ключ.

– Вот, держи, – протянула его бабушке.

– Пусть будет у тебя, я крыльями ещё не научилась открывать двери. Приглашаю тебя к реке. Там есть место, где на берегу много камней. Я их тебе покажу и познакомлю с Камневарусом.

Я кивнула бабушке-бабочке. Резво собрала в ридикюль карандаши, блокнот с рисунком, ключ, Олю, спустилась по чердачной лестнице и вприпрыжку по дворам поторопилась за бабочкой.

Глава восьмая

КАМЕННЫЕ БЛИНЧИКИ

Мы пришли на берег реки, заросший длинноногим цветущим кипреем. Камней совсем не было, только вдали виднелась чья-то горбатая спина. Это был не человек и не зверь. Это был старый мшистый камень, на спине которого выросли деревья и раскачивались на ветру.

– Не думала, что придут времена, и камни уйдут с берега... Они оставили в память о себе цветы, – запорхала бабушка над иван-чаем. – Один дом Камневаруса никуда не пропал. Пойдём постучимся к нему.

– Бабушка, а ключом что будем открывать? – поинтересовалась я.

– Если Камневарус нам не откроет дверь, значит, мы сами зайдём в его дом.

Мне показалось странным, что бабушка собирается ключом открыть камень. Я не стала её спрашивать только потому, что она быстрее полетела к камню, чем я успела промолвить слово.

Кипрей был таким высоким, что пришлось прыгать как кузнечик, чтобы не потерять из виду бабушку.

– Ну вот и дом Камневаруса. Ау, тут есть кто? – бабушка закружила вокруг камня, а потом села на цветок ромашки и выдохнула. – Надя, Камневарус оставил свой дом и ушёл отсюда. Тут совсем никого...

– Бабушка, давай камень откроем ключом? Ты ведь знаешь, как его открывать? – поспешила я, доставая ключ из ридикюля.

– Давай-давай, поторопись, – бабушка от нетерпения затопала тонкими лапками.

Когда я добралась до камня, никак не могла поверить, что внутри него кто-то может жить. А всё потому, что в камнях не живут. Хотя бабушка Вера считала иначе.

– Надя, что ты так долго рассматриваешь камень? Видишь, вот здесь есть отверстие. Это и есть замок. Открывай смелее! – нервничала она.

Я вставила в отверстие ключ, и вдруг зазвенел колокольчик, а потом приоткрылась каменная дверь. Нас встретил аромат только что сваренного клубничного киселя.

– Он тут! Он просто не выходит из дома! – обрадовалась бабушка. – Камневарус, я вернулась и привела с собой внучку!

Я ожидала, что из гигантского камня выйдет гигантский Камневарус. Но не тут-то было! Перед нами предстал человек

ростом с аршин: в тапочках, широких штанах и зелёном кафтане. На голове были волосы, нет-нет, не думайте, они были не каменными – его седые густые волосы напоминали небольшой сугроб. Лицо каменного человека не было шершавым – кожа походила на гладкий морской камень.

Камневарус строго посмотрел на нас исподлобья и пробурчал:

– Мне слышался знакомый голос. Но это была не ты, – вопросительно уставился на меня Камневарус.

– Дядюшка Камневарус, моя бабушка Вера привела меня сюда, – оправдалась я.

Бабушка закружилась над нами, а потом села Камневарусу на нос, похожий на круглую картошку. Тот от неожиданности захлопал ресницами и не мог понять, почему Вера, с которой он дружил много лет, вдруг стала насекомым.

– Разве ты не помнишь, как ты варил камни, а я их раскрашивала?! У нас здесь был сад камней! Куда же ушли камни? – захлёбываясь вопросами, тараторила бабушка.

Я не думала, что камни плачут. Дядюшка Камневарус заплакал и полушёпотом произнёс:

– Нет больше сада камней, Вера! Я перестал создавать их, а те, кто жил на берегу... им стало скучно со мной, и они ушли...

– Камни живые? – вырвалось у меня.

– Живые, и они хранители воспоминаний, – поведала бабушка.

– А это как?

– Камни чаще всего молчат, и когда им доверяешь тайны, они их никому не выдают...

– А ты им говорила свои секреты?

– Я им многое доверяла, они любили меня слушать. Я часто приходила сюда, собирала камни и уносила на чердак, а потом их расписывала... Они навсегда остались моими друзьями. Камневарус, испеки каменные блинчики! Давай покажем Наде наше любимое развлечение! – предложила вдруг бабушка и запорхала над его домом.

– Бабушка, это что, такая игра?

– Блинчики, или лягушки, – интересное развлечение. Нужно бросить плоский камень в воду так, чтобы он несколько раз подпрыгнул, прежде чем утонет. Чем больше прыжков сделает камень, тем удачнее запуск. Каждый прыжок камня называется «блинчик», – рассказала бабушка.

– Я хочу играть в блинчики! – запрыгала я.

Камневарусу не верилось, что эта простая игра может быть интересна детям, ведь он давно не слышал детского голоса

и почти до конца поверил, что больше не включит плиту, чтобы варить или печь камни.

– Ладно, уговорили. Но, чур, давайте вместе печь! Ещё тесто надо приготовить...

Мы зашли в дом Камневаруса. Там было сумрачно и тихо. По углам стен висели паутины без пауков, а на полках стояли небольшие коробки: «Мука для гладких камней», «Мука для шершавых камней», «Мука для блинчиков»...

– Вот что надо – «Мука для блинчиков». – Я взяла с полки коробку и протянула Камневарусу.

– Молодец, Надя! – похвалил каменный человек и высыпал из коробки часть муки в глубокую тарелку. Затем взял со стола бутылочку, где было написано крупными буквами: «Эликсир слёз». – Эликсир поможет камню приобрести нужную форму, – заключил Камневарус и вылил половину в тарелку.

– А чьи это слёзы? – уточнила я у дядюшки.

– Мои. Когда я плачу, собираю их в бутылочки, – задумчиво ответил он, а потом замесил тесто и включил плиту. – Вот чугунная сковородка и поварёшка. Давай печь блины, Надя. Бабушку не подпускай к плите, она может опалить крылья.

Дядюшка Камневарус зачерпнул полчерпака теста и распределил по дну сковороды.

– Выпекаем блинчик около минуты на одной стороне, – посмотрел на меня каменный человек и дал понять, чтобы я всё запоминала. – А затем необходимо перевернуть блин и похлопать его широкой деревянной лопаткой, придавая ему форму. Вот смотри – эта лопатка ещё моего прадеда. Она никогда не портила блины, не помню, чтобы они получались комом.

– Как интересно! Впервые мне рассказывают, как печь блины, да ещё и каменные! Обязательно научусь! А запах блинов необычный! Будто мы жарим речную рыбу!

– Надя, блин так быстро затвердел, получился самый настоящий плоский камень. Пожалуйста, подай мне во-о-т из того шкафа тарелку.

Я забралась на табуретку и открыла шкаф. И там увидела не стеклянные тарелки, а каменные, на которых были рисунки моей бабушки. Никак не могла поверить, что Камневарус смог сохранить их – все тарелки спустила и отнесла дядюшке.

– А, нашла эти тарелки?! Это мой самый лучший сервиз, – взбодрился каменный человек. – Вера, гляди, Надя принесла тарелки с твоей росписью, – перекладывая первый блин со сковородки на тарелку, сказал Камневарус.

Бабушка крылышками нежно прикоснулась к рисункам и, немного помолчав, сказала:

– Всё-таки на этом берегу были самые лучшие времена моего детства...

– Бабушка, не грусти, – подбодрила её. – Теперь нас больше у этой речки. Как мне тут нравится!

– Девочки, посмотрите, я хоть и долго не пёк блины, но сегодня они получаются очень красивыми. Настроение тоже влияет на выпечку! – улыбнулся дядюшка и переложил ещё один блин на тарелку.

Я радовалась тёплой обстановке, которая была в каменном доме. И в одно мгновение вдруг почувствовала, что кирпичный дом во мне превратился в эскиз, и мне захотелось стереть его ластиком.

– Совсем скоро у нас будет много блинчиков, и когда они остынут, будем их метать в воду, – сказала бабушка-бабочка и вылетела во двор.

Мы ещё долго пекли каменные блинчики. Камневарус терпеливо учил меня своему ремеслу, а у меня появилась мечта – расписывать камни, как бабушка Вера.

Глава девятая

ФОНАРИК СО СВЕТЛЯЧКАМИ

Мы испекли много-много плоских камней. Каменные тарелки друг за другом разложили на берегу. Цветы нам вовсе не мешали, наоборот, временами я сидела среди них в тени и отдыхала. Олю вытащила из ридикюля, и мы вместе лежали среди кипрея и смотрели на безоблачное небо.

– Надя, Надя! – потеряла меня из виду бабушка. – С тобой всё в порядке?

– Да-да! – Я показала ей и помахала рукой.

– Сейчас дядюшка Камневарус научит тебя кидать блинчики в воду!

– Ур-а-а-а! Иду! – радостно закричала я и, подхватив Олю, побежала к берегу.

Камневарус подготовился серьёзно: он один за другим кидал в реку плоские камешки. Они слушались его и допрыгивали почти до другого берега.

– Держи камень, Надя! – кивнул Камневарус. – Попробуй повторить.

Я этой игре училась до вечера, руки и ноги гудели от усталости. Первый камень сразу утонул у берега, второй подпрыг-

нул всего один раз и тоже утонул. Но как стало смеркаться – я научилась кидать блинчики не хуже каменного человека.

– Надя, ты очень способная! – погладил меня Камневарус по голове. – Приходи сюда чаще, я тебя научу расписывать камни. Твоя бабушка тоже здесь научилась рисовать. Ты не против?

– Я хочу, хочу научиться рисовать! Здесь будет снова сад камней! – вдохновилась я и представила, как дядюшка Камневарус варит и печёт камни, а я на них оставляю рисунки: птиц, животных, деревья... то, что просит душа...

– Вот и хорошо! А теперь предлагаю выпить тёплый клубничный кисель и разойтись по домам. – Камневарус вынес кружки, овсяное печенье и чайник, а ещё фонарик со светлячками.

– Так красиво! Такой чудесный светящийся фонарик! – не могла удержаться я. – Бабушка-бабочка, смотри, светлячки летают! Так много в них света! Вот бы и мне так светиться!

Меня переполняла радость, и вдруг я в себе ощутила, как вместо кирпичного дома появились воздушные шары, именно такие, которые мы когда-то с мамой и папой запускали в небо.

– Надя, как я рада твоей улыбке! – села на фонарик бабушка и тоже стала светиться.

Я выпила кружку киселя и съела овсяное печенье. Дядюшка Камневарус устал за целый день, поэтому молча уплетал ужин. По нему было видно, что он ушёл в себя и его не стоило беспокоить.

– Бабушка, мы же всегда будем рядом? Ты не уйдёшь? – я прижала Олю к себе.

– Мы с тобой будем видеться. И однажды я к тебе приду девочкой Любой. Ты меня так назовёшь. Я буду твоей дочкой. Главное, не теряй улыбку и воздушные шары, которые у тебя внутри, – напомнила бабушка Вера.

«Вера, Надя, Люба, – задумалась я. – Какие красивые имена. И мы будем приходить к Камневарусу. Пусть всегда будет сад камней...»

В это мгновение фонарик со светлячками мне принёс мысли о вороне Чернослове, и о сугробах разноцветных клубков, и о старом чердаке, и о родителях и братьях, и о нашем небольшом доме, и о маленьком музыканте Федерико. Мне показалось, что скрипач снова заиграл на скрипке. Я закрыла глаза и увидела, как снова бегу по полю и ищу маму и папу:

– Ма-а-ама! Пап! Вы где? Ма-а-ам! – у меня сильно охрип голос, невыносимо заболело горло, будто там скреблась когтистая чёрная кошка.

Но вдруг я заметила родителей, и они тоже увидели меня, поспешили навстречу. От волнения я открыла глаза и застала себя на чердаке – сонная, лежала на паласе, была укрыта мягким пледом и в моих объятьях грелась кукла Оля. Рядом сидели папа и мама, в руках они держали воздушные шары цветов радуги. Я обняла их крепко-крепко, словно после долгой разлуки и в то мгновение почувствовала, что в нас светлячки включили свои фонарики, и они будут светить до тех пор, пока мы любим и заботимся друг о друге.

Михаил
муллин

ЧЕМ ПИТАЮТСЯ ПИНГВИНЫ?

ЗАВОДНАЯ ЛЯГУШКА

Где б ни была я, знаю,
Что ждёт меня всегда
Лягушка заводная –
Прыгунья хоть куда.
Едва успев одеться,
Спешу к ней впопыхах
И ключик к её сердцу
С утра держу в руках.
Потом его вставляю
Лягушке в бок – и вот:
Я ключик поворачиваю –
И сердце оживёт.
Вольётся сила в лапы,
Захочет тельце жить.
Кладу лягушку на пол –
Лягушка не лежит.
Испуганный сначала,
Кричит гиппопотам:
– Куда ты поскакала?
– Ква – к вам, ква – к вам,
ква – к вам!

-
- Михаил Семёнович Муллин (1946–2020) родился в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Состоял в Союзе журналистов России и Союзе писателей России.

СНЕГОВИК

Снеговик, снеговик
Во дворе стоит.

Он не бездельник –
В руках держит веник.

Ждёт меня из школы,
Добрый, весёлый.

Прищурил глаз,
Вместо шапки – таз.
Нос морковкой – вот каков!
Волосы – из веток.

Эх, зачем снеговиков
Не бывает летом?

СНЕГ ВЫПАЛ!

Я проснулся на рассвете –
За окном асфальта нет!
Стало белым всё на свете,
Белый свет – и белый снег.
Я и завтракать, признаться,
Отказался – что за вздор?!
Надо в этом разобраться,
Поскорей бежать во двор.

Месит снежные тропинки
Раззадоренный народ.
С неба падают снежинки,
С неба падают смешинки
Нам за шиворот и в рот.
Каждый лепит, что умеет:
Домики, кораблики –
Только щёки розовеют,
Будто это яблоки.

Вот летит снежок кручёный,
Вот пошла игра в футбол.
Снеговик – и тот смущённо
Руки в стороны развёл.

«МУЗЫКАНТЫ»

Есть лентяи – даже в школе
 Проиграть им гамму лень!
 Мы ж от пианино с Колей
 Не отходим целый день.
 Поглядит сестрёнка Нина –
 Мы сидим за пианино.
 Пусть проверит тётя Майя,
 Пусть увидит – мы играем!
 Даже папа как-то в лифте
 Мне сказал: «Ну, братец, рад!
 Ты, наверно, будешь Рихтер,
 Будешь ты лауреат».

Не гадайте, в чём причина,
 Не качайте головой:
 Целый день на пианино...
 Мы.. в морской играем бой.

ЧЕРЕПАХА

Черепаха кашу любит.
 На неё дивятся люди,
 На неё дивится дед –
 Черепахе двести лет!
 Ей не скажешь между делом,
 Что, мол, мало каши ела!

ЧЕРЕПАШОНОК

У маленького черепашонка
 Каменная распашонка.

ТРИТОН

Забавляет многих он —
 Это ж удивленье прямо:
 Называется тритон.
 Весит же всего три... грамма!

БОБР

Бобр-бобёр
Очень хитёр:
Чтоб не мокнуть под дождём,
Он под водой построил дом!

ЗЯБЛИКИ

Розовые зяблики
На веточках как яблоки.
Приблизится стайка ребят –
И яблоки улетят.

КОШКА УЧИТСЯ ЛЕТАТЬ

(считалка)

Раз, два, три, четыре, пять –
Кошка учится летать.
Так взялась она за дело,
Что и вправду полетела.
Не в Москву, не в Барселону –
В бочку с известью – с балкона.

Поспеш скорее в путь,
Чтобы кошку отряхнуть!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОВЁНКА

Ах, как ярок, ах, как звонок
Разгорается денёк!
Засыпай скорей, совёнок,
Спи, мой маленький сынок.
Положив на глазки крылья,
Чтобы не бояться дня,
Твой кузен — филёнок Филя
Спит, послушный, не в тебя.
В небе облако как ватка,
Начинает солнце путь.
Почему ж не хочешь сладко
Ты при солнышке заснуть?
Посмотри в чулан, сынуля:

Чуть забрезжил свет зари,
Как положено, заснули –
Носом вниз – нетопыри.
Это что за наказание?!
Ну, сомкни глаза, не хнычь.
Проводив луну глазами,
Спит твой строгий дядя сыч.
Это ж всем давно понятно:
Чтоб умней и краше стать,
Днём положено советам
Не летать, а крепко спать!

ЧЕМ ПИТАЮТСЯ ПИНГВИНЫ?

Чем питаются пингвины?
Чем питаются пингвины –
На вопрос никто на этот
Не сумел мне дать ответ.
Нет в холодной Антарктиде
Продуктовых магазинов.
Бакалеи, гастрономов
В Антарктиде тоже нет.
Чем питаются пингвины?
Чем питаются пингвины –
Не могу я догадаться
Вот уж целых пять минут.
Ведь в холодной Антарктиде
Не растут в садах маслины,
Огурцы и помидоры,
Репа с брюквой не растут.
Очень жаль, что мне пока что
Лишь четыре с половиной!
А когда мне станет двадцать
Или двадцать пять годов,
Я поеду в Антарктиду –
И узнаю у пингвинов,
Чем питаются пингвины
В ледовитой Антарктиде,
Там, где нету магазинов,
Огородов и садов.

КАК СПЯТ ОДУВАНЧИКИ

На лугу и там, и тут
Одуванчики растут –
На играющих ребят
Сотни жёлтых глаз глядят.

Перед тем, как спать ложиться,
Вышел с ними я проститься –
Доброй ночи пожелать
Перед тем, как лечь в кровать.

Только что-то на лугу
Я найти их не могу.
Одуванчики, похоже,
Засыпают на ночь тоже.
Так цветы, совсем не в сказке,
Закрывают на ночь глазки.

ЕСЛИ БЫ ЦВЕТНЫМИ БЫЛИ ТЕНИ

Если бы цветными были тени,
То с зелёной тенью был бы веник,
Тень была бы белой у мороженого,
У арбуза тень была бы розовой.
Пёстрой тень была б у пёстрой таксы,
А у Вовки тень была бы в кляксах.

КНИГОЧЕЙ

Колька Лапин – книгочей,
Из-за книг не спит ночей
И читает без разбору
Каждый месяц книг по сорок.
Про военные походы,
Про моря и пароходы,
О бушменской лексике,
Об ацтеках в Мексике.
Про пингвинов в Антарктиде,
Про слонов и про друидов.
Интересно всё, но малость
Странно всё перемешалось:
В голове у Кольки
Кельты носят кольты,

Проникая в Альпы,
Скальд снимает скальпы.
Кучу разного всего,
Прочитав, запомнил.
Много знаний у него
В беспорядке полном.
Если б кельты взяли кольты,
Если б скальды сняли скальпы,
А индейцы Акапульку
Переделали бы в Альпы,
Был соловым соловей,
Град бы шёл из гравия,
То у Кольки в голове
Всё бы стало правильно.

ДОМАШНИЕ ГУСИ

Запомните на всякий случай,
Что гусь – шипучий и щипучий.
К реке по лугу босиком
Свою семью ведёт гуськом.
А завершив свои труды,
Сухим выходит из воды
(Едва выходит из пруда,
С гуся стекает вся вода.)
И сообщает всем вокруг:
«Свинье я, знаете, не друг!»
И знают люди всей земли
И все пернатые на свете:
Когда-то гуси Рим спасли
И до сих пор гордятся этим!

СВЕТЛЯЧОК

Я не больше, чем комарик,
Но зато – живой фонарик.
На мизинце помещусь,
Но от радости свечусь.

Я знакомых навещаю,
Эфемерен, как эфир,
Но лечу и освещаю,
Как умею, Божий мир.

Я не лошадь, не свинья
И не лев коричневый,
Но зато являюсь я
Самой светлой личностью.

ПОЧЕМУ ГЕПАРД САМЫЙ БЫСТРЫЙ

Гепарду про чужой успех
В забегах скучно слушать –
Гепард бежит быстрее всех,
Когда он хочет кушать.

И ты бы бегал иногда
Не медленней нимало,
Когда б, дружок, твоя еда
Да от тебя сбегала!

ЕЩЁ ПРО ГЕПАРДА

Гепард желтее майских лун,
Красивый и опрятный.
Но хоть в шампунь его засунь,
Останется он в пятнах!

БАБОЧКА – СЧАСТЬЕ

Бабочка раскрыла
Книжечкой цветной
Радужные крылья
С нежною пыльцой.

Полетела к иве,
Села на листок.
Сказочно красива,
Как живой цветок!

Только сеть раскинул
Там свою паук,
Чтобы в паутину
Ты попалась вдруг.

Но его ловушку
Сняли мы с ветвей,
В мире потому что
Без тебя грустней!

Радуемся часто,
Что уберегли
Маленькое счастье
Для большой Земли!

ПОЛЁТ ПАУЧКА

В небе синем и огромном
Появился новичок –
Не синица, не ворона,
А, представьте, паучок!

– Как? Без крыльев и без стаи?
И поднялся в небо вдруг?!
– Да, – сказал он, – улетаю
На сучок, потом – на юг!

Это правда: в небе синем
В августе и сентябре
Он летит на паутине,
Как Хоттабыч на ковре.

– До свиданья, смелый лётчик!
– До свидания, малыш!
Если ты летать захочешь,
То ты тоже полетишь!

КОТ

Шёл по скверу рыжий Кот.
Шёл он К. И шёл он ОТ.
Сразу К, и сразу ОТ –
Потому и звался КОТ.
«Но куда или откуда,
Вам докладывать не буду, –
Заявил он гордо нам, –
Я себе хозяин сам!»

ОБЛАЧКО

Облачко ночное,
Опустись ко мне,
Унеси с собою
Ты меня во сне.

Поднимайся выше –
И, наверно, я
С высоты увижу
Дальние края.

Мы по белу свету
Полетим с тобой,
Но меня к рассвету
Возврати домой.

Разбужу я маму,
Папу разбужу –
И скрывать не стану,
Что с тобой дружу.

Расскажу я даже
Про полёт родне –
Бабушка мне скажет:
«Ты летал... во сне».

МАРКОВ С ЛУНЫ

Довольный жребием вполне,
Почти светясь от счастья,
Жил некий Марков на Луне,
Хоть сваливался часто.
Он на Луне и ел, и спал,
Но, главное, при этом
Он книжки умные читал –
Про звёзды и планеты.
Друзья с Земли кричат: «Ей-ей!
Понять хотим – нет мочи:
Зачем проводишь на Луне
Ты дни и даже ночи?!»
Сметя с Луны весь сор метлой,
Друзьям ответил Марков,
Что на Луне всегда светло
И, главное, не жарко!

**Сергей
СОБАКИН**

ДОБРЫЕ РАССКАЗЫ

ЗНАКОМСТВО С СЕМЬЕЙ ДОБРЫХ

В одном маленьком посёлке под названием Святые Ключи, неподалёку от районного городка Загорские Дали, жила семья Добрых. Добрые, мой маленький друг, это такая фамилия, если быть точным. Которая, надо сказать, весьма подходит этой семье. Отец семейства, папа Ефим Сергеевич Добрый – сельский доктор и писатель; мама, Ирина Филимоновна Добрая – учитель музыки по классу скрипки и альта. У них три сына: старшенький Толяша, десяти лет, восьмилетний Серёжка и Стефаша – младшенький, которому совсем недавно исполнилось шесть. А также пёс Бартошка и кот Киса. Вот такая большая и дружная семья.

Ефим Сергеевич работал непрестанно – по двадцать часов в сутки, а иногда и вовсе не ночевал дома. Он спасал людей, а порой и животных, поскольку в деревнях вокруг посёлка Святые Ключи и ближайших окрестностях докторов не было, а ветеринаров,

-
- Сергей Анатольевич Собакин родился в 1983 году в Москве. Окончил НОУ ВПО «Дербентский институт искусств» по специальности «Культуролог». Прозаик, публицист, поэт-песенник, композитор, звукоимитатор; член Совета молодых литераторов Союза писателей России (г. Москва). Участник VI Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России; лауреат I Всероссийского литературного фестиваля «Литературная карусель», посвящённого детской и юношеской прозе и поэзии. Финалист II Международной литературной премии им. А.И. Казинцева для молодых прозаиков, Всероссийской литературной премии им. В.П. Астафьева в номинации «Иной жанр» – публицистика; литературной премии Губернатора Курской области «Курская битва – 80», литературной премии поэзии и малой прозы им. И.А. Бунина, общественно-литературной премии «Тэффи». Лауреат I степени VII открытого областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Г.Н. Кольцова; лауреат III молодёжного межрегионального литературного православного конкурса «Волжский благовест – 2023» в номинации «Поэзия».

Публиковался в журналах «Москва», «Берега», «Наш современник», «Артбухта» и др. Живёт в городе Видное.

врачей для зверюшек, и вовсе след простыл. В свободное время Добрый доктор – как называли Ефима Сергеевича все деревенские, ибо он никому и никогда ни в чём не отказывал, – писал сказки, которые потом читал своим детям – Толяше, Серёжке и Стефаше. Добрая мама, Ирина Филимоновна, каждый день ездила в город Загорские Дали в тамошнюю музыкальную школу, в которой учила детишек музыке. А когда она возвращалась домой, то непременно бралась обучать музыкальным премудростям и своих малышей.

Толяша Добрый, старший из сыновей, как и полагается, был взрослым, сильным и всегда уверенным в том, что больше всех знает. По крайней мере, больше младших братьев, которых считал карапузами и малявками, отчего частенько командовал ими, как солдатами. Средний сын, Серёжка, которого мама ласково называла Ёжиком-Серёжиком, или просто Ёжиком, был очень тревожным мальчиком, который всего боялся и потому, бывало, частенько прятался под кроватью, чтобы никто не мог до него добраться. Стефаша, младшенький, был очень смышлёным, весьма непоседливым и озорным ребёнком. Пёс Бартошка и кот Киса жили дружно и во всём слушались хозяев, даже самых маленьких, потому что очень любили их.

Так и жила семья Добрых: папа лечил людей и животных; мама учила детишек музыке; три брата росли и попадали в разные поучительные и познавательные истории.

ВОСПАЛЕНИЕ ХИТРОСТИ

Однажды поздним вечером Добрый доктор Ефим Сергеевич по обыкновению вернулся домой с работы, на которой часами принимал и осматривал всех нуждающихся в медицинской помощи: бабушек, дедушек, детишек, коров, цыплят и прочую живность. Дома он обнаружил, что Добрая мама Ирина Филимоновна сидит возле детских кроваток и тихо плачет, а сыночки – Толяша, Серёжка и Стефаша – лежат укутанные с ног до головы, пьют горячее молоко, заедают мёд малиновым вареньем и меряют температуру. Тем временем домашние питомцы – пёс Бартошка и кот Киса – ходят по детской и, жалобно поглядывая на Добрую маму, пытаются отвлечь её внимание от внезапно захворавших ребятишек.

– Что случилось? – встревоженно спросил Добрый доктор. – Неужели заболели?

– Заболели, заболели! – разрыдалась Добрая мама. – А ведь днём всё ещё было хорошо...

– Как же так! Как же так! – взволнованно произнёс Добрый папа. – Всех вылечил, а о своих детишках позабыл совсем, горе мне, горе!

Добрый доктор подбежал к детским кроваткам и начал ощупывать и пристально рассматривать больных ребятишек. Через несколько минут внимательного осмотра Добрый доктор внезапно повеселел и приготовился озвучить предполагаемое «заболевание». В итоге он заключил, обращаясь к Дobreй маме и ласково ей улыбаясь:

– Да, Ирина Филимоновна, кажется, у карапузов-то – воспаление!

– Как воспаление?! – воскликнула Добрая мама и вновь заплакала. – И что же теперь делать?..

– Ничего, абсолютно ничего! Ха-ха! – ответил Добрый доктор и рассмеялся.

– Как ничего?.. – тревожно переспросил Серёжка. – Папа, каждый раз, когда ты говоришь слово «воспаление», значит, нужно лечить человека...

– Всё верно, сынок, – ответил Добрый папа и обнял Добрую маму. – Не беспокойся, любимая, у наших детишек «воспаление хитрости», и всего-то!

– Что это значит, Ефим Сергеевич? – обеспокоенно спросила Добрая мама.

– Это значит, что они абсолютно здоровы! – Добрый папа широко заулыбался и пригрозил сыновьям пальцем. – И просто обманывают нас!

– Конечно, обманываем! – закричал Толяша, выпрыгнул из-под одеяла и, нахмурившись, сказал: – Потому что мы целый день одни, а вы где-то ходите и ходите!

– Что ты такое говоришь, Толяша, сыночек?.. – сказала Добрая мама и не смогла удержаться, чтобы снова не заплакать. – Мы же вас так любим! Я ведь вас оставила всего лишь на часик, а тебя, Толечка, – за старшего.

– Вот именно что оставила, как и папа!

– Толяша, сыночек, так я же работаю, помогаю людям и животным, – оправдывался Добрый папа.

– Папа, папа, – испуганно закричал Серёжка, – а вдруг мы и вправду заболели?!

– Это просто игра, дурачок! Ха-ха! – крикнул в ответ Толяша и язвительно рассмеялся. – Мы же всё это придумали!

– А что там со Стефашей?! – с тревогой в голосе поинтересовалась Добрая мама. – Почему он молчит?

Вся семья, включая пса Бартошку и кота Кису, окружила кровать маленького Стефаши.

– Слава Богу! – хором закричали Добрые родители.

– Карапуз просто уснул! Ха-ха! – вновь рассмеялся Толяша.

Вся семья дружно обнялась, и Добрый папа сказал:

– Видите, к чему может привести обман, дети? Неправда всегда выходит боком. Усвоили?

– Да, папа... – ответили Серёжка и Толяша.

– И мы с мамой тоже усвоили кое-что... – признался Добрый доктор и прижал всех домашних к груди. – Важнее семьи нет ничего на свете!

– Гав-гав! Мяу-мяу! – по очереди одобрили слова хозяина Бартошка и Киса.

Перед самым отходом ко сну, когда уже все лежали в постели, Серёжка не выдержал и, ёрзая на простыне словно рыбёшка, выброшенная на берег, слез с кровати, забежал в комнату к родителям и взволнованно спросил:

– Папа, а, папа? А мы точно не заболели?

ДОБРОДЕЛАТЕЛЬ

Семья Добрых жила в согласии и не знала горя, пока Толяша не пошёл сначала в старшую группу детского сада, а затем и в первый класс. Не успели оглянуться Добрые родители, как Толяша из воспитанного и хорошего мальчика превратился в наглого и грубого сорванца. Он перестал со всеми считаться, думая, что больше всех знает, затыкал рты младшим братьям и без конца пререкался с родителями. Последней каплей для главы семейства стало то, что Толяша «принёс» из школы плохие, бранные слова и тут же начал их применять, испытывая сей диковинный диалект на подопытных – своих младших братьях Серёжке и Стефаше.

– Да ты! Такой-то растакой! – ругался как сапожник Толяша, обзывая Серёжку последними словами. – Ничего-то ты не знаешь! Б-е-э-э! – не переставал дразнить братиков маленький хулиган, высовывая язык и строя отвратительные рожи.

– Зачем ты так говоришь? Такими словами ужасными ругаешься?.. – искренне удивлялся Серёжка и тёр от волнения холодные ладошки.

– Так нельзя говорить, Толяша! – вмешался Стефаша. – Это некрасиво и нехорошо!

– Я самый умный и самый старший и могу делать, что мне вздумается!

В детскую вошёл Добрый доктор. Дети на мгновение замолчали, но уже через секунду наперебой кричали каждый своё.

– Я самый старший! И могу делать всё, что хочу! Я здесь главный! – вопил Толяша, грозя малышам расправой. – Ух, я вас!

– Папа! Почему Толяша ругается? Разве так можно говорить?! – негодовал Серёжка.

– Он всё время дерётся! – воскликнул Стефаша и принял боевую стойку. – Мне надоело, что он задирается!

– Так, детвора! – скомандовал Ефим Сергеевич и отодвинул в сторону устремившегося в атаку Толяшу. – Парламентёры!

«Парламентёры» было кодовым словом, которое ввёл Добрый доктор именно для таких случаев. Оно означало, что пора сесть за стол переговоров и наконец прийти к согласию в каком-либо насущном вопросе. Взял его Ефим Сергеевич, по всей видимости, из романов про пиратов и им подобных.

После папиного возгласа все сыновья послушно сели на круглый ковёр друг напротив друга.

– Ребята! Толяша, Серёженька и Стефашка, – ласково обратился к малышам Добрый папа, – вы все мои любимые сыночки, и я никого из вас не выделяю! Более того – все люди разные, и вы тоже. Так задумал Господь. Вот, например, Толяша у нас – сильный, рослый...

– И самый умный! – перебил отца Толяша.

– И умный! – подтвердил Добрый доктор и погладил старшенького по голове. – Серёженька у нас – заботливый, нежный и ранимый.

– Ну да! Слабак ведь! Ха-ха! – ехидно подметил Толяша и рассмеялся.

– Никакой я не слабак... – обиженным голосом сказал Серёжка.

– Нет, вовсе не слабак, – переубеждал Добрый папа, – просто он совсем другой. Вот ты, сынок, – обратился папа к Толяше, – можешь быть военным, например, или капитаном дальнего плавания.

– А этот плакса и нюня кем тогда?! – съязвил Толяша и презрительно посмотрел на Серёжку.

– Ну, например... – задумался Добрый доктор, – писателем или поэтом, а может быть, врачом...

– Он – врачом?! Не смешите меня! – возмутился Толяша. – Он ведь всего боится!

– Вот из таких-то чувствительных людей, как Серёженька, и могут получиться хорошие, заботливые и внимательные доктора или священники, – повторял Добрый папа и поглаживал по спине теперь уже Серёжку.

– Ну... Даже не знаю... – засомневался Толяша, задумчиво почёсывая затылок. – А этот, малой самый, кем тогда станет? – Толяша небрежно ткнул пальцем Стефашу, а затем толкнул его в плечо.

Стефаша огрызнулся в ответ и замахнулся для удара, но, когда увидел добрый взгляд отца, поменялся в лице и опустил ручонку.

– А Стефаша может стать актёром или музыкантом, певцом! – заключил Добрый папа. – Он у нас натура творческая, целеустремлённая и очень артистичная.

– Выходит, что все люди нужны?.. – тревожно поинтересовался Серёжка и немножко напрягся всем телом.

– Ну конечно! Как и все профессии! – радостно сказал Добрый доктор и широко улыбнулся. – Люди нужны друг другу. Мы ведь живём в обществе и всё делаем сообща, верно? То есть вместе, помогая друг другу. Согласны?

– Да! – хором, но с разной интонацией ответили братья.

– Так... – задумчиво начал Добрый папа. – А теперь разберёмся с ругательствами и оскорблениями...

– Это всё он! Толяша первый начал! – закричал Стефаша, указывая на старшего брата.

– Ябеда-корябеда! Б-е-э-э! – передразнивал младшего Толяша и корчил рожи.

– Дети, дети! Не нужно ссориться! – успокаивал ребятшек Добрый доктор. – Знаете, что говорили святые отцы про тех, кто ябедничает?

– Какие отцы?.. – аккуратно, сомневающимся тоном поинтересовался Серёжка.

– А кто это? – с серьёзным видом спросил Стефаша и нахмурил бровки.

– Это... Как бы вам объяснить... – задумался Добрый папа. – Ах да! Это друзья Иисуса.

– А их у Него много? – недоверчиво спросил Толяша.

– Много, много... – отвечал Добрый папа и задумчиво смотрел вверх. – И все очень добрые и хорошие люди. Помните, Кто такой Иисус? Я вам рассказывал, Кто Он такой и чем занимается.

– Ты говорил, что Иисус живёт на Небе и помогает всем людям и зверюшкам.. – тихо сказал Серёжка. – И что Он очень хороший, добрый и всех без исключения любит..

– Так и есть, малыши мои! – радостно воскликнул Добрый доктор и обнял всех разом. – Хотите быть такими же?

– Да! – без колебания хором ответили братья.

– А знаете, чего ещё не стоило бы делать?

– Чего? – снова хором спросили малыши.

– Ни в коем случае нельзя браниться, то есть ругаться, и уж особенно – матом, – наставлял братьев Добрый доктор. – Так вот, святые отцы говорят про тех, кто матерится, что люди эти лишают себя возможности попасть в Царствие Небесное и более того – не смогут однажды и рта открыть, так как испачкали его. И слова все ругательные ведут к вражде и ненависти, а следовательно, этому рад и враг Иисуса – князь тьмы..

– Так, выходит, он, – Стефаша некрасиво указал пальцем на Толяшу, – дружит с князем тьмы – врагом Иисуса?

– Я тебя сейчас!.. – покраснел от злости Толяша и приготовился наброситься на обидчика.

– Нет! Речь совершенно о другом! – сказал Добрый доктор и снова погасил зачинающийся конфликт, усмирив обоих сыновей крепкими объятиями. – Просто не нужно делать то, что будет в радость князю тьмы!

– А что нужно делать? Как стоит поступать? – тихонько спросил Серёжка.

– Нужно творить добро и быть добродетелем: научиться верить, надеяться, любить, не позволять себе лишнего, быть справедливым и храбрым, а также осторожным и умным! – перечислил добродетели Добрый папа. – И не нужно ничего бояться! Ибо с нами Бог, а без Его воли и волос не упадёт с нашей головы! – говорил Добрый доктор, смотря на дрожащего Серёжку. – Знаете, что чаще всего и всегда говорит Иисус?

– Что?.. – задумались малыши.

– Ничего не бойтесь! – Добрый доктор, поцеловав каждого в лоб, нежно обнял всех сыновей и прижал к груди. – И давайте, малыши, жить в мире, дружно. Ибо Григорий Богослов говорил: «...Друг верный – сокровище одушевлённое». Это значит, что настоящая дружба – это дар Божий..

Братики обнялись, попросили друг у друга прощения и пообещали Доброму папе больше так себя не вести. Что будет на самом деле – покажет время, а пока мир и порядок снова воцарились в доме Доброго семейства.

И только тревожный мальчик Серёжа всё не мог успокоиться. Перед сном малыш подошёл к Доброму доктору и задал вопрос, который так долго не давал ему покоя:

– А что такое Царствие Небесное, папа?

– Это дом Иисуса, – ласково ответил Добрый папа, – и Его Отца Небесного.

– А как же туда попасть?.. – поинтересовался мальчуган.

– О-о-о... – задумался Добрый доктор. – Для этого нужно много потрудиться... Но в первую очередь надобно быть хорошим человеком.

– Добрым, значит? – удивлённо промолвил Серёжка.

– Да, добрым, непременно добрым..

– Так ведь я уже – Добрый Сергей Ефимович! – гордо заявил малец и радостно зашагал в детскую. – И все мы – Добрые тоже!

– Ха-ха-ха-ха! – благодушно засмеялся Добрый доктор. – Эх... Славные мои малыши... Совсем ещё маленькие... – размышлял он. – Ах да! Забыл ведь сказать им главное: «Всегда будьте как дети!»

СОСЕД

Однажды в посёлке Святые Ключи, где жила семья Доброго доктора Ефима Сергеевича, объявился очень злой и капризный старик. И поселился он прямо за забором семейства Добрых, на соседнем участке. Тимофей Маркович Фуражкин – так звали соседа – был отставным генералом, ветераном двух войн, орденосцем и героем страны, а ещё человеком властным и довольно грубым. Жил он один в большущем доме, больше похожем на бункер. Старому вояке всё было не так и не эдак. Никто из соседей ему не пришёлся по душе, но особенную неприязнь старик почему-то испытывал именно к семейству Добрых, особенно к самому Доброму доктору – Ефиму Сергеевичу. Каждая встреча молодого врача с престарелым воякой непременно заканчивалась одним и тем же разговором.

– Ты бы лучше, – неуважительно обращался генерал к Доброму доктору, – служить пошёл, вместо того чтобы дворняг спасать да коровок лечить! Постоянно толпа народа у тебя перед домом твоим, и все кричат и кричат! Спать не дают, отдыхать, думать!

– Так как же я всё брошу, Тимофей Маркович? – удивлялся Ефим Сергеевич. – Я же один доктор на все окрестные деревни и сёла до самых Загорских Далей...

– А был бы толк, – язвительно заметил генерал Фуражкин. – Всех ведь спасти невозможно!

На крик генерала выбежали дети: Толяша, Серёжка и маленький Стефаша.

– Папа, папа! – наперебой кричала ребятня. – А кто этот дядя?!

– Это наш новый сосед, дети, – растерянно отвечал Добрый доктор, глядя по головке младшего сына, – генерал...

– Эх!.. – с досадой воскликнул Фуражкин, махнул рукой и, брюзжа, направился в дом. – Тьфу ты! Надо же, какой бездельник...

– Папа, папа, – спросил Доброго доктора старшенький Толяша, – а почему дядя такой злой?

– Наверное, – ответил Добрый доктор, – у дяди генерала плохое настроение...

– Мне страшно... – промолвил Серёжка и скулчился. – Он такой страшный! Этот дядя... такой...

– Да нет же, глупыш! – успокаивал среднего сына Ефим Сергеевич. – Просто не в настроении...

– А мне кажется, что он очень добрый! – воскликнул младшенький Стефаша. – Ему просто нужно сказать об этом... Я вижу, что ему одиноко, и он хочет, чтобы его кто-то любил.

– Дуралей! Ха-ха! – рассмеялся Толяша. – Он же – военный, огромный, здоровенный! – Мальчуган начал паясничать, изображая старого генерала. – Ты к нему только подойди – он тебя сразу свяжет, возьмёт в плен, а потом и пытать начнёт!

– Что ты такое говоришь, сынок? – отчитывал Толяшу Добрый доктор. – Разве можно так отзываться о людях? Мы ведь его совсем не знаем... Может, у него горе какое, вот он и обозлился на весь мир.

Разговор сыновей и Доброго доктора на этом закончился, и все разошлись кто куда: Ефим Сергеевич начал готовиться к поездке в районный городок Загорские Дали, где он числился при местной больнице хирургом и был обязан появляться там в неотложных случаях, а дети пошли играть в детскую комнату.

Когда семейство Добрых отужинало пирожками, что с любовью испекла Добрая мама Ирина Филимоновна, Ефим Сергеевич на прощание поцеловал всех домашних, вышел за порог – и был таков. Дети же, немного порезвившись, улеглись по кроватям и, после того как мама прочитала несколько сказок, крепко заснули. Только младшенький Стефаша никак не мог уснуть и всё ворочался с боку на бок. Завидев в окне яркий отблеск света, Стефаша тихонько привстал на кровати, а потом спустился и на цыпочках добрался до двери. Он вышел на улицу в одной пижа-

ме и тоненьких носках и с крыльца наблюдал за генералом: старик ходил по участку и без остановки ворчал, бормоча что-то невнятное себе под нос. Малышу стало любопытно, что же в такой поздний час делает старичок, и решил не медлить: отодвинул в сторону болтающуюся штакетину из общего забора и быстренько перебрался на участок нового соседа.

– Стой! Кто идёт?! – внезапно выкрикнул генерал Фуражкин. – Кто таков?!

– Меня зовут Стефаша... – почти шёпотом ответил малыш и замер на месте от страха.

– Сын Доброго доктора?.. – поинтересовался старик и подступил к ребёнку. – Ага, вижу, что сын. Пойдём со мной! Почему не спишь в такое время, озорник?

– Дядя генерал, – испугался Стефаша, – вы меня в плен хотите взять?..

– Ох! – воскликнул от неожиданности старый вояка и добродушно рассмеялся. – Конфетами тебя угощу, малец, ха-ха! Вернётся домой и с братьями поделишься.

Светало. Первые зорьки забежали по черепице домов посёлка Святые Ключи. Было уже около пяти часов утра... Добрый доктор вернулся из Загорских Далей, где всю ночь не смыкая глаз оперировал человека, который попал в автомобильную аварию. Уставший, с красными от недосыпа глазами и немного осунувшийся, Добрый доктор зашёл в дом. Родные ещё спали. По обычаю своему доктор сначала проведал Добрую маму, а затем, убедившись, что с женой всё в порядке, пошёл в детскую, чтобы посидеть рядом с любимыми детишками. Не досчитавшись Стефаша, Добрый доктор не стал нервничать и бить тревогу, а отправился на поиски сына. Обойдя весь дом, а потом и участок, Ефим Сергеевич чуть не сошёл с ума оттого, что его младшего сына нигде нет. Тогда Добрый доктор, даже не переодевшись, выскочил на улицу и в панике начал звать Стефашу. Из-за криков доктора, что доносились эхом, казалось, до Загорских Далей, проснулась вся округа, вместе с ней Добрая мама, а чуть погодя и Толяша с Серёжкой.

Односельчане долго и упорно искали малыша Доброго доктора, но, к несчастью родителей, поиски ничем так и не закончились. И не передать словами, какое чувство безысходности и леденящего ужаса охватило тогда семейство Добрых. Когда Ефим Сергеевич уже окончательно сдался и, притулившись на крыльце, отчаянно молился и рыдал, на пороге внезапно

появился Стефаша в докторском колпаке. В руках малыш держал медицинский чемоданчик и тонометр. Рядом стоял пёс Бартошка, к спине которого был пристёгнут весь врачебный инвентарь и инструменты Доброго доктора. Кот Киса мяукал на разные голоса, подпирая бок Бартошки, чтобы тот ничего не уронил.

– Где ты был, Стефаша? Сыночек, ты нас так напугал! – плача от радости, говорил Добрый папа.

– Дяде генералу стало плохо... – серьёзным голосом отвечал малыш. – Я решил, что нужно ему помочь.

– А почему ты меня не дождался, Стефаша? – удивился Ефим Сергеевич.

– Так ведь помощь-то была неотложная... – позёвывая, сказал малютка.

Через мгновение раздался вой сирены. Все жители Святых Ключей застыли в ожидании. Когда белый фургон с красным крестом на боку достиг места, из машины, словно чёртики из табакерки, выскочили медики и, прихватив с собой каталку, устремились в генеральский дом. Добрый доктор и вся его семья подошли к крыльцу Фуражкина и замерли в тревожном ожидании.

Через десять минут из дома выкатили каталку, на которой лежал истощённый генерал с серым лицом. Ещё будучи в сознании, Фуражкин открыл глаза и по-доброму улыбнулся.

– Хоть ты и бездельник знатный, а детей всё-таки хорошо воспитал!.. – Старик закашлялся и добавил: – И зря я думал, что все твои врачебные дела – ерунда и забава для деревенских! Вон... – ткнул генерал пальцем на Стефашу, – какого героя, однако, вырастил! Настоящего доктора!

– Это точно! – заметил идущий за каталкой знакомый врач. – Если бы не ваш сын, Добрый доктор, то наверняка генерал бы не дождался и до рассвета!

– А что с ним случилось? – озадаченно поинтересовался Ефим Сергеевич.

– Похоже, что у Тимофея Марковича случился сердечный приступ. Ваш сын мало того, что дал все необходимые таблетки генералу, так ещё и вызвал скорую.

– Ну дела!.. – воскликнул Добрый доктор и схватился за голову. – Ты ж мой!.. – Ефим Сергеевич повернулся, чтобы обнять и поцеловать младшего сына, но Стефаша, лёжа на спине пса Бартошки, уже видел десятый сон.

– Герой! – сказал гордо Толяша и покачал головой в знак одобрения. – Мой брат – настоящий герой!

– И не страшно ведь ему было... – взволнованно размышлял Серёжка.

– Какие вы у меня все молодцы, – ласково сказала Добрая мама и обняла мужа и сыновей. – Любимые мои, родные!

СОЧЕЛЬНИК

(НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ)

Много необычного, удивительного, загадочного и необъяснимого происходит в Рождество, а также в предшествующий ему сочельник и последующие Святки. Одну из невероятных историй, которая произошла в посёлке Святые Ключи близ районного городка Загорские Дали, хочу рассказать тебе, мой маленький друг...

В семье сельского доктора Ефима Сергеевича Доброго, так уж повелось, все домашние, члены семьи, были добрыми. Мама его, бабушка Поля, Аполлинария Фёдоровна, – Добрая; жена, Ирина Филимоновна, – Добрая; и, разумеется, дети, Толяша, Серёжка и Стефаша, – тоже Добрые, как по фамилии, так и по характеру. Каждый не без изъяна, но в целом довольно хорошие, отзывчивые и воспитанные люди-человеки, наделённые состраданием, любовью к ближнему. Даже питомцы, пёс Бартошка и котик Киса, и те были добрые.

Семья доктора Доброго была благочестивой и жила, а точнее сказать, пыталась жить во Христе, по совести, соблюдая Божьи заповеди. Нет, Ефим Сергеевич не был ревностным, помешанным на вере человеком, Боже упаси! Доктор Добрый, конечно, старался посещать все воскресные службы в Загорском монастыре, приобщая к этому благому занятию и всех домашних, но никогда не навязывал свои убеждения и точку зрения, а в первую очередь показывал на личном примере, каким должен быть истинный христианин. Не ведая того сам, не превозносясь в гордыне, доктор Добрый всегда невольно оказывался образцом для своих маленьких сыновей, которые каждый день видели, как их папа самоотверженно, порой рискуя жизнью и здоровьем, врачует людей и животных – всех страждущих, коих, конечно, хватало, если учесть, что Ефим Сергеевич Добрый был единственным сельским доктором во всей Загорской округе.

Насмотревшись на подвиги отца, дети решили последовать его примеру и рассудили, что будут так же, как папа Добрый, помогать и людям, и животным, и птицам, и... даже жучкам.

Немного забегаая вперёд, я должен вас уведомить, мой юный пытливый друг, что общую идею творить добрые дела братья восприняли по-разному. Серёжка, как самый рассудительный и осторожный, сразу предположив, что это деяние может оказаться сомнительным и весьма небезопасным, заключил в итоге: хоть сие и пугает, но всё же привлекает, ибо нет ничего страшнее и одновременно интереснее, чем приключения. Младшенький Стефаша высказался яснее и заявил: дескать, решение судьбоносное и должно стать призванием для всех троих, ведь что может быть лучше занятия, которое окажется полезным для души и поможет нуждающимся?

В стороне, как всегда, остался старшенький Толяша (лишь бы сделать всё по-своему) и выступил против: мол, вся эта придумка – пустая трата времени и сил, которые можно пустить на что-нибудь другое.

– С чего вы взяли, мелюзга бестолковая, что кому-то нужна будет ваша помощь?! Ха-ха! – насмеялся Толяша, держась за животик. – Вы же не доктора, не пожарные, не священники какие-нибудь, даже денег – и тех у вас нет, чтобы помочь кому копеечкой хотя бы! Ха-ха-ха!

– А при чём здесь деньги, Толяша?! – кричал Стефаша и краснел от злости, словно синьор Помидор из сказки. – Почему ты всегда всё делаешь наоборот?!

– А ведь и правда, Толяша, – тихо говорил немного насторожённый Серёжка, – Стефаша прав.. Зачем нам деньги, если можно просто...

– Просто что? Ха-ха! Помогать гусиной мамке переводить птенцов через дорогу? Или, быть может, донести тяжёлую сумку старухе какой? Ха-ха-ха! Не смешите меня, а то у меня сейчас живот лопнет! Ну вы, конечно, и фантазёры! Ха-ха! – снова съязвил Толяша и упал на пол от смеха.

– Ах так! Тогда получай! – завизжал Стефаша и набросился на обидчика. – На тебе! На тебе!

Серёжка отскочил в сторону и испуганно прижался к стенке.

На крики детей выбежала бабушка Поля, которая пекла на кухне рогалики с малиной. Она осталась с внуками на зимние каникулы, пока Добрые родители уехали в столицу, чтобы решить один насущный вопрос: понадобилось срочно забрать новую газовую плиту, потому что старая вышла из строя прямо накануне Нового года, и Аполлинии Фёдоровне пришлось готовить в каменной печи, как в незапамятные времена.

– Ах вы, негодники! Что вы делаете?! Зачем колотите друг друга, дети? – встревоженно кричала бабушка Поля. – На пять минут вас нельзя оставить! Накажу, накажу вас обоих! Стефашка! Толька! Будете сидеть дома все каникулы и никуда не пойдёте!

– Бабушка, они не виноваты... – еле слышно промолвил Серёжка. – Это всё я... Я виноват...

Драка тут же прекратилась. Во-первых, внуки всегда очень боялись гнева бабушки Поли, ибо та по традиции могла наказывать малышей, лишив развлечений; во-вторых, все удивились, что обычно робкий и молчаливый Серёжка, который всегда оставался в стороне, вдруг заговорил. Все трое – бабушка Поля, Стефаша и Толяша – с изумлением посмотрели на среднего брата.

– Они никак не могли поделить, кому достанется мой кусок лимонного пирога, который ты приготовила с утра... – оправдывал братьев Серёжка. – А я велел им бороться, чтобы победителю досталось всё, а проигравшему – ничего...

– Вот, значит, как... – разочарованно сказала Аполлинария Фёдоровна, утёрла со лба пот и, усевшись на половичок, тяжело выдохнула. – В тихом омуте... значит... Ёжик-Серёжик, да ты вовсе не ёжик, ты – хитрый лис!

Бабушка долго наставляла малышей, а затем, недовольно и натужно кричя, встала, картинно махнула рукой на внуков и вернулась на кухню.

– Ну ты даёшь, Ёжик-Серёжик! – Ошеломлённый Толяша пожал брату руку. – Не ожидал от тебя такого! Молоток, однако! Так и быть, мелюзга! – обратился Толяша к братьям. – Я с вами! Только, если что, это вы всё придумали!

– Хорошо! Здорово! Ура! – радовались Серёжка со Стефашей, наперебой выкрикивая слова восхищения и одобрения.

А план заключался в следующем: выйти из дома и отыскать кого-нибудь, кому нужна хотя бы малейшая помощь.

Под бдительным оком «надзирающей» бабушки Поли, которая десять раз перепроверила, чтобы внуки были «упакованы» как надо, то есть по-бабушкински, как капуста, дети, не видя почти ничего (ибо между крепко повязанным шарфом и плотно надетой зимней шапкой осталась только маленькая щель), на ощупь вышли на крыльцо. Шла детвора тоже с трудом, поскольку ноги растопырились так (из-за множества надетых друг на друга подштанников, носков и верхней одежды), что невозможно было их соединить. Руки – это отдель-

ная песня: они просто не сгибались всё из-за той же участи, которая постигла и ноги, ведь куча одеяний стесняла движения. И всё это, как вы понимаете, мой юный друг, бабушка сделала из благих побуждений: Аполлинария Фёдоровна не хотела, а лучше сказать, беспокоилась, что дети, не дай Бог, простудятся и заболеют.

На дворе было пятое января – вечер перед сочельником. Стояла морозная ясная погода, а зимнее яркое солнце скатилось так низко, что глаза щурились сами собой. Снег предательски громко хрустел под ногами и блестел в лад со светилом, превращая всё в одну засвеченную «киноплёнку». От крепкого морозца трещало всё: дома, дороги и даже воздух. На улице ни души. Видимо, деревенские ещё отдыхали после новогодних застолий. Детвора, словно пузатые пингвины, неуклюже ковыляя по безлюдным и промёрзшим улочкам родного посёлка, пошла навстречу приключениям. С громадными усилиями мальчишки добрели-таки до окраины деревни, где вышли на большую дорогу. Ребятишки прошли ещё немного и, увидев тропинку, что вела в ельник, без раздумий свернули, надеясь, что хотя бы там им попадётся нуждающийся (может, зайчишка какой?), которому они смогут помочь.

Намучившись, ребята наконец остановились, чтобы перевести дух. Они оказались на застывшем маленьком пруду в окружении ёлок.

– Ну и как мы в таком виде будем спасать мир, голова?! – бубня через шерстяной шарф, возмущался Толяша. – И где спасаемые-то, а?! Никого не видать! Что молчишь, малой?!

Толяша небрежно толкнул в спину Стефашу. Младший, поскользнувшись, упал плашмя на припорошённую снегом ледяную гладь пруда.

– Зачем ты так?.. – удивился Серёжка поступку старшего брата. – Мы же договорились обо всём.

– А ты рот закрой, карапуз! – огрызнулся Толяша и для важности отвернулся.

– Стефаша, держись! – Осторожничая, Серёжка аккуратно дёрнул младшего за «обездвиженную» руку. – Держись! Давай же!

Стефаша схватился за брата и так сильно потянул его на себя, что Серёжка, тщетно удерживая равновесие, упал рядом.

– Ха-ха-ха-ха! – послышался громкий и немного злорадный смех Толяши. – Ну что, герои?! Чё ж вы не спасаете мир-то?! Ха-ха-ха!

И смеялся бы так, наверное, Толяша долго, но, к его несчастью и веселью Стефаши и Серёжки, внезапно поскользнулся и грузно упал рядом.

– Ребята, – спросил Серёжка, – а как же мы теперь встанем?.. Кто нам поможет?

– Вот сам себе и помоги, герой! – возмущённо отозвался Толяша. – Мне вот пофиг! Буду лежать, пока кто-нибудь не подымет меня! Всё равно ведь кто-то да пойдёт мимо!

– А если не пойдёт? Мы ведь в лесу. Вокруг ни души... – испуганно произнёс Серёжка. – Мы тут замёрзнем! Совсем одни!

– Серёжка, не бойся! Обязательно кто-нибудь увидит нас! – успокаивал брата Стефаши. – Нужно просто немного подождать.

Толяша по-прежнему кочевряжился, упирался и даже ни разу не попробовал подняться; Стефаши же, наоборот, отчаянно барахтался, пытаясь встать, но у него так ничего и не вышло. Серёжка тоже не двигался, как и Толяша, но не потому, что так хотел, а от великого ужаса, который сковал малыша по рукам и ногам.

Спустя час стало темнеть. Солнце постепенно заходило за верхушки елового леса. Мороз немного ослабел, затем пошёл крупный снег. На ельник опустился сумрак. Внезапно поднялся сильный ветер, который в венском вальсе закружил снежинки, превратив лёгкую непогоду в настоящую вьюгу.

Теперь уже Толяша не капризничал и не упрямылся, а отчаянно рыдал и изо всех сил пытался перевернуться на живот, но тщетно: гладкий как стекло лёд и сбивающий с ног ветер не оставляли ему никаких шансов.

– Мы все умрём! – испуганно вопил Толяша. – Мы умрём, и никто нас не найдёт!

– Не надо, Толяша! – пытался вразумить брата Стефаши. – Не говори так! Нам обязательно кто-нибудь поможет!

– Ну, если никто и не поможет, то и ладно... – уже покорно отвечал некогда тревожный Серёжка. – Значит, как часто говорит наш папа, на всё воля Божья...

Так и лежали уже запорошённые снегом малыши: Толяша дрожал от страха; Стефаши храбрился и поддерживал братьев, а Серёжка доверился судьбе и воле случая, как сказали бы сейчас. Но то был не случай и не судьба, а желание малыша всецело положиться на волю Божью.

Монах Алипий, отшельник-затворник из Загорского монастыря, чудом оказался неподалёку, когда возвращался из оби-

тели, где помогал братии с приготовлениями к Рождественской службе, и теперь держал путь домой – в скит, который находился глубоко в лесной чаще.

Подъезжая на повозке к посёлку Святые Ключи, у самого поворота на оный, что вёл в еловый лес, где и стоял монашеский скит, старый монах завидел столп света, спускавшийся прямо с неба. Старец без колебания направил вожжи в сторону явления, шепнул на ухо лошади какое-то молитвословие, и старая кобылка поскакала так резво, словно до сего часа не знала усталости.

Буря начала понемногу утихать. Отец Алипий спешился и свернул на тропу. Уже издали, пробираясь в глубь леса, старый монах увидел три небольшие кучки снега, из которых еле-еле пробивался пар. Добравшись до пруда, старец впопыхах принялся раскапывать заледеневших детишек. Монах аккуратно перенёс промёрзших малышей в повозку и что есть силы помчался в скит, ибо вьюга вновь разыгралась со страшной силой. Кобылка, звеня колокольчиками, по-прежнему ретиво скакала по заснеженной дороге словно заправский молодой конь, которого готовили для скачек.

Пробежав несколько километров по лесу, старая лошадка остановилась и, тяжело фырча от усталости, припала на колени. Старец спрыгнул на землю, отстегнул повозку и завёл лошадь за дом, в пристройку-стойло, а затем по одному перенёс детишек в келью. Места в хижине старого монаха было мало, но его хватило, чтобы уместить трёх малышей. Старец затопил печку, раздел мальчишек, растёр их елеем и травяными настоячками и, замотав в тёплые одежды, уложил возле огня.

Прошли сутки с того момента, как дети отправились спасать мир. За это время домой успели вернуться доктор Добрый и Ирина Филимоновна. На пороге их встретила заплаканная Аполлинария Фёдоровна, которая чуть не сошла с ума от горя и отчаяния. Сначала одна, а затем с односельчанами она обошла все окрестности. Наслушавшись жалобных причитаний бабушки, Добрые родители схватились за голову и пришли в ужас. Все как будто помешались: Аполлинария Фёдоровна непрерывно, как маятник в часах, ходила по дому туда-сюда, проклиная себя; Ефим Сергеевич, словно безумный, бегал по соседям и выпрашивал, не видел ли кто детишек; мама Добрая не находила себе места и неистово рыдала, иссушив все глаза... Семья Добрых вновь переполошила весь посёлок, но, как бы ни старались деревенские во главе с Ефимом Сергеевичем, малышей,

к несчастью, так и не удалось найти, – будто сквозь землю провалились...

Тем временем Серёжка очнулся и увидел перед собой человека, похожего на древнего воина: старец в чёрной одежде, покрытой крестиками и странными надписями на неизвестном мальчишке языке, сидел возле печки и шептал что-то невнятное себе под нос, перебирая в руках странные деревянные бусы. Лицо странника при этом было наполовину скрыто под капюшоном, что прятал глаза, но открывал нижнюю часть лица, на которой в солнечном свете, проникающем сквозь маленькое витражное окно с изображением Божией Матери, всеми цветами радуги сверкала густая седая борода. (Ты уже, наверное, догадался, дружок, кто это?)

– Здравствуй, Дедушка Мороз! – тихо сказал Серёжка и улыбнулся.

– Здравствуй, деточка! – ласково поздоровался старый монах. – Слава Богу, что с тобой всё хорошо!

– А как же мои братики?.. – с тревогой в голосе спросил малыш и попытался приподняться.

– Не бойся, чадо, отдыхай! – ответил старец и уложил мальчишку обратно. – Они рядом, живы-здоровы! Слава Богу за всё!

– А как ты нас нашёл, Дедушка Мороз?.. – не унимался кроха.

– По молитвам твоим услышал тебя Господь и призвал меня на помощь, – ответил старик.

– Да?.. А мы тоже хотели помогать людям... Да вот только так и не смогли никого спасти... – с досадой сказал Серёжка и сразу уснул.

– Вы меня спасли, родненькие, меня, грешного!.. – воскликнул старый монах и, рыдая, припал на колени возле образа Христа и ещё долго, слёзно молился и благодарил Бога за явленное чудо.

Старец Алипий был ветераном войны. Во времена оной произошёл случай, который навсегда изменил жизнь молодого офицера, предопределив его дальнейшую судьбу. В ходе одного из сражений трое юных рядовых под свист пуль и гул бронетехники, что доносились с передовой, разгружали фургон с провизией и медикаментами и услышали команду: «Ложись!», когда внезапно налетел вражеский самолёт. Офицер отчаянно жестикнул и кричал бойцам, но те не отзывались. Когда

же командир добежал до них, было уже поздно... И поэтому старик не мог простить себя долгие годы, чувствуя всю жизнь угрызения совести и пребывая в грехе уныния. Посему и ушёл сразу после окончания войны в монастырь. Но даже здесь, в Загорской обители, уже будучи схимником, старец Алипий чувствовал те скорбь и тяжесть на душе, которые можно сравнить разве что с мучениями грешника в аду... А эти три славных светлых ангелочка, что явились монаху в самый сочельник, стали утешением для его истерзанного сердца, изнывающего от боли и печали...

Как только мальчишки пришли в себя, старец напоил всех святой водой, помазал елеем из лампадки, что горела пред иконой Божией Матери с Младенцем, и на дорожку выдал каждому по мешочку с сухариками, заготовленными им на Рождественский пост.

Ближе к вечеру, когда солнце уже давно закатилось за кристальную полосу тёмно-синего горизонта и на загорскую землю вновь налетели тучи, пошёл снег, пушистый и мягкий, точно в сказке.

Старый монах вышел из хижины и запряг свою верную бывалую лошадку. Немного погодя наружу вприпрыжку выскочили и трое малышей: довольные и весёлые, они несли большой мешок, в котором, судя по всему, лежали рождественские подарки – те, что отец Алипий приберёт для детей ещё с осени. Такова была давняя традиция отшельника: старец заботливо обходил местные деревушки на Святки и вручал ребятишкам разные вкусности и самодельные игрушки, которые смастерили монахи Загорской обители и он сам.

Подгоняемые рождественским настроением, на крыльях Святого Духа, в сопровождении ангелов и серафимов, отец Алипий и мальчишки быстро добрались до посёлка Святые Ключи, где и попрощались.

Подходя к отчему дому, одухотворённые и радостные, дети увидели доктора Доброго, который сидел на крыльце понуриив голову, плакал и сквозь слёзы просил Бога, чтобы Всевышний сжалился над ним и помог вернуть домой любимых малышей.

Завидев детей, пёс Бартошка громко залаял, а кот Киса побежал им навстречу.

– Папа, папочка! – закричали хором Толяша, Серёжка и Стефаша.

Ефим Сергеевич, услышав родные голоса, встрепенулся и от неожиданности схватился за сердце.

– Малыши мои! Сыночки! Господи, благодарю Тебя! – взмолился доктор Добрый, обнимая ребятишек. – Где же вы пропадали всё это время, родные мои?..

– Сначала мы попали в бурю, а потом нас спас Дедушка Мороз! Мы были у него в гостях, вот! – радостно ответил Серёжка и протянул отцу мешок с подарками.

– А ещё, – восторженно говорил Толяша, – Дед Мороз покатал нас на своей лошадке, представляешь?!

– Любимые! – папа целовал сыновей, совсем им не веря, и по очереди кружил каждого на руках. – А зачем вы ушли так далеко? Зачем?

– Мы хотели спасти кого-нибудь, папочка, – грустно ответил Стефаша, – но ничего у нас не получилось... И мы, выходит, не герои, как ты...

– Конечно, вы герои, ещё какие! Вы же сами нашли дорогу домой! – радовался доктор Добрый. – И вообще! Главное, что вы живы и здоровы, а остальное не имеет значения! Слава Богу за всё! – воскликнул Ефим Сергеевич и, схватив в охапку детвору, пнул входную дверь. – Дорогая! Мама! Бабушка Поля! Дети нашлись! Будем праздновать Рождество!

ФОМА НЕВЕРУЮЩИЙ

Ефим Сергеевич был человеком хорошим и по-настоящему добрым: помогал всем нуждающимся и страждущим, а также обладал таким редким качеством, как богобоязненность, чтил церковные традиции. Правда, он никогда не навязывал их соблюдение своим домашним, ибо считал, что в первую очередь должен сам показывать пример подрастающему поколению и жене.

В свободное от основной работы (врачевания всех живых существ) время Ефим Сергеевич сочинял добрые сказки, то есть был самым настоящим писателем, и каждую новую историю непременно читал своим детям, чтобы те внимали прописным истинам. Дети с радостью душевной и трепетом сердечным слушали сказки Доброго папы и во всём старались быть на него похожими.

Со временем Добрый доктор всецело приобщился к церковной жизни. Чуть позже, последовав примеру отца и мужа, к сему благому занятию пришли и все остальные. Семейство Добрых каждое воскресенье выезжало из посёлка в город, чтобы купить в Загорских Далях продуктов на неделю вперёд и попутно зайти в местный «Детский мир» – порадовать почти всегда послушных

сыновей какими-нибудь игрушками. Но этому значимому событию всегда предшествовало не менее важное – поход в церковь, точнее, в Загорский Крестовоздвиженский мужской монастырь, который находился на самом севере Загорских Далей, в глубине хвойного леса, богатого целебными озёрами.

Путь был не близкий и не далёкий, но, как это часто бывает, малыши начинали ныть уже на полдороге, упрасывая остановиться и отдохнуть.

– Когда мы уже приедем, папа? – жаловался старший Толяша. – Ну невозможно же столько терпеть! Я хочу кушать и спать!

– Сыночек, любимый, потерпи ещё немного, – спокойно отвечал Ефим Сергеевич, – мы скоро приедем.

– А зачем нам вообще туда ехать? – не унимался Толяша. – Давайте сразу поедем в магазин и «Детский мир»!

– Сначала нужно помолиться и испросить благословение у Бога, сынок, – всё так же спокойно объяснял Толяше Добрый доктор. – Делу время, потехе час! Знаешь такое выражение?

– Знаю, конечно, и что? – обиженно крикнул старший и нахмурил брови. – Ты всегда это говоришь, папа! А что, нельзя хотя бы раз не просить никакого разрешения?

– Конечно нельзя, – встрял в разговор младший Стефаша, – ведь Иисус Христос давно сказал всем людям, чтобы они ходили в церковь по воскресеньям...

– Да! Я помню... – добавил средний Серёжка. – Шесть дней работай, а седьмой отдыхай... Кажется, так нам говорили в воскресной школе. Если я ничего не путаю...

– Замолчите, мелюзга бестолковая! – сердито закричал Толяша и пригрозил младшим братьям кулачком. – Ух, я вас! Нету никакого Бога, нету, я вам говорю!

Все пассажиры пригородного автобуса, которые тоже ехали на утреннюю воскресную службу в монастырь, с недоумением оборачивались и осуждающе сверкали глазами на молодых родителей.

– Кто тебе это сказал? – растерянно спросила Добрая мама и от изумления выронила ноты, приготовленные для певчих. – Что ты такое говоришь, сынок?

– Так нельзя! – возмутилась впереди сидящая старушка. – Научите своего ребёнка манерам и воспитывайте его как должно, иначе Боженка разгневется!

– Простите нас, бабушка, – извинился Добрый доктор и с удивлением посмотрел на старшего сына. – Откуда такие «познания», сынок?

– А чего тут знать-то? – ёрничал Толяша. – Ну, во-первых, если бы Боженька существовал, то Он дал бы нам дом побольше, чтобы у каждого была своя комната! Сколько я Его ни просил, всё равно мы с Серёжкой и Стефашей живём в одной спальне! А во-вторых, по телеку недавно учёные сказали, что нет Его, вашего Иисуса! Б-е-э-э! – Толяша, высунув язык, передразнивал братьев.

Младший Стефаша тут же разревелся, а Серёжка обеспокоенно прижался к маме и сказал, что ему очень страшно. Родители растерялись и всю дорогу ехали молча, стыдливо потупив глаза.

Автобус остановился на самом подъезде к монастырю по просьбе одного благочестивого старичка в белых одеждах, который всю дорогу скромно молчал, добродушно улыбался и не вступал в разговоры паломников и прихожан.

Ефим Сергеевич вышел из автобуса первым и по очереди снял со ступенек малышей, а потом подал руку жене.

Подойдя к обители, семья увидела множество нищих и бездомных, которые сидели возле церковной ограды и просили милостыню.

– Мне страшно, мама! – испугался Серёжка и схватил Добрую маму за подол платья.

– Сынок, – ласково отвечала Ирина Филимоновна, – маленький мой, не бойся! Это бедные люди, они пришли, чтобы попросить Боженьку и нас, прихожан, о помощи.

– Вот видите! – закричал Толяша, картинно разведя руками. – Что я вам говорил?

– Почему ты так говоришь? – огорчился Стефаша и начал кукситься. – Мне папа говорил всегда, что церковь – это дом Божий.

– Ага! Вот ещё! Ха-ха-ха! – насмеялся Толяша над родными. – Если бы Иисус существовал на самом деле, то допустил бы Он разве, чтобы люди жили на улице? То-то же! Думай, голова! – язвил Толяша, отвешивая подзатыльник Стефаше. – Да и сам подумай, малой, сколько церквей на планете! Зачем Иисусу столько? Неужели одного дома мало? Ха-ха! Так что всё это сказки!

– Ребятунки! Детишки! – не выдержал Добрый доктор. – Зачем вы всё время ссоритесь? Толяша, ну ты же старше всех...

Прежде чем войти в монастырь, Ефим Сергеевич долго старался успокоить родных, но все его попытки были напрасны... И только обещание скорого похода в «Детский мир» возымело успех.

В храме во время службы Добрая мама помогала певчим, деревенским певцам-любителям, исполняя с ними церковные песнопения, поскольку знала нотную грамоту и разбиралась во всех музыкальных премудростях лучше остальных. Добрый папа Ефим Сергеевич по просьбе игумена монастыря отца Киприана читал часы и благодарственные молитвы. А Толяша, пока родители были заняты, оставался за старшего и, как это водится, с неохотой присматривал за младшими братьями. Он всегда негодовал и злился из-за возложенных на него обязанностей и неистово задирали малышей – да так, что те плакали, мешая прихожанам молиться и участвовать в священнодействии. Но в этот раз обычно непокладистый Толяша вёл себя как никогда примерно, потому что очень уж хотел заполучить обещанное – поход в «Детский мир», лакомства и подарки.

Служба в монастыре прошла довольно спокойно. Паломники и прихожане, в том числе и семья Добрых, выходили на улицу безмятежные, с одухотворёнными лицами. И только Толяша по-прежнему хмурился, но молчал: малышу хотелось быстрее оказаться в заветном магазине игрушек.

Невесёлый, угрюмый, он шёл рядом с родителями, которые светились от счастья. Рядом беззаботно бежали вприпрыжку Стефаша и Серёжка. Добрый доктор не жалел монет и сыпал в ладони бедняков столько, сколько они просили. Толяша наблюдал за этим с недоумением и презрением, а потом, не выдержав, закричал:

– Папа! Папа! Зачем ты даёшь этим грязнулям столько денег? Им столько не нужно, они всё равно живут на улице!

– Они же голодные, наверное, и им нужнее эти деньги... – тихо молвил Серёжка и приготовился спрятаться за подол Добрай мамы.

– Да с чего ты взял, малой? – заносчиво отозвался Толяша и стал кривляться, изображая нищего. – Посмотри! Зачем ему столько денег? Он же всё равно бедный и богаче от этого не станет! Ха-ха! Лучше потратить эти деньги в «Детском мире» на вкусняшки и игрушки!

Неожиданно из толпы попрошайек выбежал самый грязный из них и, поцеловав руки Толяше, подхватил мальчика и начал с ним кружиться.

– Почто ты такой злой, скажи? Почему, деточка?! – внезапно воскликнул бедняк.

Добрые родители сначала хотели вмешаться, но, увидев, что у бездомного нет злого умысла, передумали. А ещё им показа-

лось, что бедняк уж очень похож на того благодушного старичка из пригородного автобуса. Нищий тем временем поставил скусившегося ребёнка на землю, вновь поцеловал ему ладошки и ласково спросил:

– Что же ты, кроха, почто такой сердитый? На весь ли свет или только на часть оного?

– Да я и не сержусь нисколючко... – растерянно ответил Толяша и взглянул на родителей, ища поддержки.

– Как же не злишься! Ха-ха! – добродушно рассмеялся старичок. – А почто же тогда в Бога не веришь? Фома неверующий!

– Так ведь учёные по телеку сказали...

– Ох, деточка... – грустно вздохнул бездомный и перекрестился. – Что только не кажут по ентому ящику бесовскому. Господи помилуй! А кто же, по-твоему, тогда создал всю эту красоту? – Нищий поднял руки к небу и несколько раз повернулся вокруг себя. – Посмотри по сторонам, деточка. Что ты видишь?

– Небо, облака, деревья, собачек, кошек, травку, людей... – неуверенно сказал малыш.

– И ты правда думаешь, что сие могло возникнуть из-за какого-то там взрыва? – Старичок встал на колени перед Толяшей и подозвал его к себе. – Но взрыв разрушает, а не созидает! Другое дело – Бог... Ведь Он – Творец всего сущего!

– Но так ведь учёные сказали по телеку... – не унимался мальчик.

– А ты кому веришь, деточка? – понарошку нахмурился бездомный. – Ящику рогатому али сердцу своему? Что тебе подсказывает оное, сердечко твоё? Неужели, что ты произошёл от обезьянок ентих?

– А люди разве не могли произойти от обезьян? – задумчиво спросил Толяша.

– А ты сам как думаешь, деточка? Что у тебя общего с ними?

– Но мы же похожи, только они не говорят...

– То-то и оно! Ха-ха! – снова по-доброму рассмеялся бедняк. – А не говорят они, потому что того не пожелал Сам Господь. А ты вот можешь говорить, деточка. А слово, между прочим, самое сильное оружие: им можно как убить, так и оживить. Посему нужно всегда следить, что слетает с языка твоего, ибо ответим мы за всё, что говорим. Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его. Ибо кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживает язык свой от зла и уста свои от лукавых речей... Поэтому оставь злоречие и пустословие, деточка. А похожи мы только внешне с обезьянками, но никак не по внутреннему устройению, ибо нас Всевыш-

ний наделил душою, которой мы можем любить и сострадать... – Старичок обнял мальчика, поцеловал его в лоб и благословил.

Вокруг Доброго семейства вскоре собралась толпа из паломников, прихожан и монахов, которые внимательно и с интересом слушали странного проповедника-нищего. Тот же тем временем преобразился: одежды его посветлели, да и сам он словно бы засиял небесным светом, принимая совсем другой облик...

Вскоре подоспел настоятель Загорского монастыря отец Киприан и ради порядка попросил всех разойтись.

Добрые родители и братья на миг отвлеклись от увиденного чуда, но когда вновь повернулись к старшему сыну, бедняка и след простыл. Толяша стоял один и умиротворённо улыбался, лицо его сияло радостью и спокойствием.

– А где же?.. – развёл руками Добрый доктор. – Словно испарился...

– Знаете, что я подумал? – произнёс Толяша и ещё больше расплылся в доброй улыбке. – А давайте не пойдём в «Детский мир» и раздадим все деньги беднякам.

– А как же вкусняшки? – озадаченно спросил младший Стефаша.

– От нас не убудет, братик! – ласково сказал Толяша, подошёл к Стефаше и обнял его. – Прости меня! Я был не прав.

– И ты меня прости, Толяша... – почти шёпотом ответил Стефаша, покорно склонив голову.

– Ребята! – окликнул братьев Серёжка и подбежал к ним. – Давайте не будем ссориться...

Добрые потратили отложенные на «Детский мир» деньги на милостыню и попрощались с отцом Киприаном. Воодушевлённые, они вышли за стены монастыря и направились на автобусную остановку. По дороге их догнал запыхавшийся отец Киприан и передал большущие пакеты с монастырскими сладостями и игрушками-поделками от монахов. Добрый доктор, поблагодарив игумена, в шутку спросил у мальчиков, не хотят ли они всё-таки поехать в «Детский мир». Дети, дружно обнявшись, хором ответили:

– У нас же теперь всё есть! И даже больше!

БОЖИЙ ПРОМЫСЛ

Добрый доктор Ефим Сергеевич как-то раз вернулся домой с дежурства далеко за полночь. Весь день и всю ночь он спасал и лечил детвору, бабушек-дедушек, птиц, зверей, ибо был лека-

рем от Бога, к которому обращались деревенские и городские – все, кто так или иначе знал о чудотворце-врачевателе из посёлка Святые Ключи, что находился близ районного центра Загорские Дали. И никому и никогда доктор не отказывал, поскольку был человеком с добрым сердцем и чистыми помыслами. Про таких людей обычно говорят: добрая душа...

Редкие минуты отдыха, когда Ефим Сергеевич находился дома, он тоже проводил с пользой. Лень и праздность казались врачу сущим наказанием: безделье, от которого Добрый доктор лез на стену, вынуждало его заняться хоть чем-нибудь. Он не мог отлёживаться больше двух часов, поскольку не умел отдыхать да и, собственно, не хотел сидеть сложа руки, предаваясь греху уныния, как он сам говорил.

А посему и в этот раз, придя домой, Ефим Сергеевич решил не терять времени даром. Любимым занятием врача было писательство, поэтому он, наскоро проглотив ужин, с любовью приготовленный его женой Ириной Филимоновной Доброй, поспешил в свой кабинет и сел за рабочий стол, чтобы дописать начатую на днях сказку.

Добрый доктор несколько часов трудился над своим произведением и, как это часто бывало, очень бурно реагировал на действия вымышленных героев, коих он с азартом и поистине детским задором помещал в неудобные жизненные ситуации. В какой-то момент Ефим Сергеевич так громко рассмеялся, что к нему в кабинет заглянул один из сыновей. А ведь Добрый доктор был уверен, что все домашние уже давно видят десятый сон. Средний сын Серёжка, пугливый и тревожный мальчуган, осторожно прошёл в комнату и шёпотом сказал:

– Папа... Я не могу уснуть...

– Сыночек мой! – удивился Добрый доктор, увидев мальчика в столь поздний час. – А почему?

– Я не могу сказать... – чуть слышно ответил ребёнок.

– Так, сынуля, Серёженька, – сказал Добрый папа и, заподозрив что-то неладное, посадил кроху к себе на колени и пристально посмотрел на него, – если думаешь, что будешь выглядеть как ябеда, то я тебя уверяю, сейчас не тот случай. Братики обижают тебя?

– Нет. Просто Толяша и Стефаша балуются и мешают спать... – ответил малыш и понурил голову. – А мне ещё вдобавок как-то тревожно, страшно... И холодно почему-то...

– Тогда давай их позовём! – сказал Добрый папа, собираясь пойти к детям.

– Нет! Не надо, папочка! – закричал Серёжка. – Они меня будут дразнить потом и вспоминать этот случай...

– Ничего не будут, не переживай, сынок! Сейчас всё проясним! – ласково сказал Добрый доктор, мягко улыбнулся и отправился за детворой. Дойдя до двери, Ефим Сергеевич остановился и о чём-то задумался. Затем он вздрогнул и принялся растирать руки – и правда было холодно, а ведь конец мая на дворе! Добрый папа ещё раз нежно взглянул на замёрзшего кроху и шутливо произнёс:

– Погоди-погоди, сынуля, сейчас папа включит обогреватель – будет как в Африке!

Вскоре в кабинете Доброго папы появились недовольные, немного заспанные и взъерошенные братья.

– Ну что? Сдал нас, малой? – сердито, с укоризной сказал старший Толяша. – Предатель!

– Толяша, он же, наверное, случайно... – нерешительно проговорил младший Стефаша и, задумавшись, поджал нижнюю губу. – Серёжке, может, было страшно, или он...

– Ничего и не было! – огрызнулся Толяша. – Ябеда-корябеда наш Серёжка, и всё тут! Бе-э-э! – дразнил он Стефашу.

Позже в кабинет зашёл Добрый папа и, рассадив детвору по местам, плотно закрыл дверь.

– Ну что, ребятня? – ласково спросил Ефим Сергеевич. – Будем слушать сказку?

– Да! Новую сказку! Новую! – дружно закричали дети и все вместе захлопали в ладоши.

– Тогда слушайте! – воскликнул Добрый доктор и таинственно прищурился. – Жил-был один очень добрый царь. Он всем помогал в своём царстве. Так вот. И было у него три сына.

– Это ты про нас, что ли, папа? Хи-хи-хи! – рассмеялся Толяша, схватившись за живот.

– Не совсем, Толяша. Слушайте дальше. И, значит, дворец у этого царя был не очень большой, ибо многое отобрали у него злые люди... – Добрый папа нахмурился и состроил жалостливое лицо. – И даже не люди вовсе, а чудища всякие, коих наслал змей один, которого величали... Да не важно, в общем-то, как его звали, если честно. Суть не в этом...

– Страшновато... – боязливо проговорил Серёжка и заёрзал на месте.

– Но не это самое страшное... – ответил Добрый доктор и наклонился к детям. – Самое ужасное случилось, когда трём братьям из-за нехватки места в замке пришлось ютиться в одной комнатухе...

– Прямо как нам! – воскликнул Стефаша.

– Да, прямо как вам! – подтвердил Ефим Сергеевич. – И что вы думаете, дети? Пришли однажды ночью к царевичам слуги змия сего и хотели всех братьев погубить, забрав их к змию на службу!

– Ха! А разве службой можно кого-то погубить? – съехидничал Толяша. – Фигня какая-то!

– Конечно, можно! – воскликнул Добрый доктор. – Если позвать на работу, неугодную...

– Неугодную кому? – спросил средний Серёжка и съёжился в ожидании ответа. – Мне стра-а-а-ашно!

– Ничего не бойся, сынок! – громко заявил Добрый папа. – Неугодную для...

– Иисуса? – перебил отца Серёжка и покраснел от смущения. – Неугодную для Иисуса?..

– Верно, сынок! – похвалил среднего сына Добрый доктор и погладил его по соломенным волосам.

– Это Тот, которого убили плохие, злые люди, а Он воскрес, чтобы спасти всех нас? – с недоверием поинтересовался Толяша. – Ты нам про Него много рассказывал, папа...

– Да, это именно Иисус, – подтвердил догадку старшего сына Добрый папа, радуясь, что дети не забыли его истории.

– Значит, служить плохим людям – это плохо? – уточнил Стефаша.

– Точно! И не только людям, но и всем, кто со змием дружит... Ладно, не будем об этом. Так вот, эти слуги пришли, пока двое братьев, старший и младший, спали, и начали околдовывать их, чтобы те послужили всё-таки злу, – приговаривал шёпотом Ефим Сергеевич. – А средний царевич в это время не спал и побежал к царю, папе своему, чтобы доложить, что напали на братьев приспешники змия...

– И что было дальше? – по очереди спрашивали захваченные сказкой дети, но только Серёжка при этом дрожал от страха.

– И встал тогда царь, и поспешил в комнату к царевичам, – рассказывал Добрый доктор, отчаянно жестикулируя, – и увидел: старший сын до сих пор спит как убитый, в то время как слуги змия овладевают им, а младший царевич бьёт их яростно, защищая брата своего!

– Ого! – хором восторгалась детвора.

Внезапно раздался резкий, хлёткий звук, а затем что-то громко затрещало. Все невольно напряглись и замерли в ожидании. Через мгновение в кабинет забежала испуганная Добрая

мама, а немного погодя из дверного проёма повалил густой серый дым. В тот же миг перекрытие в детской комнате обвалилось, придавив кровати малышей, и раскалённые щепки разлетелись по всему дому.

– Горим! Горим! – не своим голосом закричала Ирина Филимоновна. – Пожар!

Ефим Сергеевич без колебаний схватил детей в охапку, и вся семья выбежала из пылающего дома. Толяша в ужасе наблюдал за пожаром и боялся пошевелиться. Стефаша успокаивал расстроенного не на шутку Серёжку. Добрый доктор обнимал рыдающую супругу.

– А как же Киса и Бартошка? – Серёжка внезапно вспомнил о питомцах, которые оказались запертыми в одной из комнат. Мальчик побежал обратно в дом спасать животных.

– Н-е-э-эт! Сынок, стой! – закричали родители, но тот уже исчез в языках пламени.

Ефим Сергеевич уже было собрался кинуться вслед, как на пороге охваченного дымом и огнём дома появился Серёжка. Маленький храбрец прижимал испуганного кота Кису к груди, а свободной рукой волочил за ошейник хромающего пса Бартошку.

– Слава Богу! – кричали родители. – Живой! Живые!

Спустя полчаса огонь стих и пожар потух, но Добрая семья ещё долго смотрела на тлеющие угли и безутешно рыдала. Когда Толяша немного пришёл в себя, он подошёл к братикам, а затем к маме с папой, крепко обнял родных и, расплакавшись, жалобно произнёс:

– Любимые!..

– Всё хорошо, Толяша, всё позади... – успокаивал Добрый папа старшего сына.

– Сыночек, дорогой мой... – сквозь слёзы говорила Добрая мама. – Давайте ещё раз обнимемся... – Ирина Филимоновна распростёрла руки, и вся семья вновь стала одним целым.

– Так, получается, Серёжка знал всё заранее? – утирая слёзы, спросил Толяша. – Ведь не зря он вышел из детской и пошёл к папе... И спас всех нас!

– Боженька, видать, подсказал нашему Серёженьке, чтобы он не спал в эту ночь и позаботился о нас... Божий промысл... Божий промысл... – размышлял Ефим Сергеевич и неустанно крестился. – А я, растяпа, включил старый, негодный обогреватель. Горе от ума, горе от ума... Боже мой!..

– Прости меня, Серёжка! – выкрикнул Толяша и чуть не задушил в объятьях брата.

– Но я ничего не знал... – недоумевал Серёжка. – Мне просто не спалось...

– Сынок, – обратился к Серёжке Добрый папа. – Ничего просто так не бывает. Случайности не случайны! На всё воля Божья! Вот и тебя Господь сподобил, чтобы ты стоял на страже в эту ночь.

– Значит, Иисус был рядом, как настоящий друг? – спросил Серёжка и посмотрел на Доброго доктора чистыми голубыми глазами.

– Так и есть, сыночек, так и есть, – приговаривал Ефим Сергеевич, обнимая любимых, – Господь всегда рядом и никого не оставит в беде...

Ефим Сергеевич словно в воду глядел. Господь не оставил Добрых. Уже через несколько дней вся семья справляла новоселье: глава Загорских Далея, Ростислав Вильгельмович Чинушин, обязан был Ефиму Сергеевичу чудесным спасением жизни своей, посему без промедления распорядился переписать на Доброго доктора свою дачу, которая на самом деле оказалась большим загородным домом, если не сказать замком со всеми удобствами. Односельчане, люди благодарные и неравнодушные, помогли семье Ефима Сергеевича обзавестись техникой, одеждой, посудой и прочими благами. Мир, как оказалось, не без добрых людей.

**Владимир
ГУСЕВ**

СКАЗКИ КАЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

*Моей любимой маме,
Лидии Ивановне Гусевой, посвящается*

1960-е годы XX столетия. Где-то в заволжских степях, в небольшой деревушке Бизяки на берегу Камы жил да был старый бабай Сабир, глава семьи, уважаемый отец и дед, пасший на обильных камских лугах колхозных овец. Бабай Сабир был уже стар и частенько думал о приближающейся смерти. Жил он на белом свете уже долго, больше семидесяти лет, и многие события видел в своей жизни: и первую революцию 1905 года, и обе революции 1917 года, и Первую мировую, и гражданскую войны, и индустриализацию с коллективизацией, и Великую Отечественную войну, и послевоенное восстановление хозяйства СССР и Татарской Советской республики. Будучи родом из простой семьи, Сабир в юности успел побатрачить на местных помещиков, молодым мужчиной повоевал на фронтах Первой мировой в кавалерии и всей душой встретил Советскую власть, вступил в партию большевиков, воевал с Колчаком, а потом помогал организовывать первые колхозы на плодородной земле Татарстана. В первые дни Великой Отечественной войны записался, было, в добровольцы, пошёл в составе народного ополчения на войну, но осенью 1941 года под Москвой получил тяжёлое ранение, фашистскую пулю точно в правое колено, да так, что собирали потом коленный сустав по кусочкам на операционном столе. Даже ампутировать ногу хотели, но Сабир не дал, уговорил старенького военного хирурга ногу пожалеть. Поэтому получил в госпитале Сабир вместе с солдатской медалью «За Отвагу»

-
- Владимир Владимирович Гусев родился в 1968 году в Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 год проходил срочную службу в пограничных войсках. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт и поступил в аспирантуру по специальности «Экономика и управление народным хозяйством». Кандидат экономических наук. Доцент кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Публиковался в журналах «Аргамак» и «Волга—XXI век».

ясеневую трость да и похромал обратно к себе в колхоз, ухаживать за скотиной и выращивать хлеб.

Знал старый Сабир всю сельскохозяйственную работу: и на тракторе мог проехать, и на автомобиле, и как сеять зерно, как за ним ухаживать, как убирать урожай на благо республики и всей страны. Но вот беда другая навалилась – с возрастом стал Сабир терять зрение, да и реакция, быстрота движений были уже не те, что раньше, и уже не садился дедушка Сабир ни за трактор, ни за грузовичок, а попросился у начальства в пастухи, пасти небольшую отару колхозных овец. Председатель колхоза, молодой шустрый агроном, сначала было воспротивился, подумал: «У старого Сабира все овцы разбегутся!» – но потом всё-таки дал добро.

Помогали в деле выпаса овец Сабире два внука, два мальчика 10 и 8 лет, Азат и Булат, да собака, старенькая кавказская овчарка по кличке Айна. Внуки были на каникулах, вот и крутились около деда, следили за овцами. Любил пожилой Сабир здешнюю природу, степной простор, зелёные заливные луга, любил ночами, после того, как овцы заходили в загон, посидеть у костра, попить чай с молоком и травами, повспоминать, поразмышлять о своей жизни, что у него получилось, а что – нет, что ещё предстоит сделать, хотя и предстоит-то немного. «Я уже стар, с ярмарки еду, пусть вон внуки на смену мне приходят. Всего, чего я не достиг, пусть они добиваются!» – так думал старый дедушка Сабир. Спал ночами он в основном у костра, а внуки спали в старенькой юрте. Внуки очень любили деда Сабира и, как близился вечер, подступали к нему и начинали гадеть:

– Баба¹, расскажи сказку! Расскажи нам сказку!

– Подождите, дети! – строго отвечал им Сабир. – Знаете, что означает моё имя? Имя Сабир по-арабски означает «терпеливый»! Вот и вы будьте терпеливыми! Сейчас загоним овец, поужинаем, заварим в котелке чай с травами, и расскажу.

Сказок и преданий дедушка Сабир и правда знал много, любил народные легенды, всю жизнь их запоминал, даже записывал, а потом рассказывал, сначала – своим детям, а потом уж и внукам. И вот, расположившись на закате у степного костра, подстелив под бок небольшой старый коврик и похлёбывая горячий чай с чабрецом из разукрашенной пиалы, дедушка Сабир улыбнулся и начал свой рассказ:

¹ Баба (тат.) – дедушка.

– Ну вот, мои маленькие багатуры, теперь после трудового дня можно и отдохнуть, и послушать сказку. Сегодня мы поговорим о Великом хане Чингизе, Повелителе всех степных народов и о его любимом сыне Джучи...

СКАЗКА ПРО ДУМБРУ И БЕЛОГО БАРСА

Велик был хан всех степей Темучжин! Долго воевал он со своими соседями, пока не покорил всех. Сумел он объединить под своим началом все степные народы и создать из них могучее, грозное войско. Покорил силой меча и южные страны, и восточных соседей, посылал своих всадников на Запад и Север, и везде водружал свой бунчук. Далеко на востоке, в Монголии, на курултае² степных народов, где присутствовали старейшины и воины всех племён и родов, был он провозглашён Чингиз-ханом – Великим ханом Великой Степи. Представители всех племён уважали и боялись Чингиз-хана, и неизвестно, чего было больше – страха или почитания. От мест восхода солнца до мест его захода, от восточных морских берегов до западных холодных земель простирались владения Чингиз-хана, на которых паслись его бесчисленные стада, стояли бессчётные юрты его воинов и вечерами горели тысячи костров.

Много было детей у Чингиз-хана от разных жён, но самым любимым был старший сын Джучи. Молодой царевич был хорош собой, высок, строен, ловок, с орлиным взором и открытой улыбкой. Никому не завидовал Джучи, но все завидовали ему. Когда молодой царевич шёл по селению среди степных юрт, все молодые девушки заглядывались на него, и каждая мечтала о том, чтобы выйти за него замуж. Любил Джучи лошадей, любил скачки, стрельбу из лука, но больше всего он любил охоту, когда с верными своими товарищами загонял грозного зверя на облаве и потом пронзал его своей стрелой или копьём. Во многих походах бывал Джучи со своим ханом-отцом, воевал отважно, к покорённым народам был милостив, не брал себе лишнего из военной добычи, во всём и со всеми старался обходиться по справедливости.

Джучи тоже любил своего отца, грозного Чингиз-хана, но был строптив и непокорен в отношениях с ним. Мог при воинах отца надерзить ему, мог не исполнить его приказ, мог отказаться казнить кого-либо или своей властью помиловать злейшего врага. По сравнению с Великим Чингизом, который

² Курултай – военный совет.

не щадил своих противников, был милосердным Джучи, мягкое сердце было у юноши. Иногда это помогало делу Великого ханства, иногда, наоборот, шло во вред. Всеми своё время, время милосердию и жестокости, время дружескому рукопожатию или удару сабли. Отец искренне любил Джучи и прощал ему и дерзкие выходки, и отговорки, и неповиновение. Отцовская любовь была сильнее непокорности Джучи. Но, как бы там ни было, люди любили и уважали Джучи за милосердие и справедливость, и все степные народы хотели, чтобы после грозного Властителя Чингиза, когда его время придёт, Джучи стал главным ханом, стал Повелителем Великой Степи.

И вот рассказали как-то молодому царевичу купцы из далёких земель, что в горах Алтая, или, по-другому, в Золотых горах, водится большой белый барс, или, по-тюркски, ирбис, и что честь для любого охотника – добыть его. Белый барс живёт высоко в горах, охотится на горных козлов и куланов, ходит всегда одним и тем же маршрутом, зорко остерегая свои владения от непрошенных гостей. Мало кому из охотников удавалось добыть белого барса, и если такое случалось, то покрывали себя охотники неувядаемой славой, слагали о них песни и легенды, которые сказители пели маленьким детям у костров, жёнам и дочерям в юртах. И загорелся молодой царевич, у него появилась мечта – добыть на охоте белого барса, бросить его шкуру к ногам своего грозного отца и покрыть себя неувядаемой славой, чтобы и о нём многие века рассказывали как о великом охотнике, который показал себя перед потомками. И, собрав своих четверых самых верных друзей, таких же отважных юношей, как и он сам, царевич Джучи поздно ночью выехал по направлению на Восток, к высоким алтайским горам. И своему отцу, грозному Чингиз-хану, он ничего не сказал.

На следующий день грозный Чингиз стал искать своего старшего сына и не мог найти его. Тогда он позвал его старого слугу и недовольно спросил:

- Скажи мне, где мой старший сын?
- Великий хан, ваш старший сын Джучи ночью ускакал на охоту к Золотым горам!
- Так почему же он ничего не сказал мне?
- Он хочет сделать вам подарок, Великий хан! Он хочет удивить вас!

Грозный Чингиз улыбнулся в свою густую, рыжую с сединой бороду:

- Подарок – это хорошо, тем более подарок от любимого сына! Знаешь, старик, а я в своих бесконечных походах и не заметил,

как мой сын вырос! Вырос так, что стал, как ветер в степи, силен и быстр, так что не удержать и не сломить его, ему можно только покориться! Ладно, иди. А впредь докладывай мне, что и как!

Долго ли, коротко ли ехали молодые багатуры, но через несколько дней пути, к вечеру достигли они подножия Золотых гор. Охотники разбили привал у подножия горы, достали свои припасы, развели небольшой костёр. Ночью им слышался грозный рык какого-то зверя, только рык этот был далеко.

– Нам надо подняться выше в горы, там мы и найдём белого барса, – сказал Джучи своим товарищам.

Наутро они, спешившись и привязав к деревьям лошадей, пошли в горное урочище. И шли они долго, поднимаясь всё выше и выше, держа наготове свои луки, стрелы и копья. Понемногу, по мере того, как горная тропа уходила вверх, деревьев и травы оставалось всё меньше, остались одни голые камни. То там, то здесь видели молодые джигиты горных козлов, но не их хотел добыть молодой хан, он искал большого снежного барса. Чутко шли юные воины, только молодой хан всё торопил их, всё рвался вперёд, к своей желанной добыче.

И вот после нескольких часов пути увидели молодые джигиты белого барса, который задрал горного козла и лакомился им. Это был крупный самец с большой головой, мощным телом и острыми клыками. Охотники шли тихо, и белый барс сначала не заметил их, а когда заметил, было уже поздно, юноши взяли барса в кольцо. И вот, шедший впереди всех Джучи пустил в барса свое копьё, но грозный барс отпрыгнул, и наконечник копья звонко ударился о камни. Тогда молодой хан прицелился из лука и пустил стрелу, которая вонзилась белому барсу в переднюю лапу. Грозно взревел могучий раненый зверь, припал к земле, кровью налились его глаза! Джучи положил на тетиву лука вторую стрелу, прицелился и... О, горе, горе! Белый барс, пронзённый второй стрелой в шею, из последних сил изловчился и прыгнул на молодого хана, и оба они свалились вниз в пропасть с высокого утёса. Молодой хан ударился головой о камни, посмотрел на своих верных друзей, поднял руки в обращении к ним, как будто что-то хотел сказать, и тут же умер. Закричали от ужаса молодые багатуры, горюя о гибели верного друга. Но также испугались они и гнева Великого хана, который за своего любимого сына мог и снять с их плеч молодые отчаянные головы. Достав из-под утёса тело своего друга, молодого хана, и сняв шкуру с туши белого барса, печальные молодые воины отправились в обратный путь.

«Что-то теперь будет! – думали они. – Как предстанем мы пред очами грозного Чингиз-хана, как сообщим ему о гибели его любимого сына?»

Они знали, что когда грозный Чингиз-хан гневался, и в этот момент гонцы приносили ему дурные вести, он велел заливать их горло расплавленным свинцом, и они умирали в страшных мучениях. Так кто же расскажет грозному хану историю, которая привела к гибели его любимого сына? Кто не побоится грозного ханского гнева и самой своей гибели, чтобы спасти друзей-охотников? Что делать молодым багатурам, как спасти свои юные жизни?

В глубокой печали вернулись молодые охотники в стойбище хана. Не решаясь доехать до его юрты, они положили в крайнюю юрту тело Джучи и шкуру убитого белого барса и стали думать свою горькую думу: как же сообщить грозному Чингизу о смерти его первенца и не лишиться голов. Один из друзей сказал:

– Пойдёмте к мудрому нойону³ Кетбуге, он стар, умён и к тому же он – акын⁴-песенник, знает много песен и древних сказаний, он поможет нам.

Пошли они тогда к старому и умудрённому опытом Кетбуге и рассказали про большое горе, про смерть Джучи на охоте. Опечалился старый Кетбуга, долго молчал, а потом молвил:

– Большое горе, что потеряли мы царевича Джучи! Но, думаю, нам достаточно юных смертей и на войне. Вы молоды, ещё не женились на хороших девушках и не оставили потомство. Если Великий хан казнит вас, проку будет мало. Я много пожил, много видел, я не боюсь смерти, и, если Великий хан велит казнить меня, от этого не будет большого вреда. Только есть у меня одна мысль, что может помочь избежать мучительной смерти от расплавленного свинца. К вечеру я пойду к хану и постараюсь всё рассказать ему.

Когда же солнце стало закатываться на западе, хан сытно поужинал и пребывал в хорошем расположении духа в окружении ближайших советников. Пришёл к нему мудрый акын Кетбуга и попросил о разговоре. Грозный Чингиз спросил:

– Зачем ты пришёл ко мне, сказитель? Я сегодня не звал тебя! Или ты сочинил новую песню про мои подвиги?

Мудрый Кетбуга поклонился хану и сказал:

– Нет, Великий хан, да продлит Небо твои годы! Я сочинил не песню, а новую мелодию про твоего старшего и любимого сына, царевича Джучи!

³ Нойон – военачальник у монголов.

⁴ Акын – сказитель.

– Царевич Джучи сейчас на охоте в Золотых горах, может быть, ты придёшь ко мне, когда он вернётся?

– Нет, Великий хан, он уже вернулся и просил меня сыграть тебе эту мелодию!

Хан недоумённо округлил глаза:

– Мой сын вернулся? Так где же он?

– Послушай, о Великий хан, звуки моей думбры⁵, и ты всё поймёшь!

Сел мудрый акын прямо напротив ханского трона и заиграл грустную мелодию на старенькой четырёхструнной думбре. Зазвучала, застонала думбра во все свои четыре струны, рассказывая Великому хану печальную историю.

Вот молодые воины выехали из селения и направились к Золотым горам. «Цок-цок, цок-цок», – скажут их резвые кони, развиваются их мохнатые гривы. Веселятся и смеются молодые охотники, проводят время в дороге за разговорами об охоте и степных красавицах. Об этом поведал звук думбры хану. Вот подъехали охотники к горам, где гуляет вольный ветер, шевелится кустарник и воют камни. «Чу!» – неосторожно ступила лошадь, и послышался шум камнепада. Здесь звук думбры стал тревожнее, напряжение повисло в юрте Великого хана. Молодые охотники спешили и стали подниматься в горы в поисках белого барса. Вот услышали они рык грозного зверя и увидели его хищный оскал! Об этом поведал звук думбры хану. Вот молодой царевич Джучи пошёл вперёд и бросил своё острое копьё, но промахнулся. Белый барс рассвирепел и грозно зарычал. Джучи взял свой лук и выстрелил в барса. Попал, попал, он его ранил! Барс рвёт и мечет, он припал к земле и готов наброситься на храбреца! Об этом поведал звук думбры хану. Джучи выстрелил второй раз, и барс, раненный в шею, из последних сил прыгнул на царевича, и вместе они упали с высокого утёса в пропасть! Предсмертный хрип барса, предсмертный стон царевича, печаль и слёзы в глазах верных друзей... Звук думбры запел, застонал, закричал и внезапно оборвался, да так, что повисла в юрте звенящая тишина, и никто из присутствующих не смог произнести ни слова!

Долго молчал Великий хан, потрясённый печальной мелодией. Сжалились пальцы рук его в мощные кулаки, закрылись от ужаса глаза, скорбь исказила рыжебородое лицо. Через какое-то время хан спросил:

– Скажи мне, акын Кетбуга, мой любимый сын Джучи мёртв?

⁵ Думбра – струнный инструмент у степных народов.

Акын Кетбуга склонился перед ханом:

– Да, Великий хан, ты сам сказал об этом! Его тело лежит в нашем стойбище в крайней юрте. Вместе с его телом друзья Джучи привезли шкуру белого барса, которую царевич Джучи хотел тебе подарить. Они выполнили последнее желание своего друга.

– А где же они? Где его друзья, храбрые джигиты, которые уехали вместе с ним?

– Друзья пребывают рядом с телом погибшего царевича Джучи и боятся гнева Великого хана!

Хан поднялся со своего трона, подошёл к акыну:

– Так кого же мне казнить, мудрый Кетбуга? Ты знаешь мой указ и знаешь, что бывает с теми, кто приносит печальные вести!

– На всё твоя воля, Великий хан! Можешь казнить меня, я стар и не боюсь смерти! Но, справедливости ради, не я поведал тебе о смерти любимого сына, а моя думбра.

– А как поступить мне с друзьями Джучи, которые не смогли сберечь его на охоте?

– Они сказали, что не могли сохранить жизнь твоего сына, ибо он был неудержим в своих желаниях и очень хотел добыть белого барса. Если они умрут, Великий хан, толку будет мало. А если ты сохранишь им жизнь, они будут долго верой и правдой служить тебе и твоим потомкам!

– Да, мой сын Джучи был непокорен и неудержим, прямо как дикий конь! Я же говорил, он как ветер в степи, не поймать его, не удержать, не стреножить! Хорошо, мудрый акын Кетбуга, приведи ко мне друзей царевича.

Понуро склонив свои буйные головы, вошли друзья Джучи в юрту Великого хана, и каждый опустил перед грозным ханским взором на колени. Последний из них держал в руках драгоценную шкуру большого белого барса.

– Слушайте мою ханскую волю, мои приближённые и ты, степной народ! – начал говорить Великий Чингиз-хан. – Друзей своего сына я милую, так как не считаю их виноватыми в смерти моего любимого сына Джучи. Только отныне будет за ними мой ханский догляд, и я буду ставить их в битвах в первые ряды своего могучего войска, чтобы служили они мне верно в память о своём погибшем друге! Акына Кетбугу я милую за его смелость и мудрость в стремлении сказать мне горькую правду! Последний подарок моего сына, шкуру белого барса, я приказываю сохранить, повесить на стену моей юрты в назидание моим потомкам! Пусть все глядят на неё и помнят о том, что дерзость и непослушание – не самые лучшие спутники в жизни! А казнить в этот скорбный час я приказываю думбру, чей печальный

напев принёс мне страшную весть и сокрушил моё сердце. Ханский палач, повелеваю тебе исполнить поручение!

На следующее утро при большом скоплении народа огромный ханский палач расплавил свинец и вылил в думбру точно посередине. Расправленный металл оборвал две струны из четырёх, и с тех пор стала думбра кочевников двухструнной. Тело Джучи было предано земле в голубой степи, а потом на его могиле был поставлен красивый Мавзолей из красного камня с каменным куполом небесного цвета, который проезжающим путникам было видно со всех сторон. Акын Кетбуга прожил ещё долго и умер своей смертью в окружении своих многочисленных потомков. А четыре друга Джучи, которым была сохранена жизнь, верой и правдой служили до скончания своих дней Великому хану, а потом его сыновьям и внукам.

– Дедушка, дедушка, а как умер Великий Чингиз-хан? – спросил тот внук, что постарше, десятилетний Азат.

– Кто знает, давно это было... Кто говорит, упал в пожилые годы со своего коня и ударился о землю грудью, да так сильно, что заболело у него сердце. Сначала оно заболело, а потом остановилось. А кто говорит – подослали к нему наёмного убийцу с кинжалом, и вроде бы это была красивая девушка из племени тангутов, которая желала отомстить за смерть своих родных и близких. Много веков прошло со дня смерти Чингиза, так что точно никто ничего не знает!

– А где он похоронен, где его могила? – опять спросил внук.

– А вот могила его неизвестна. Когда Великий Чингиз умер, повезли его верные нукеры на Восток. Долго ехали они, избегая встреч с людьми, доехали до пустынных горных земель, где одни орлы летают под Вечным небом, тайно похоронили Чингиз-хана в тех горах и сравняли потом могилу с землёй, чтобы никто и никогда не потревожил сон грозного полководца. Говорят, даже русло реки сверху, над могилой хана, пустили. Такая вот грустная сказка, мои маленькие джигиты! Ладно, пора спать. А сейчас вы идите к себе в юрту, дайте мне побыть одному, посмотреть на угольки костра и повспоминать мои молодые деньки. Э-хе-хе... Куда же ты ушла, моя молодость, как тебя обрести вновь?

СКАЗКА ПРО ДРАКОНА ЗИЛАНТА

На следующий день старый дедушка Сабир, также после рабочего дня, попивая вечером у костра всегдашний чай, рассказал внукам сказку про страшного дракона Зиланта и хитрого властителя Волжской Булгарии Саин-хана.

– А что, дедушка, в наших краях когда-то водились драконы? – спросил маленький Булат.

– Да, водились, внучек! Большие драконы с лапами, похожими на куриные. Это было ещё при булгарах, в их царстве, до нашествия монголов на нашу землю. И один, самый большой, жил как раз там, где сейчас находится центр Казани! Там, где сейчас стоит Казанский Кремль, белокаменный, с толстыми стенами, со сторожевыми башнями и бойницами, отстроенный после взятия Казани царём Иваном Грозным, раньше, в давние времена, был высокий-высокий холм. Но холм этот был не простой, которых много в здешних краях, а Змеиный, потому что водились в его недрах змеи в самом большом количестве. И царём в этом змеином царстве был древний дракон Зилант, символ мудрости и силы. Был тот гигантский дракон зелёного цвета, с головой, похожей на птичью, с огромной клыкастой пастью, с четырёхпальными когтистыми лапами, двумя могучими крылами и длинным хвостом. Все ядовитые змеи, маленькие змейки, ужи, ящерицы и даже земляные червяки подчинялись могучему Зиланту, во всём слушались его. Управлял своим царством Зилант строго, защищал и оберегал его от непрошенных гостей.

А в это время болгарский властитель Саин-хан со своей свитой ехал по берегу могучей реки Итиль⁶ и искал место для нового города. И пал его взор на тот самый Змеиный холм, омывая который, в Итиль впадала другая здешняя река – Казанка. На том холме было Змеиное царство и жил дракон Зилант. Приехал хан со свитой на холм – а он уже занят! Могучий дракон заревел жутким голосом, стал извергать дым и пламя, устроил путников – и хан со всеми своими спутниками отступили, быстро уехали прочь с холма.

Но не таков был хитрый Саин-хан, чтобы отказываться от своих замыслов. Стал он думать думу – как бы извести дракона, как выгнать его со своих владений и освободить холм, чтобы там поселились люди. Пошёл он для этого к колдуну Хакиму, который жил в лесной чаще неподалёку.

– Я слышал, о Хаким, ты – могучий колдун, так говорят о тебе мои приближённые. Прошу тебя, подсоби мне в моём замысле, посоветуй, как освободить Змеиный холм, чтобы там поселились люди и был основан новый город! А за это, о, мудрый Хаким, я щедро заплачу тебе!

Подумал-подумал колдун и говорит:

⁶ Итиль – древнее название Волги.

– Хорошо! Я могу тебе помочь советом, Великий Саин-хан, если не обманешь ты меня с оплатой! Надо сделать так: заготовить много соломы и сухой травы, щедро нарубить дров и кустарника, дать этим заготовкам хорошенько высохнуть, а потом обложить холм со всех сторон и поджечь. Те змеи, которые успеют, уползут в другое место, а те, которые не успеют, погибнут в огне, и холм окажется твоим.

– Об оплате не беспокойся, получишь – сколько попросишь, моё слово верно! А что делать с сильным драконом Зилантом?

– Думаю, он улетит, Великий Саин-хан! А если он не улетит, то огонь опалит его крылья, и он погибнет в пламени.

– Хорошо, мудрый Хаким, я сделаю всё по твоему слову.

Прошёл целый месяц, пока ханские слуги заготавливали дрова, солому и сухую траву для того, чтобы устроить пожар на холме и выгнать всех змей вместе с драконом Зилантом. Много-много дров заготовили, большие кучи! А когда всё заготовленное для огня подсохло, а дракон Зилант как раз отлучился с холма, чтобы поохотиться на диких кабанов, которых в этих краях водилось много, ханские слуги обложили холм и подожгли со всех сторон. И запищали, заверещали все змеи, змейки, ужи и ящерики, стали метаться в поисках выхода. Которые уползли от огня, а которые и не успели. А грозный дракон Зилант в это время как раз подлетал к холму после охоты, держа в зубах тушу большого кабана. Увидел он дым, рассердился, бросил добычу, приблизился к своим владениям и взмахами своих больших крыльев попытался потушить огонь, но только ещё больше его распалил. Змеи, маленькие змейки, ужи и ящерики, те, которые не успел уползти с пылающего холма, кричали дракону:

– О, всесильный Зилант, помоги нам! Могучий Зилант, спаси нас!

Но грозный Зилант, которого перехитрили люди, укрывшиеся в ближайшем перелеске, ничего не смог сделать. К тому же подданные Саин-хана вышли из укрытия и стали стрелять в Зиланта стрелами и бросать в него копьё. Покружил-покружил дракон над холмом – делать нечего, разозлился он, опалил стрелявших в него людей своим пламенем и улетел. Кто говорит, упал он с небес камнем и скрылся на дне озера Кабан, а иные говорят – на дне небольшого Чёрного озера, что в Казани. А кто говорит – обитал и жил потом грозный змей за Казанкой, на Зилантовой горе, на которой потом царём Иваном Грозным был основан Зилантов монастырь. Только с тех пор живого Зиланта никто ни на горе, ни в озере не видел, только в сказках и преданиях о нём говорили. А на Змеином холме, близ слияния

Итиля и Казанки, с тех пор поселились люди, поставили крепость, сначала с деревянными стенами, а потом уж и с каменными. Вот так, мои маленькие багатуры, человек перехитрил грозное чудовище и основал, на радость всем нам, прекрасный город, который сейчас именуется Казанью. А сейчас – быстро марш спать и набираться сил для завтрашнего дня!

Так прошёл и ещё один день. Колхозные овечки чувствовали себя хорошо, редких волков в степи отгоняла овчарка Айна, внуки слушались и помогали своему деду. Старый Сабир был счастлив, он с радостью ждал следующего дня и следующего вечера.

СКАЗКА ПРО ВОДЯНУЮ ВЕДЬМУ

На степном пастбище каждый предыдущий день похож на следующий, следующий – на другой, другой – на третий, и так до бесконечности. Важно, очень важно то, что на выпасе ровным счётом ничего не происходит. В степной лазури или на опушке леса летним днём можно запросто забыться, можно безмятежно наслаждаться запахом летней травы, любоваться на гнущийся на ветру ковыль, слушать пение лесных и степных птиц.

Старый Сабир лежал на траве, смотрел в Вечное небо и думал:

«Наверное, и тысячу лет назад мои далёкие предки также смотрели на небо, на солнце и луну и думали о том, как будут жить дальше, хорошим ли будет урожай, здоровыми ли будут расти дети, не придёт ли враг на их землю с войной? Эх, человек, человек! Меняется жизнь, ускоряется её ритм, появляются новая техника, автомобили, тракторы, заводы, электростанции. И сам человек меняется, осваивает новые профессии, учится управлять сложной техникой, ремонтировать её. То ли дело – лошади! Величавые, красивые животные! Развевающиеся на полном скаку гривы! А жеребята – молоденькие, доверчивые, скачут ещё неуверенно, а смотрят так, что аж в самую душу заглядывают! Каждый степняк, наследник Золотой Орды, должен уметь сидеть в седле, уметь скакать день и ночь напролёт, чтобы доехать до нужного места. Одно только плохо – молодым для этого надо быть! В пожилые годы на лошадь-то и не особо взберёшься, или сбросит конь тебя, или сам с него свалишься. Вот, внучата мои помогают мне, через два-три года надо будет их приучать ездить верхом. Ничего, в колхозе лошади хорошие есть, научим...»

Так думал старый Сабир, а его внуки с нетерпением ждали вечера. Следующим вечером дедушка с внуками вновь сидели у костра. Старый Сабир сказал:

– Вчера я вам рассказал сказку о Шурале – духе леса, а сегодня послушайте сказку про Су Анасы – водяную ведьму, про глупого юношу и про то, что чужое брать нехорошо!

В лесных и степных озёрах, которые скрыты от людских глаз, находятся далеко в чаще или безлюдной, далёкой степи, водятся духи воды Су Иясе. Водятся целыми семьями. Женский дух воды называется Су Анасы, её муж – Су Бабасы, их дети – Су Иясе. По преданиям, Су Анасы летними вечерами купает своих детей, потом укладывает их спать и купается сама. А после выходит на берег и расчёсывает свои длинные чёрные волосы большим золотым гребнем.

И вот, жил в деревне на окраине, рядом с лесом, молодой юноша, звали его Бахтияр, что в переводе с персидского означает «счастливый». Ну, а близкие его звали просто: «Баха». Отец у Бахи рано умер, и воспитывала его одна мама, Динара. Баха рос послушным юношей, помогал матери, ведь без отца трудиться много приходилось, на селе руки мужские всегда нужны – сена накосить, за скотиной походить, забор поправить, дров на зиму заготовить. В общем, трудился юный Баха не покладая рук. И вот в один летний жаркий день настолько он устал, что решил: пока мама отдыхает, пойду-ка я на лесное озеро, искупаюсь да ягоды лесной поем, а то и матери нарву, пусть полакомится! Так и сделал. Лукошко с собой взял небольшое, сперва ягоды набрал, а потом пошёл купаться. Окунулся раз, окунулся два, думает – дело близится к вечеру, пора и домой собираться. Вылез на берег, стал одеваться. Но, чу! Как-то тихо вокруг, и птички перестали петь, и зверь в лесной чаще не шумит. Интересно, что же породило такую тишину?

Оделся Баха и стал потихоньку идти вдоль берега. Вдруг видит: деревянные мостки, а на мостках сидит женщина, покрытая густыми зелёными водорослями как одеждой, и расчёсывает свои длинные чёрные волосы. А гребень в руках у той женщины не простой, а золотой, весь блестит, сияет, даже лучики от него в воде отражаются!

«Это же ведьма! Водяная ведьма Су Анасы», – догадался Баха и затаился в кустах посмотреть, что дальше будет. Слышал он раньше предания о водяной ведьме, а вот видеть её воочию не приходилось. А Су Анасы расчёсывала волосы, расчёсывала, а потом как будто передумала уходить от воды и – «бульк» – нырнула в воду лесного озера, а золотой гребень остался на мостках. Ныряет, купается ведьма, нежится в прохладной воде озера. А Баха пробрался потихоньку к мосткам, хватить гребень – и бежать что есть мочи! Бежит, бежит – оглянулся – вроде никого, дальше

бежит, опять оглянулся – ведьма, ведьма, вся в водорослях, с развевающимися волосами, догоняет Баху! Догоняет и кричит:

– Отдай гребень, воришка, по-хорошему тебя прошу! Отдай мой гребень!

Баха молчит и бежит быстрее! Вот уже и окраина деревни. Почуяли ведьму собаки да как завыли, залаяли, стали рваться со своих цепей! Испугалась лая собак Су Анасы, остановилась, постояла немножко, потом погрозила Бахе кулаком, развернулась и побежала обратно в лес. А Баха подумал:

– Уф-ф, насилиу отстала! А гребень-то теперь мой! Продадим гребень – и заживём с мамкой, корову новую купим, лошадей заведём да и дом себе новый отстроим!

Только маме Баха пока решил ничего не говорить, чтобы она не волновалась. Сказал маме, что по ягоды в лес ходил и лукошко набрал почти целое.

Ночь... Баха с мамой легли спать. Вдруг ближе к полуночи еле слышный стук в окно. Никто не услышал и не встал. Стук стал громче, за оградой залаяли соседские собаки.

– Кого там ещё принесло? – Динара встала с кровати и выглянула в окно.

О, ужас! Водяная ведьма тянет свои руки! Восходящая луна осветила бледное лицо, искажённое злобой, водоросли на голове и плечах, длинное костлявое туловище. Глаза ведьмы как-то особенно зло блестели.

Но мама Бахи была не из робкого десятка! Взяв в руки стоящий у печи ухват⁷, она распахнула окно и закричала:

– Уходи, проклятая ведьма! А то огрею ухватом – мало не покажется!

Су Анасы зло улыбнулась:

– Я-то уйду, но верни мне мою вещь! Когда вернёшь, тогда и убеги обратно в лес, к своему озеру.

– Какую вещь? Я у тебя ничего не брала!

– Ты не брала, а сын твой взял! Маленький воришка! Твой сын – вор, вор! Он украл мой драгоценный гребень из чистого золота. Верни гребень, а то горе ждёт вас, я уж постараюсь!

Мама растолкала Баху:

– Сынок, сынок, проснись! Ведьма к нам пришла! Где её гребень, который ты взял? Отдай ведьмин гребень!

Испуганный Баха не стал отпираться и сказал:

– Вот он, мама, под подушкой!

Динара взяла гребень и бросила в окно водяной ведьме:

⁷ Ухват – ручной инструмент для установки горшков в печь.

– На, возьми свой гребень и убирайся в свой лес! Чтобы и духу твоего здесь не было!

– Ха-ха-ха, – расхохоталась ведьма. – Вот он, мой драгоценный гребень! А сыну своему, маленькому воришке, скажи – пусть теперь не ходит в лесную чащу, а то встречу его и утащу в озеро, на самое дно.

С этими словами ведьма быстро скрылась в лесу.

Мама с сыном не могли уснуть до утра. Динара всё делала сыну наставление:

– Чужое, сынок, брать нехорошо, не принесёт тебе чужое добро счастья, а вот своего тогда ты лишишься – или покоя, или здоровья, или самой жизни! Тем более, кто шутит с колдунами и лешими, кто крадёт у них, ведь у злых сил много власти над людьми! Глупый ты ещё. Учись на чужих ошибках, а не на своих!

Но на самом деле каждый учится на своих ошибках. Чужая боль, чужое раскаяние редко доходят до людей. И свою ошибку, и полученный урок от злой ведьмы и от своей мамы глупый юноша навсегда запомнил. С тех пор Бахтияр вырос и навсегда зарёкся брать чужое. Жил он своим трудом, работал в поле, собирал урожай, построил хороший дом, содержал свою жену и детей. Всегда, всю жизнь вспоминал встречу с водяной ведьмой и ту жуткую ночь, когда она пришла за своим гребнем. Рассказывал эту историю в назидание своим детям и внукам, как я сейчас рассказываю вам. А лесное озеро, на котором и произошла встреча с ведьмой, он с тех пор обходил стороной.

Как, внучата, понравилась вам сказка?

– Да, понравилась, дедушка! Но ведь такое стихотворение и Тукай написал! Мама нам в книжке читала.

– Правильно, внучата! Великий Габдулла Тукай тоже свои сюжеты из народных сказаний брал. Какие вы хитрые, всё-то вы знаете, все сказки мои! Ну-ка, быстро спать! Завтра я расскажу вам сказку, которую вы точно ещё не слышали.

Азат и Булат пошли спать в старенькую юрту, а дедушка Сабир остался разгрести угольки у тлеющего костра.

СКАЗКА ПРО МУДРОГО РЕМЕСЛЕННИКА И ГЛУПОГО МУРЗУ

На следующий вечер, когда знойный день уже клонился к закату, старый Сабир собрал внуков у костра. Здесь же расположилась и Айна, которая была спокойна, так как не чувствовала приближения волков – серых разбойников, врагов любого пастуха. Благодать земная – вечер в такой компании! Дедушка Сабир завёл свой неторопливый рассказ:

– Расскажу я вам сегодня, дорогие внучата, даже не сказку, а быль. Быль про грозного и мудрого русского царя Ивана, во многом благодаря которому и образовалась наша страна, большая Россия, в её нынешних пределах.

Когда русский царь Иван Грозный пришёл со своим несметным войском в Казань и покорил её, то остался он жить в Казанском Кремле. Не совсем остался, потому что ждали его подданные в столице русской, в Москве, но остался на время, чтобы лучше узнать казанских жителей и местные обычаи. Боялись люди царя, Грозным прозвали за нрав вспыльчивый да за то, что, когда он родился, была сильная гроза и раздался в небе оглушительный удар грома, как знамение, как знак появления на свет будущего самодержца. Во время осады Казани у царя в войске погибло десять тысяч воинов. Рассердился царь, думал – хлебом-солью богатая Казань его встретит, а видишь, воевать пришлось жестоко! Поэтому царь Иван и задумал всех казанских татар выселить за городские стены. Только ждал момента удобного, когда задумку эту можно будет в жизнь воплотить. А так как царь жил в бывшем ханском дворце, то стали тот дворец обитать просители да угодники, которые за счёт своих подношений захотели себе лучшей доли, захотели остаться в городе, поближе быть к трону, к должностям и поручениям царским. Лыстец да хитрец всегда найдёт дорогу к сердцу правителя!

И жили в Казани тогда бедный ремесленник Айрат и хитрый мурза⁸ Касым. Ремесленник Айрат в город из села перебрался от родителей-крестьян, был он гончаром, глиняные горшки и блюда лепил из глины, торговал ими, на эти доходы и жил с женой и дочерью. А мурза Касым был родом из беев казанских, разводил лошадей, торговал ими, но очень сильно хотел поступить на государеву службу, так как царская должность дала бы ему ещё больше денег. У обоих наших героев была мечта. Айрат хотел попросить грозного царя, чтобы не притеснял тот татар и разрешил им спокойно жить в Казани вместе с русскими, а мурза Касым хотел, чтобы поставил его русский царь над Казанью князем. И оба узнали, когда царь принимает людей, разрешает споры и выслушивает жалобы, и решили оба идти к царю на приём. Только вот какое дело – к грозному царю просто так, с голыми руками, и не пойдёшь! Стал каждый думать, что подарит он царю, чтобы ему угодить и попросить о своей задумке. Айрат стал держать совет с женой – что подарить грозному владыке?

⁸ Мурза – представитель высшего слоя дворянства у степных народов.

– Подари чак-чак⁹, от такого нашего угощения ещё никто не отказывался, – так сказала Айрату его мудрая жена.

– А как мы его приготовим? И на чём поднесём? – спросил жену Айрат.

– Блюдо выбери из своих непроданных, да чтобы побольше, понаряднее было, разукрашенное! Муки купи, сахара, мёд у родителей в селе возьмёшь, приготовим чак-чак, да и отнесёшь царю!

Сходил Айрат на базар, купил всё необходимое, в деревню за мёдом съездил на лошади, сам помог жене тесто замесить и нарезать его, очень переживал за вкус, когда жена стоговила чак-чак, попробовал – вкусно, так бы и ел, но нельзя – подарок царю!

А царь Иван был сладкоежка и с детства любил всякие варенья, пироги, печёности. Даже просил послов своих заморских, чтобы ему сладости из других стран привозили. Поэтому, когда Айрат пришёл к царю, тот первым делом спросил:

– Что ты мне принёс?

– Это чак-чак, великий царь, татарское сладкое блюдо к чаю. – Айрат передал блюдо с чак-чаком царю.

Попробовал царь чак-чак и остался доволен.

– Вкусно! А ты сам его готовил?

– Нет, великий царь, не сам, но я своей жене помогал! Сам на рынок ходил, сам тесто месил, сам мёд из ульев собирал, а жена только испекла!

– Ну, гончарных дел мастер, угодил так угодил! Ну-ка, дьяк, запиши у него рецепт! В Москве мне такие сладости пусть готовят! Что просишь, смышлённый Айрат? Проси всё, что твоей душе угодно!

Айрат замер в почтённом поклоне:

– Великий царь, дозвожь татарам в мире с русскими жить и из города не уходить!

– Ну, хорошо, позволяю! Но тогда, чтобы не было среди русских и татар неурядиц, стройте свои дома на другом берегу озера Кабан. Дьяк, пиши указ: основать в Казани на берегу озера Кабан Татарскую слободу, а ты, Айрат, там будешь старшим, в чём тебе будет пожалована моя царская грамота. Да смотри, дружно живите в Казани, а то я с тебя потом спрошу!

– Спасибо тебе, великий царь, за волю твою и доверие! За порядком присмотрю, даже не сомневайся!

С этими словами Айрат ещё раз поклонился царю.

⁹ Чак-чак – сладкое национальное блюдо у татар.

Пошёл слух по всей Казани, что Айрат царю чак-чак подарил и тем самым угодил, и сделал его царь начальником Татарской слободы. Обозлился мурза Касым, подумал: надо сделать так же, что-то подарить царю, чего он ещё не пробовал! А если получится угодить, то попросить, пусть он над Казанью князем меня поставит!

Спросил Касым жену:

– Что царю Ивану подарить?

Жена говорит:

– Подари ему казы¹⁰ – конскую вяленую колбасу, и сытно, и вкусно, и от такого угощения ещё никто не отказывался!

– Хорошо, жена, сейчас слугам скажу, пусть слуги колбасу набьют да завялят как следует, посолят, приперчат! – ответил жене Касым. – Может, и у меня получится со своим даром царю понравиться?

Настал день, когда мурза Касым пришёл к царю и преподнёс ему толстую конскую колбасу казы, которую ему приготовили дворовые слуги. Большая палка колбасы лежала на дорогом серебряном блюде.

– Что это? – строго спросил царь Иван.

– Это конская вяленая колбаса казы, великий царь! Из лучшего мяса моих лошадей, – ответил мурза Касым.

– Жирная?

– Жирная, острая и вкусная!

А вот здесь вышла у мурзы промашка, потому что царь Иван Васильевич с детства не любил жирные и острые блюда, страдал от них болями в животе.

– Дьяк, ну-ка, попробуй колбасу! Очень жирная?

– Да, государь, жирная! И острая такая, прямо дерёт во рту!

– А скажи мне, мурза, ты сам кобылу резал, сам кобылье мясо в кишку набивал, сам колбасу вялил да сушил? – учинил царь Иван допрос Касыму.

– Нет, государь, не сам, слуги мои всё сделали, – отвечал Касым.

– А мог бы и сам для царя расстараться! Что просишь, мурза Касым?

– Великий государь, поставь меня князем над Казанью! Слушаться тебя буду, буду следить за тем, чтобы татары и русские в мире жили, ясак буду тебе в Москву посылать.

– Хочешь князем в Казани быть? Ха-ха-ха, – рассмеялся царь Иван. – Нет, князя я вам другого дам! А ты, хитрый мурза,

¹⁰ Казы – конская вяленая колбаса.

коль так хочешь мне послужить, езжай вверх по Волге, в Свияжскую крепость,¹¹ и будешь белый камень для стен поставлять, да и в Казань, на будущие стены Кремля завези немножко. А коль приказ мой не исполнишь – то знаешь, что с тобой будет! Спрошу тогда я с тебя строго!

Вот так простой ремесленник, крестьянский сын Айрат царю Грозному да народу татарскому угодил и власть приобрёл, а хитрый мурза Касым хомут от царя на шею получил да догляд за своей деятельностью!

Как, молодые багатуры, понравилась вам сказка?

– Да, баба, понравилась! А скажи, правда, что царь Иван Грозный был татарин?

– Нет, дорогие внуки, неправда! Был он русским. Но правда в том, что татарская кровь в нём тоже была, от золотоордынского военачальника Мамайя род его происходил по матери! Когда Золотая Орда с Русью воевала, а потом и в мире жили, тут всё перемешалось. Женились наши мурзы на русских девушках, а русские князья – на татарках! Следующий русский царь, Борис Годунов, из рода золотоордынского Чет-мурзы был, который в Москву при князе Иване Калите переехал и православие принял. И даже знаменитый российский царь-император Пётр Первый по матери был Нарышкин,¹² а род Нарышкиных происходил от татарского мурзы Кубрата по прозвищу Нарыж, что означало – «рыжий». Женились татары на русских, детишек рожали. Многие русские знатные роды от татар пошли: Аксаковы, Алябьевы, Апраксины, Бабичевы, Булгаковы, Горчаковы, Давыдовы, Дашковы, Ермоловы, Куракины, Кутузовы, Сабуровы, Тургеневы, Чаадаевы, Шереметьевы, Юсуповы – нет числа таким фамилиям! Поговорка есть такая: «поскребёшь русского – отыщешь татарина!» Вот так и живут два великих народа на берегах Волги да Камы вместе, раньше враждовали, а теперь дружат!

Внуки уже спали, видели десятый сон, а старый дедушка Сабир всё думал, сидя у догорающего костра, всё подводил итоги своей жизни:

– Скоро уже и помирать мне срок придёт. Молодёжь вон пусть живёт, страну поднимает! Двадцать лет назад, в войну Великую Отечественную, сколько молодых ребят погибло!

¹¹ Свияжская крепость – основана как укрепленный район 24 мая 1551 года при царе Иване Грозном на присоединённых землях Казанского ханства.

¹² Отцом Петра Первого был царь Алексей Михайлович (Тишайший), а матерью – Наталья Кирилловна Нарышкина родом из дворян.

А сейчас внуки нам на смену приходят! Я надеюсь, что в их памяти останусь, в памяти детей и внучат своих, что будут ко мне хоть изредка, но на могилку приходить. Быстро жизнь прошла! Пролетела перед глазами, как степная кобылица. Пусть живёт моя страна, пусть растут внуки и правнуки, процветает родимый край! И пусть потомки наши не забывают свою историю, любят наши леса и долины, степи, реки и озёра, прикипают к ним всем сердцем! Другой земли у нас нет, а та, которая есть, на райский уголок похожа! Но нет, пока мы ещё поживём на белом свете, пока ещё поскрипим старыми косточками, а там – как Бог даст!

Летняя ночь глубоко опустилась на землю, сменив жаркий июльский день, и у старого Сабира закрылись от усталости глаза. Завтра он опять своей неторопливой, хромающей походкой отправится пасти овец, и помогать ему в этом будут два его юных внука и старая кавказская овчарка Айна.

Дина
ФИАЛКОВСКАЯ

НОВОГОДНЯЯ ПОРА

ТАЙНА ЛЕШЕГО

Все говорят, я тугоух –
Мол, у меня испорчен слух
И петь со мною сложно;
Что мне ужасно много лет
И не по моде я одет –
Не слишком молодёжно!

Но я в лесу – авторитет:
Я древний дух таёжный!
Я не стилиста, я лесник
Вполне традиционный,
Есть у меня особый шик
И личный стиль – «посконный»!
Да, мне неловко в пиджаке...
Зато в старинном сундуке
Есть у меня...
Неважно!
Мне золото сулил Кощей
За парочку моих вещей...
Но это – непродажно!

-
- Дина Валерьевна Фиалковская родилась в Томске в 1970 году. Получила высшее образование на филологическом факультете МГУ имени Ломоносова. Защитила диплом по теме «Драматургия Александра Галина». В Иркутске окончила магистратуру ИГУ по специальности «Лингвокриминалистика». В 2016 году стала финалистом конкурса «Король поэтов» на Байкальском поэтическом фестивале имени Анатолия Кобенкова. Автор двух поэтических книг. Публиковалась в газетах: «Мы из МГУ», «Литературная газета», «Мои года»; в журналах: «Частная мифология», «Сибирь», «Первоцвет», «Сибирячок», «Поэтический сад», «Иркутские кулуары», «Современная драматургия»; в электронном журнале «Кольцо»; в альманахах: «Иркутское время», «Каменный цветок: антология стихов о войне», в литературном альманахе «Образ». Работает редактором литературного отдела детского журнала «Сибирячок», пишет лингвистические экспертизы, занимается стихотворными переводами. Живёт в г. Иркутске.

Друзья, оставьте болтовню
Про все мои причуды!
Заветы деда сохраню
И бриться я не буду!
На модный плеер не сменю
Я гусли-самогуды!

В СПЯЧКУ

Чтоб накопить к зиме жирок,
Он долго пировал.
И вот уже наелся впрок
Таёжный генерал.
Осталось в спальне под сосной
Порядок навести –
Засыпать пол сухой листвой
И веток наскрести.
Тогда уляжется медведь
В берлогу до весны –
Под снежный шелест посмотреть
Малиновые сны.

НОВОГОДНЯЯ ПОРА

Новогодняя пора.
Наряжаем ёлочки!
Зашуршала мишура –
Мягкие иголки.

Дед Мороз под ёлку встал –
Кошка смотрит робко...
«Вы скучали?
Я скучал
Целый год в коробке!»

Шар зелёный, красный, синий –
На боках искрится иней...
Жаль, такую красоту
Покатать нельзя коту!

Кошка дождик изучает,
Подцепляет лапою:
Дождик льётся и мерцает,
А на пол не капает!

БАЛЛАДА О КАРАМЕЛЬНОМ СИРОПЕ

В стране сладкоежек, качаясь печально,
Цветёт по весне карамельная пальма.
Белеет, как сахар, огромный цветок,
Летят лепестки на далёкий песок.

Она уникальна, она аномальна,
И крона её – как узорная тальма,
В которой орешек растёт одинокий
И копит свои карамельные соки.

Пока летний ветер их нежит и греет,
Орех разбухает, а пальма худеет;
Потом наступает осенняя стынь –
Желтеют и вянут резные листья,

А плод вырастает размером с цистерну!
В его коже – сотни литров, наверно.
Не выдержать пальме: он слишком тяжёл –
Трещит и ломается пальмовый ствол.

И, рот разевая в беззубой усмешке,
Кричат сладкоежки: «А ну-ка, не мешкай!».
Тягучий сироп заливают в бутылки
И грузят в высокие автомобили...

Пропитан песок карамельной смолой,
Стихает мотор за халвичной скалой...
И вот на закате, толкая тележку,
Идёт за добычей ворчун-горькоежка.

– Что вам не годится, то я соберу!
Наколет дрова, обдерёт кожуру
И к дому направится в радостной спешке:
Ведь любит веселье любой горькоежка!

Чтоб сладко трещали поленья в печурке,
Хрустели в зубах карамельные шкурки,
А в полночь – стаканчик горячего грога...
Цени карамель – добавляй понемногу!

**Анна
ЧЕРКАСОВА**

ДЕТСКИЙ САД № 39

Маленькая Яга сегодня впервые пошла в детский сад. Сад этот самый обычный, он находится в центре густого леса. Родители пообещали Яге завтра купить собственную ступу с метлой, если она будет хорошо себя вести весь день. А сегодня маленькой Яге пришлось идти в детский сад пешком по тропинке. Впереди неё весело прыгал красный клубок и указывал дорогу.

Долго ли, коротко ли, но вот оказалась Яга перед деревянным указателем. На огромной вывеске написано: «Детский сад № 39 «В гостях у сказки». Вытирайте ноги, мойте руки и ведите себя прилично». Яга, конечно, букв пока не знала. Но всё равно стала водить грязным пальцем по надписи, будто читая:

– Дорогая наша Яга! Приходи скорее в детский сад, тебе сейчас будет пир на весь мир!

Яга поднялась на крыльцо, но споткнулась о чей-то новенький ковёр-самолёт.

– Чух-чух, – недовольно поморщилась она и пнула чужой ковёр. – Разбрасываются тут добром волшебным... А ну-ка! Запоры крепкие – отопритесь, ворота широкие, отворитесь!

Дверь в детский сад сразу же открылась. В коридоре Яга увидела ещё три разноцветные двери. На зелёной было написано: «Плохиши», на красной: «Хороши», а на белой: «Взрослыши (Администрация)».

-
- Анна Юрьевна Черкасова родилась в 1983 году в Красноярском крае. Окончила Сибирский государственный технологический университет. Публиковалась в альманахе «Домовёнок», журналах «Понимашка», «Солнышко», «Антологии литературы для детей» (Красноярск, 2017), сборнике «Гражданам детям» (Волгоград, 2018) и др. Победитель конкурса «Валины сказки», автор сборника «Добрые сказки» (Оренбург, 2017). Вошла в тройку победителей II Международной литературной премии «Перископ 2018» в номинации «Творчество для детей и подростков» (Волгоград). Участница Международного форума молодых писателей в подмосковных Липках в 2003 году, Всероссийского семинара молодых литераторов «Очарованные словом» (Красноярск, 2005).

– А кто это у нас сам в детский сад пришёл? – кинулась к Яге воспитательница Василиса Прекрасная. – Ты первый раз у нас? В какую группу записана?

Яга плотно сжала губы. Всё утро родители рассказывали ей, что идти нужно в группу «Плохиши», но она забыла название. Поэтому ткнула наугад пальцем, всё таким же грязным. И указала на группу «Хороши».

– Ай-да умница! – обрадовалась воспитательница. – Хоть и не поздоровалась. Ну, заходи скорее!

Яга зашла в светлую комнату, на стенах которой цвели нарисованные цветы невиданной красоты. В золотой клетке ласково щебетала жар-птичка. В аквариуме плескалась Чудо-Юдо-рыбка. На деревянных резных стульчиках уже сидели дети и играли в ладушки.

– Чух-чух, – шепнула себе Яга. – Чую, духом человеческим пахнет.

Василиса Прекрасная заставила Ягу помыть руки и посадила за стол.

– А сейчас будем завтракать! – сказала воспитательница. Постелила скатерть-самобранку и три раза хлопнула в ладоши.

Перед каждым на столе тут же появились расписные тарелки с золотистой пшённой кашей.

Яга скорее сунула палец в кашу и с удовольствием слизала. Потом схватила тарелку и в три глотка осушила её. Похлопала себя по животу и закричала:

– Очень вкусно – спору нет! Теперь давайте мне обед!

– Кто хорошо кушает, вырастет большим и сильным, – похвалила Ягу Василиса Прекрасная. Погладила по голове и дала в руку ложку. Хлопнула в ладоши, и на тарелке появилась добавка. – Ложку за маму, плоску за папу, глоточек за бабушку...

– За бабушку не буду! – скривилась Яга и вытерла губы рукавом. – Она мне пряник вчера дала. А в прянике спрятала солёный мухомор. Пусть сама теперь мухоморы жуёт! А я за неё не буду ничего есть!

И Яга кинула тарелку на пол. Каша забрызгала платье маленькой Царевны-Несмеяны, и та сразу заплакала.

Потом Яга достала из кармана лягушку и бросила на стол. Все дети закричали и вскочили со стульчиков. Только маленький царевич не испугался, лягушку взял в руки, положил в носовой платок да в карман прибрал.

Василиса Прекрасная строго посмотрела на Ягу:

– На первый раз я тебя прощаю! Но за это исполнишь любое одно моё желание, когда попрошу. – Снова хлопнула в ладо-

ши, скатерть-самобранка тут же свернулась. А воспитательница предложила: – Давайте теперь знакомиться! Пусть каждый имя своё назовёт да расскажет, что он умеет делать лучше всего.

Первым встал мальчик Емеля. Он сказал, что увлекается рыбалкой. Девочка Маша рассказала, что в свободное время с подружками собирает ягоды. Яга сначала громко зевала. Но вдруг вскочила, растолкала всех локтями и свистнула так, что у всех уши заложило.

– Вот как я умею! – довольная Яга упёрла руки в бока.

Некоторые дети засмеялись, остальные спрятались под столы.

Пока все водили хороводы под гусли-самогуды и учили весёлые частушки, Яга стояла в углу. Наказали за плохое поведение до самой прогулки.

Когда в лесу закричала кукушка, всех повели гулять. У входа маленький Иванушка-дурачок надел чужие сапоги, а те оказались скороходами. Иванушку еле-еле догнали и вернули на прогулку.

Посреди лесной полянки стояла большая русская печь и предлагала всем ржаные пирожки. Рядом с деловым видом ходили курочки Рябы. Жевал изумрудную травку бычок-смоляной бочок, но Василиса Прекрасная строго-настрого запретила его трогать. Большой переполох навёл внезапно выскочивший из леса колобок. Он пытался укрыться в печи от хитрой лисы.

– В догони-меня-и-съешь играют, – одобрительно кивнула Яга.

И пошла смотреть на сад-огород, что поблизости был. Нашла репку, пошептала что-то над ней, и выросла репка большая-пребольшая. Яга радостно захихикала.

Некоторые девочки ткали узорчатые коврики: где кольнут иголкой – цветок зацветает, где кольнут другой – птицы летят. У мальчиков была шапка-невидимка, и Яга предпочла играть с ними. Они представляли, будто у них есть стрелы заколдованные, которые сами в цель летят. Настоящих стрел Василиса Прекрасная не дала: спрятала на ветках древнего дуба, что в небо верхушкой упёрся. Обещала вечером дать. Но только тем, кто в сон-час будет крепче всех спать.

После прогулки Василиса Прекрасная всех уложила в кроватки, посмотрелась в волшебное зеркало, обернулась голубкой и выпорхнула в окно. За старшего в группе остался волчок-серый бочок.

– Щёлк-щёлк! – клацнул он зубами и укусил Ягу, когда она хотела встать водички попить. Дома Яга всегда перед сном выпивала ведро воды.

Яга захныкала.

– Спи глазок, спи другой, – успокоила её Крошечка-Хаврошечка с соседней кровати.

Яга тут же захрапела.

После сон-часа вернулась Василиса Прекрасная. Достала из кармана яблочко наливное. Все захлопали в ладоши.

– Сейчас будем смотреть, что за семью горами, за семью лесами делается! – обрадовались дети.

Пока Василиса Прекрасная искала в огромном резном сундуке серебряное блюдечко с голубой каёмочкой, Яга кусочек от яблока откусила, и её снова отругали.

– Исполнишь теперь моё желание, как уговаривались, – сказала Василиса Прекрасная. – Выйди во двор, в сад-огород волшебный. Там яблочки растут наливные. Выбери самое большое да свежее и принеси мне.

Вышла Яга на улицу, исполнила всё, что велено было. Но на обратном пути снова забыла, в какую из трёх дверей заходить нужно. Открыла наугад зелёную и попала в группу «Плохиши».

Зашла, а там шум да гам. По углам паутина висит, под потолком мыши летучие шныряют туда-сюда.

Маленький леший тут же выхватил у Яги наливное яблочко и в мгновение ока съел. Руки после сладкого о юбку Яги вытер, а огрызок кинул в спину маленькому Змею Горынычу. Змей обернулся и, не разбираясь, дыхнул огнём прямо на Ягу. У Яги всё лицо сажей покрылось.

Отошла Яга в сторонку. Там маленький Кащей сидел на высоком стульчике, цепями прикованный, а его Русалка кормила с ложечки белоснежной манной кашей.

– Да над тобой все смеются, что ты такой тощий! – визжала Русалка. – Все говорят, что слабее тебя никого нет на белом свете! Будто ты такой худой, что на тебя подуешь, а ты упадёшь и не встанешь. Не будешь есть, никто с тобой драться не захочет!

– Не буду эту жижу манную есть! Меня и так никому и никогда не одолеть! – закричал Кащей и тарелку с кашей швырнул в сторону. И прямо в Ягу попал.

Яга пожаловалась воспитательнице Русалке:

– Они меня обижают! Яблоко отобрали, огнём опалили, кашей выпачкали!

– А ты сдачи дай! – захохотала Русалка. – А я посмотрю, кто кого.

– А вы, что ли, их в угол не поставите? – почесала затылок Яга.

– В нашей группе за такое не наказывают, а только хвалят. Кто хуже всех себя ведёт, тому даю три подзатыльника, золотую монету и изумруд. Если захочу. И если найду. Опять кто-то стащил мою шкатулку с драгоценностями!

Села Яга на пол, подумала немного, с пауками поиграла. И пошла в огород за новым яблоком, а потом вернулась в прежнюю группу.

– Спасибо, что яблочко принесла, – говорит Василиса Прекрасная. – Умойся скорее да катни-ка сама его по блюдечку.

Умылась Яга колодезной водой, яблочко тоже помыла. Катнула по блюдечку и слушает, как воспитательница поёт:

*Катись-катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи, как разные дети
Живут на свете.*

И на блюдечке появилась картинка живая. Как далеко-далеко есть детский сад. И как детям книжку читают, как лепят из пластилина грибочки.

– А я знаю, как грибочек вон тот называется, – ткнула Яга в бок Снегурочку. – Мухомор это. Очень невкусный, потому как ядовитый.

Показало блюдечко, как дети пошли на улицу. А там не лес, не огород, не сад с волшебными яблоками, а горка из песка, да горка настоящая, очень крутая, и качели быстрые. Бегают дети за мячом, с горки катаются, на качелях раскачиваются, на песке замки строят и дороги прокладывают. По ним машинки неведомые разноцветные катают.

Все смотрят, дивятся на такие картинки. А Яга из группы выскользнула. Приоткрыла зелёную дверь «Плохишей». Подумала немного. Потом дунула-плюнула три раза да ногой приотпнула. И у всех, кто был в группе, уши позеленели. Яга показала язык Кашею:

– Это вам за то, что вы злые!

Ох и рёв там поднялся! А довольная Яга вернулась в группу «Хороши». Смотрела на блюдечко и мечтала, как ей сегодня ступу с метлой подарят. Потому что она её заслужила!

**Татьяна
АСТРИТ**

ЧАЙНИК НА ПЕНСИИ

– Тики-таки-таки-туки, – методично цокали часы.
– Ики-аки-аки-уки, – подпевал им мартовский ветер.

– Шкапи-шкифи-шкифи-шкапи – поскрипывала дверца у навесного шкафчика.

– Капи-кифи-кифи-капи, – подкапывала вода из приоткрытого крана.

– Свифти-свифт, свифти-свифт, – просвистел старый чайник на плите, выпуская из носика туманный свёрток в потолок, и для важности повторил ритуал дважды.

И тут же, как по волшебству, из детской комнаты выбежала девочка лет девяти. Она так неслась, что едва не упала, споткнувшись о край ковра и удержавшись в последний момент.

– Фух... Не обжётся? – притормозив возле плиты, спросила она и повернула ручку до минимума. Огонёк погас. – Совсем зачиталась. Такая интересная книга.

– Н-да, – тяжело вздохнул чайник, – если будешь так носиться, нос расшибёшь.

Девочка была маленькой, но хитрой. Она чуть присела в реверансе, подражая балерине по телевизору и самому чайничку, и промолвила:

– Не ворчи, милый чайничек. Я ж не со зла. Не стоит кипятиться понапрасну.

● Татьяна Викторовна Клеймиц (псевдоним – Татьяна Астрит) родилась в 1989 году в Саратове. Пишет прозу. С 2019 года ведёт авторский Дзен-канал, является одним из организаторов литературных вечеров в Саратове «Апельсиновый пушш». Участник творческой мастерской для молодых писателей от АСПИР, X Всероссийского литературного фестиваля им. Михаила Анищенко, X Международного молодёжного литературного фестиваля «КОРИФЕИ», XII форума-фестиваля поэтической песни и литературы малых форм «Капитан Грэй», фестиваля новых литературных форматов «Молодой Пушкин». Публиковалась в литературных журналах: «Русский клуб», «Странник», «гУрУ» (Берлин); в альманахе «На холмах Грузии»; в сборнике сказок «Вселенная новогодних ёлок» (издательство «Перископ-Волга»).

– Ладно-ладно уж, садись, – чайник подлетел к приготовленной на столе чашке и наполнил её кипятком, – чай пить будем.

С час назад родители ушли в магазин бытовой техники за подарком для бабушки. А девочке оставили просторное утро для бесед, о которых они, естественно, не догадывались. О том, что чайники летают, они тоже не знали. Они многого не знали и не хотели бы узнать, даже если бы девочка решила всё им рассказать. Просто бы не поверили. Она и сама не верила собственным ушам, когда пару лет назад поняла, что чайник может разговаривать.

А случилось вот что... Девочка вернулась из деревни от бабушки тридцать первого августа. Летние каникулы подходили к концу, а ей предстояло идти в первый класс в первый раз. Поэтому мама колдовала над складками платья, которые вечно укладывались не в ту сторону. Сама же девочка стояла на стуле и неспешно развешивала на верёвке иллюстрации из серии «как я провела лето» над кухонным столом.

За спиной кипятился чайник. И ничего бы не случилось, не будь у него лишних представлений о правильности. Минут пять он молчаливо созерцал действительность на детских картинках, рассматривал однорогую бесхозную корову на траве, бабушку с толстым котом на руках, деревянный дом с яблоней на заднем плане.

«Нет, не дом, а яблоки с домом, вот как правильно! Или неправильно?» – подумал чайник.

Что-то не так было с этим домом. Чайник думал-думал, смотрел-смотрел, даже очки протёр от пара. Но никак не мог понять, в чём же тут дело. И вдруг как присвистнет:

– Перспектива, – от радости он чуть не подпрыгнул на плите, – свисток на откуп даю, нарушена!

– Что? – девочка едва не подавилась булочкой.

За её спиной кто-то разговаривал. И это была отнюдь не мама, которую она тем не менее окликнула:

– Ма-ам?

Девочка обернулась и пристально оглядела кухню. От волнения чайник на время проглотил язык и даже снял очки, чтобы походить на нормального. Но только на время. Долго он не выдержал. И когда девочка задала вопрос:

– Кто со мной говорит?

Он решил, что молчать как минимум невежливо и стоит хотя бы извиниться:

– Простите великодушно! Не хотел, не выдержал, вмешался не в своё дело. Больше не буду, свисток на откуп даю.

– Свисток? Да не нужен мне твой свисток, – не доверяя собственным глазам и ушам, покачала головой девочка. А потом зачем-то поднесла руку к нагревшейся поверхности чайничка и почти дотронулась.

– Что ж ты творишь?! – спохватился чайник. – Я же почти вскипел. А ты руки тянешь, – закричал он, и девочка поспешно отдернула руку.

– Извини, я случайно. – И добавила: – Вообще-то чайники не разговаривают. Я знаю, потому что я большая и завтра пойду в школу.

– Школа-ла. Ах, да, слышу о ней последний год так часто, что мне кажется, будто и я пойду в школу. Но, собственно, ты права, чайники не разговаривают. И вообще, один тот факт, что ты говоришь с чайником, – он постучал по верху крепкой ручкой, – в голове не укладывается. Разве не так?

– Да-да, – развеселилась девочка.

Чайник вёл себя забавно, стучал, звенел крышечкой время от времени и напоминал ей мальчишку из соседнего двора.

– Но если ты захочешь, я расскажу тебе свою историю. Пока твоя мама занята домуборкой, а папа – мебельсборкой. Ну, а ты, – он кивнул в сторону девочки, – неторопливо опудинговываешься.

– Опун... Что?

– На футболку глянь.

Она опустила взгляд и ахнула: на животе растекалась капля вишнёвого джема.

– Вишню легко кипятком отстирать, – посоветовал чайник. – Могу пособить. Уж сколько пятен вывел, видимо-невидимо!

– Да ну?

– Не веришь – не верь. А культуру – как вывести пятно в домашних условиях – не отрицай. Наизусть выучил.

Пока чайник аккуратно избавлял ткань футболки от пятна, девочка сидела напротив в майке и доедала булочку. Мысли хаотично перескакивали с игры в мяч на улице к завтрашней линейке, а затем к деревне и к тому, что чайник носит очки.

– У тебя есть очки? – неожиданно воскликнула девочка.

– Какая ты наблюдательная, однако. Я их недолюбиваю. Просто пятно надо было внимательно выводить, вот и нацепил. А так... – Он поспешно снял очки и спрятал их за спину. – Без них лучше.

– Да нет, что ты! Ты такой забавный! – хихикнула девочка, просунув голову в ворот футболки.

– По-твоему, плохое зрение – это смешно?

– Нет, ты всё не так понял. Просто я впервые вижу чайничка, который не только кипятится, но ещё и разговаривает, летает и носит очки.

– У вас, – немного обидевшись, хмуро сказал чайник, – очень ограниченное представление о чайниках.

– Похоже, ты прав.

– Потому что я правильный. Я всегда прав.

– А как так вышло, что ты научился говорить?

– Ха, делоффф-то. Ты ж не всё время кипяتيشся. А когда стоишь без дела, час или два, то, хочешь не хочешь, начинаешь прислушиваться к обстановке. То одно слово подхватишь, то другое. Сначала они все одинаковые, ну, прямо как помехи у телевизора. А потом нет-нет да и различие найдётся. Иногда маленькое. Вот такусенькое. К примеру, когда твоя мама хочет тебя поругать, она зовёт тебя «дочь», а если приобнять, то «дочкой».

– Правда? – призадумалась девочка.

– Ну, да, – чайник вдруг затанцевал на конфорке, подсвистывая самому себе:

– Свифти-свифт, свифти-свифт.

Девочка захлопала в ладоши, засмеялась. Чайник танцевал всё быстрее и быстрее, подпрыгивал, постукивая то с одной стороны тремя ножками, то с другой.

– Какой же ты весёлый!

– Может, всё же выключишь газ, пока я весь не испарился? – прямо и без намёков попросил он.

– Ой, прости! – Девочка поспешно повернула ручку до нулевой отметки. – Я как-то не подумала.

– Думать о ком-то, кроме себя, тяжело. Вот и сейчас ты смотришь на картинки, а спросить не решаешься.

– Как ты догадался?

– Внимательный потому что. Ну, спрашивай, чего хотела.

– Тебе не понравились мои картины?

– Отчего же, вполне содержательны. Тут корова однорогая, там бабушка с котом, а на последнем дом... нет, не так – яблоки с домом.

– Что не так с яблоками? Слишком ярко? Я так и знала, что надо было растушевать контуры.

– Да нет же, не в цвете дело. А в перспективе.

– В чём, в чём? – переспросила девочка. Её заинтересовало новое слово почти так же сильно, как и то, что чайник столько всего знает.

– Как бы тебе объяснить? Представь себе, что стоят три кубика. Один близко, другой подальше, третий ещё дальше. Для

того чтобы изобразить то, где они находятся в пространстве, надо провести линию горизонта под ближайшим кубиком... И...

– Ничего не понятно, – прервала его девочка. – Ты можешь объяснить нормально?

– Я и объясняю.

– Ну, может быть, для художников и понятно. А я самоучка и не хожу в «художку».

– Ладно-ладно. Что-нибудь придумаем, – чайник почесал затылок в поисках примера и завёл длинное: – А-а-а... – Потом треснул себя по лбу, точь-в-точь как делал папа, когда к нему неожиданно приходило озарение. Пример-то был перед глазами. И продолжил: – На твоём рисунке слишком маленький дом и слишком большие яблоки. А ведь изба расположена к нам ближе, чем плоды яблони.

– Но они же красивые...

– Никто и не спорит. Но если это яблоко упадёт тебе на голову в том размере, в котором ты его изобразила, это будет всё равно что десятикилограммовый арбуз. Понимаешь?

– Но это же яблоко, – настаивала девочка, – арбузы полосатые.

– Нет, ты не понимаешь. С цветом всё хорошо. А вот если бы ты учитывала перспективу, то размер яблока был бы меньше в три, а то и в четыре раза, чем то, что нарисовано сейчас.

Девочка совсем поникла. На неё было грустно смотреть. Ещё бы чуточку критики с его стороны, и она бы точно захныкала, поэтому чайник решил сдобрить горькую пилюлю:

– Но если убрать дом, а оставить одно дерево с яблоками, то и сравнивать будет не с чем. Будто бы мы смотрим на яблочки вблизи. Вон они, какие аппетитные, с красным бочком и даже червячком. Хотя последнего я бы есть не стал.

– Правда? – девочка искала глазами ластик.

– Ага. Просто запомни на будущее. Ничего исправлять не нужно. Некоторые работы нужны как образцы, чтобы помнить о том, с чего мы начинали.

Из комнаты послышался взволнованный голос мамы. Похоже, она отвоевала все складки и почти догладила блузку.

– С кем ты там говоришь, дочь?

– Вот видишь, – шёпотом добавил чайник, – недовольна чем-то.

– Ты позавтракала?

– Почти.

– Что так долго?

– Ничего. Картины повесила. Вечером для вас с папой устрою просмотр.

– Прямо как в галерее, – голос у мамы потеплел, – ну, додай и освобождай мне кухню. Пирог печь будем.

Девочка с чайником условились держать беседы в секрете. Взрослые всё равно бы не поверили, а этим двоим и не нужно было чужой веры. Им хватало того, что можно было пить чай и разговаривать.

Эта история произошла пару лет назад. С тех пор чайник стал куда более образованным (по крайней мере, он себя таким считал), и вместе с девочкой они разобрали сотни новых слов и понятий. Вот и сегодня зацепился он за простое, но доселе неизвестное ему слово: «пенсия».

– Что это вообще такое «пень-сия»?

– Да, не «пень-сия», а «пенсия». Без мягкого знака, пишется слитно, – поправила его девочка. – Как бы тебе объяснить попроще?

– А не надо попроще. Объясни, как правильно. Если я верно припоминаю порядок слов, твой папа сказал следующее: «Пенсия её состарит. А огород доведёт до ручки». Итак, вернёмся к пенсии. Что это за апокалиптическая зараза, о которой все говорят, но никто не видит?

Девочка хихикнула. Уж больно забавные предположения выдвигал чайник.

– Не зараза это. И он не пенсии боится, а старости. Боится, что бабушка быстро состарится, если у неё не будет больше работы.

– Что-то я совсем запутался. – Чайник снял очки с переносицы, протёр их – они вечно запотевали во время кипячения и нарушали обзор. – А разве твоя бабушка не работает? Судя по твоим рассказам, она из огорода только на ночь вылезает, и то потому, что темень страшная, а вместо фонарей там звёзды тусклые, и траву с помидорами можно перепутать.

– Не тусклые они вовсе. Но от них света мало, в этом ты прав. Раньше бабушка в школе уроки вела, а теперь она всё время в огороде копается. А старость её подкарауливает. Чуть присядет отдохнуть на скамеечку, а она тут как тут, и... – девочка чуть понизила голос, а потом с криком «цап-царап» выбросила правую руку в сторону чайничка. – И за пятки её! Во-от так!

Едва заметно чайник улыбнулся. Ворчал он регулярно, но особой злобы не знал и не испытывал.

«Раз-два, раз-два. Правой-левой-правой-левой», – приоткрытая форточка вбирала в себя все звуки улицы. Девочка приподнялась на цыпочки и выглянула в окно.

– Снова идут?

– Идут-идут...

– Скандинавская ходьба – модная тенденция двадцать первого века. Даже твоя бабушка занимается.

– Была бы у тебя бабушка, и она бы бегала и в дождь, и в снег, и в бурю с палками в руках.

– Моя бы не бегала. Она бы кипятилась, – нравоучительно заявил чайник.

– Папа говорит, что прогулки с палками можно совмещать с чем угодно. И что это не меньшее зло, чем все её лекарства.

– А разве ходьба здоровье не укрепляет?

– Ну, то ли суставы ломаются, то ли кости из строя выходят. Не помню, что именно. Но всё это приближает старость. И если соединить всё: пенсию, скандинавскую ходьбу и лекарства – получится целый набор старости.

– А я не старый?

– Какой же ты старый?! – недоумённо воскликнула девочка. – Разве в твоей жизни есть пенсия, ходьба или лекарства?

– Нисколько нет.

– Вот видишь!

В прихожей запел соловьиный звоночек. Пришли мама с папой. А вместе с ними и две коробки из магазина. На одной была изображена соковыжималка и яблоко. А на другой – электрический чайник. Первую коробку папа оставил на антресоли, а вот вторую методично распаковал и уселся на кухне изучать инструкцию. Девочка примостилась к нему сбоку и, заглянув через плечо, добавила:

– Но у нас уже есть чайник.

Электрический чайник был выполнен из белого пластика. Включался с помощью продолговатой кнопки на ручке и вмещал в себя почти два литра воды. Папа бережно его вымыл и поставил на подставку кипятиться.

Чайник из нержавейки с любопытством рассматривал пришельца. Он даже ему кивнул в знак приветствия и подумывал завязать разговор, как только хозяева оставят кухню, но электрический заносчиво поднял носик и отвернулся.

«Наверное, интроверт, не любит новых знакомств», – подумал чайник и не стал его беспокоить.

Вместо этого он сосредоточился на суете в кухне. Одной рукой мама нарезала докторскую колбасу, другой разделяла на отдельные веточки петрушку. Девочка щедро намазывала маслом хлеб и косилась на электрический чайник. С самого начала он ей не понравился. А ещё больше ей не понравилось то, что

никто и не собирался включать плиту. Электрический чайник вскипел, папа разложил по чашкам дольки лимона и налил чай.

– С петрушкой не буду! – настырно заявила девочка, чтобы хоть как-то выразить недовольство.

– Можешь снять, если не нравится, – спокойно ответила ей мама.

Вся семья уселась обедать. А бедный старый чайник приуныл, когда понял, что сегодня без него обойдутся. Девочка сочувственно кивнула. Как выяснилось, без него обойдутся и не только сегодня, но и бесконечное количество дней завтра.

После обеда мама натёрла ему бока содой, помыла хорошенько и, когда он обсох, убрала в коробку подальше на стеллаж.

– Старость, – напоследок подумал он.

Слово оказалось совсем не интересным и даже каким-то горьким и обидным.

Шли чередой дни, росла температура за окном, распускались почки на деревьях, а в лесу – первоцветы. Электрический чайник работал исправно. Кипятил воду в два раза быстрее старого, был неприхотлив к масляным брызгам со сковороды, не бурчал и не свистел. Всем-то он был удобен. Но для девочки существовал только один-единственный чайничек, и жил он на стеллаже в её комнате. Когда никого не было дома, она доставала из коробки старый чайник и ставила его на плиту. От долгого пребывания без движения чайничек потягивался, позвякивая крышечкой и болтал без умолку. Быстро пролетало время за чаем и за беседами. И наступал час прихода родителей с работы. Не без грусти она упаковывала его обратно и убирала на стеллаж.

На праздники приехала к ним бабушка. Позвонила в дверной звонок и, как школьница, глазок прикрыла ладошкой.

– А, не ждали! – воскликнула она, обнимая вылетевшую навстречу внучку. – А я раз – и в городе. Электричка скоростная. Пирожки горячие.

– Откуда ты, бабушка? – удивилась девочка.

– Так клубника поспела. Вот я и привезла вам гостинцев.

Бабушка передала маме корзинку с ягодой и кастрюлю с пирожками. Мама в спешке принялась потрошить холодильник на предмет варенья, сыров и колбасы. Помытую клубнику она выложила в большое старинное блюдо в розовый цветочек. Папа поставил чайник кипятиться. Девочка захватила свои тетрадки и придвинулась к бабушке, чтобы рассказать, чему она научилась.

– Ну, садитесь, садитесь... – Папа нарезал лимон дольками, налил всем чаю и тоже сел на своё место у окна.

– И давно вы пластмассу пьёте? – настроение у бабушки тут же переменялось. Она свела брови и решительно отодвинула от себя предложенную чашку чая.

– Мам, ну чего ты опять начинаешь? – сдержанно ответил ей папа.

– Ладно, вы с химией чай пьёте, эти ваши пакетики, так теперь ещё и пластмассу начали.

– И я, и я так говорю, – поддержала девочка бабушку. – Пластмассой воняет. А никто не верит.

– Что ты всё придумываешь, мам? – сказал папа. – Химию школе оставь. А это электрический чайник, и воду он кипятит за две минуты, и работает, между прочим, от розетки. Очень удобно.

– Удобно-неудобно, – передразнила она собственного сына, – ты б лучше о здоровье семьи подумал. Травишь внучку мою.

– Да ты попробуй сначала. Он ничем по вкусу не отличается. Вода как вода.

– А вот и отличается, – девочка решила не молчать, – и сейчас я вам это докажу. Она выскочила из-за стола и пулей понеслась в свою комнату.

– А мы вам подарок купили, – чтобы как-то разрядить натянутую обстановку, произнесла мама и слегка толкнула папу, чтобы он достал из-под стола коробку.

– О, соковыжималка! И на что она мне сдалась, ваша соковыжималка? Тёрка есть, и марля, и ручки вот эти, – бабушка покрутила руками перед самым носом у сына.

Тем временем девочка достала из коробки чайничек и поставила его на плиту. Чайник удивлённо поднял брови, хотел что-то спросить, но не рискнул. В кухне было полным-полно народу. Электрический чайник спокойно стоял на подставке наполовину без воды.

– Может, сломался, – подумал старый чайник и принялся старательно кипятить воду.

Девочка достала из кухонного шкафчика ещё четыре чашки, налила в них чай из старого чайничка, а затем предложила всем попробовать.

– В какой чашке чай вкуснее?

Бабушка всё же сделала глоток из первой чашки, но предпочтение отдала второй. Папа и мама особой разницы не заметили. А вот девочка была солидарна с бабушкой. Голоса разделились. Она не знала, что бы ещё такое сделать, чтобы переманить маму на свою сторону. И решила действовать через бабушку.

– Правда ж, чай вкуснее?

– Вкуснее у меня в деревне, с мятой и смородиновыми листьями, – ответила ей бабушка. – Вот приедешь...

– Мам, а что с твоим чайником произошло? – неожиданно папа вспомнил, что в прошлый их приезд его мама кипятила воду в ковшике.

– Да, – она поджала губы и махнула рукой, – накипь ододела. Вода-то жёсткая. Прохудился окончательно.

– Так, – в разговор вмешалась мама, – может, этот возьмёте? Стоит без дела в коробке. Мы, – она переглянулась с папой, – к электрическому уже привыкли.

– Мам? А как же? – Девочка не успела ничего сказать, как бабушка согласилась.

– Вот подарок так подарок, нужный! – радостно произнесла она.

Обед закончился печально. Девочка сидела в своей комнате на кровати и переключала из руки в руку пластины из пенопласта. Напротив неё на стуле стоял чайничек.

– Как же я буду без тебя? – причитала девочка. – Я ведь просто хотела им сказать, что ты самый вкусный чай готовишь. А они... – Она захлюпала носом и спрятала лицо в подушку.

– Э, – чайник огляделся – дверь комнаты была закрыта – и подлетел к ней. – Не надо, не плачь. Мне тоже грустно уезжать. Но моё время пришло. И я должен. Там я буду нужен.

– Ты нужен мне, – вытирая рукавом слёзы, добавила девочка.

– И ты мне нужна. А знаешь что? – голос его зазвенел вместе с крышечкой. – Знаешь, что я придумал? Ты же летом приедешь к бабушке?

– Приеду.

– Так мы и увидимся! А я пока там освоюсь, научусь жёсткую воду мягкой делать. А когда ты приедешь, угощу тебя самым вкусным чаем с мятой и яблоками, со смородиной и с клубникой. И мы будем сидеть под звёздами и говорить обо всём на свете. Согласна?

– Да. – Она крепко-крепко обняла чайничек.

Затем положила его в коробочку и пожелала удачной дороги.

– До встречи, друг мой! Попробую поспать.

Девочка перевязала коробку ленточкой, чтобы было удобно нести. Соковыжималку бабушка решила не забирать. А вот чайник приняла с благодарностью, расцеловала всю родню, особенно внучку в обе щеки и напоследок сказала:

– Как только четверть закончится, жду тебя в селе Золотом.

**Ильдар
ИШМАМЕТОВ**

ПОЛЬЗА ОТ ПОЦЕЛУЯ С МЕДВЕДЕМ

Аббарон де Жерми, дворянин царства Попрыгунчиков, пытался починить часы. Они лягались и рыпались, отбивались и скакали. Да так упорно бегали и спешили, что Аббарон подумывал заказать у кожевенника седло для часов. Хлоп, фыр, дзынь, тряск! Механизм выскочил из рук, протаранил в прыжке оконное стекло и убежал из поместья. Аристократ уронил молоток, которым чинил часы, и поцарапал хрустальное покрытие пола.

– Вот холера! – сквозь зубы прорычал Аббарон. – Эти часы тратят часы моего досуга. Какие-то... античасы.

От досады Аббарон решил пообедать и кликнул дворецкого. Еда подавалась обыкновенная: кастрюля супа из грибов и гаек, приятно хрустевших во рту; запечённая курица размером со слона, фаршированная горчицей и карамельными велосипедами; и самое маленькое яйцо всмятку, которое съешь только самой маленькой ложкой.

Утерев рот шёлковой салфеткой, Аббарон скользнул взглядом по осколкам стекла на полу и зубастому окну. Решено: медлить с поимкой часов нельзя! Да и жалко ведь их, всё-таки подарок покойной матушки. Дворянин перекинул ружьё через одно плечо, а через другое – верёвку. Затем он прошёл сквозь одинокие залы своего дома. Ковры покрыты пылью. Паутина в углах стен тосковала и грезила, что она – парус.

-
- Ильдар Ильдусович Ишмаматов родился в 2000 году в городе Нариманов. Окончил Астраханский музыкальный колледж им. М.П. Мусоргского по специальности «Теория музыки». В апреле 2022 года выступил с циклом «Философские сказки и небылицы» на Первом литературном фестивале им. Д. Кугультинова и получил статус Почётного гостя. С этим же циклом дебютировал в краснодарском журнале «Южный Маяк».

Де Жерми ни с кем не общался, не принимал гостей, и даже царь страны Попрыгунчиков не заставал его дома. Правитель хотел угостить лягушками своего подданного, а также другими сладостями, но поместье будто пустовало. Даже пауки и жучки избегали встречи с аристократом в его владениях, хотя жили и зимовали с большим удовольствием. Их пугал дремучий взгляд его глаз, из которых, кажется, вот-вот выпрыгнет злой дух и утащит в свою мутную глубину.

Да, поместье Аббарона пустовало. Только раз в день-два промелькнёт, как привидение, Жюль – старый слуга поместья де Жерми и очень горячий спорщик, несмотря на свою немоту. Впрочем, Жюль на свою немоту никогда не жаловался.

Выйдя на большую дорогу, Аббарон увидел колосок пшеницы. Стебелёк разучивал менуэт. Де Жерми не был против пшеничных балов, которые проходили каждое воскресенье на поле. Наоборот, он завидовал белой завистью досугу пшеницы, хотя и жизнь была у неё не самая простая. Ей же приходится терпеть мышей и птиц, а также неизбежное превращение в хлеб. Зато одной буханкой из этой пшеницы можно пять тысяч человек накормить. Поэтому Аббарон не обижался, что его не приглашают. Кесарю – кесарево, а обед по расписанию, как говорится.

Аристократ наклонился к пшенице, и растение приостановило свою репетицию:

– А не видел ли ты, Колосок, куда часы побежали?

– Так это ваши были, господин? – Пшеница поклонилась дворянину. – Видела. Они неслись так, что аж пятки сверкали. Если бы у них были пятки, конечно же. Ваш... э-э-э... питомец ускакал в чащу Бальмонт, на опушку.

Де Жерми побледнел. Ему ой как не нравился лес Бальмонт! Ещё дедушка рассказывал, что волки делают с заблудившимися в лесу людьми. Они заставляют вставать по утрам и ходить на работу! «Жуткие создания, – пугался Аббарон в детстве, – возможно ли, чтобы люди работали пять дней в неделю?» «Мало того, – вторил дедушка недоумению внука, – заблудившиеся люди берут самый скучный дом под самые большие проценты и выплачивают их до глупокой – то есть глупой и глубокой – старости».

Аббарон с ласковой печалью вспоминал о дедушке. Хороший был человек: работая за еду в совете царства, он жонглировал грушами, глотал шпаги и голосовал за всё хорошее и против всего плохого. А чего стоил его талант! Дед специальной иголочкой лопал обиду, как мыльный пузырь, если кто-то дулся из-за всякой всячины!

Да что вспоминать бывшее... Аббарон поблагодарил пшеницу и отправился в чащу. Куда деваться? Чем дальше в лес, тем сильнее утихало: ветер не гулял, птицы не пели, деревья всё крепче сплетались ветвями. Небо исчезло за плотной листвой, а по мраку чащи разносился далёкий храп.

— Дзынь! — взрывался звон. — Дзынь, дзынь, дзынь!

Под ногами пронеслись античасы. Аристократ сразу же пустился за ними вслед. Ноги дрожали: уж очень не хотелось встретить волков! Часы взобрались на что-то большое и мохнатое и исчезли наверху, за листвой.

Думал дворянин своей бестолковкой, накидывал самому себе варианты, как же взобраться наверх. И столько вариантов накинул себе Аббарон, что они стали высотой с гору! Оставалось только подняться по вариантам, как по ступенькам, что де Жерми и сделал.

Поднявшись, он увидел, что это была шерсть медведя! Медведь походил своими большими размерами на мохнатую крепость. Античасы заметили аристократа и снова начали удирать. Не в добрый час Аббарон взобрался на зверя. Медведь-то спал, но не спали его блохи, кусачие и бесячие. Они были большие, размером с мизинчик Голиафа или Циклопа. Также, прыгая, они издавали автомобильные гудки.

Они хотели съесть дворянина, это было видно по их голодным глазам, которые светились, как угли костра. Но и де Жерми не из робкого десятка: зарядив порошу, он настрелял не менее сорока восьми блошек. Но на шум прибежало ещё восемьдесят четыре паразита, и кончились пули у дворянина.

Хоть и поджилки тряслись, и руки связала странная слабость, и Аббарон глотал воздух, но он не сдался. Схватившись за дуло, аристократ орудовал ружьём как дубиной. Не ожидали насекомые такого храброго отпора. Кто получил по лапкам, кто по спинке, а кто по животику. Принудительный массаж от Аббарона блохам совсем не понравился. Они остановили нападение и крикнули: «Не очень-то и хотелось! Медведя на всех хватит», — а затем поковыляли кто куда.

Де Жерми, передохнув, отправился к античасам. Всё это время они истерически звенели, ведь им некуда было спрятаться: медведь большой, а сорвёшься — мало не покажется.

Хвать! — Аббарон крепко-накрепко связал античасы, уставшие от долгой погони. Да и дворянин тоже утомился.

Его нос начал обонять чудесные ароматы: лаванда, мята, мирт. Запахи рассказывали де Жерми о чём-то далёком и бесконечно близком, о величавых фараонах и грациозных царицах,

о поле с высокими яблонями и раскинутыми повсюду белыми, красными, жёлтыми розами.

Когда опускался и поднимался живот медведя, дворянина охватывал ветер благовоний. Нежные запахи разносились дыханием колоссального зверя. Удивляясь, де Жерми приблизился к голове необычного существа, чтобы разглядеть её поближе. Каково же было второе удивление Аббарона: пасть животного так измазана плотным слоем мёда, что образуется неровный сладкий овал.

Макнув палец, попробовав на вкус изделие пчёл, аристократ постиг третье удивление! Мёд восхитил качеством, таял во рту и не вызывал жажды. Если медведь съел столько мёда, то сколько же работали пчёлы? Или это были гигантские пчёлы, собиравшие пыльцу с невообразимо гигантских цветов?

Но отвечать Аббарону не хотелось. Сладкое золото так манило, что де Жерми прильнул к мёду, застывшему на губах зверя. А дальше... произошло невероятное! Медвежье тело теряло свою твёрдость, и Аббарон не удержался на ногах. Принявшись за трапезу, дворянин будто бы поцеловал медведя, и животное рассыпалось на сотни, тысячи дворянок. Все они разбежались весёлой гурьбой, и одна другой краше: брюнетки, блондинки, рыжие, шатенки, седые, синеволосые, красноволосые, зелёноволосые, высокие, низкие, худые, полные, белокожие, чёрнокожие, желтокожие – и много какие ещё!

Придя в себя и смекнув, в чём дело, прекрасные девушки начали оставлять на спасителе след от своей помады. Что совсем не входило в планы де Жерми. Он-то... хотел просто часы поймать. Каждая дворянка считала своим долгом поцеловать Аббарона. Очередь была такая большая, а де Жерми такой незадачливый, что и ему, и девушкам пришлось разбить палатки и брать перерывы на еду и сон. Поцелуи – это золотые монеты в копилке сердца, и Аббарон стал по-своему богатым.

Правдивая история Аббарона завершилась совсем по-сказочному. Дворянин взял в жёны прекрасную Милену. В глазах её – ночное небо, на щеках – румянец, шатеновые локоны стелились волной по плечам, и задорный смех сыпался звёздочками.

Когда де Жерми починил античасы, Милена получила их как свадебный подарок. Оказалось-то, что античасы останавливаются, только если их вежливо попросить. Времени они не показывали, но показывали красоту каждого момента, каждого мгновения.

Однако и остальные дворянки нашли себе женихов. На это не ушло и недели, ведь каждая из них была неотразима. Они часто приезжали к Аббарону погостить, умножая свет и радость в семейном поместье.

**Вера
КОЛОДЯЖНАЯ**

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Бабушка наряжала ёлку. Каждый год на новогодние праздники к ней приезжали внуки. Два мальчика и девочка. Но этот Новый год бабушка будет встречать одна. Деревню, где она жила, совсем занесло снегом. Разгулялась зима не на шутку. Оборвала электрические провода, замела все дороги – ни пройти ни проехать, не было и телефонной связи.

Но была у бабушки ёлочка! Пушистая, нарядная. Оставалось только одна очень важная деталь – поставить деда-мороза под ёлку. Из огромной коробки бабушка вынула большущего ватного деда-мороза. Эта игрушка всегда была в жизни бабушки. Когда она была ещё совсем маленькой, он уже стоял у неё под ёлкой со своим волшебным посохом и большим красным мешком, перевязанным золотой ленточкой. Ей всегда хотелось посмотреть, что же там, в этом мешочке? Но развязывать ленточку ей не разрешали родители. Затем она не разрешала своим детям и внукам открывать мешок. Так и оставался он не раскрытым уже много-много лет. Дед-мороз стоял под ёлкой со своим загадочным мешком и хитро жмурил глаз.

«А вот возьму и посмотрю, что же там, в мешочке», – решила бабушка и развязала золотую ленточку.

В тот же миг дом наполнился волшебным серебристым светом, а сердце бабушки радостно забило, как в детстве.

-
- Вера Анатольевна Колодяжная родилась в 1956 году в г. Донецке. В 1976 году по окончании Троицкого энергостроительного техникума была направлена в город Балаково как молодой специалист. Принимала участие в строительстве города. В 1979 году уехала на родину в г. Донецк. Пишет стихи и сказки. Участник литературного объединения «Люстра Эммы» г. Балаково, член выездной группы поэтов «Душа поёт». В литературно-художественном журнале публикуется впервые. С 2021 года живёт в городе Балаково.

Бабушка ахнула, опустилась в кресло.

Вдруг послышались странные звуки, как будто кто-то плакал.

– Кто здесь плачет? – спросила бабушка.

– Да это же я, дед-мороз!

– Почему же ты плачешь?

– Как же мне не плакать? Ты уже из девочки превратилась в бабушку, а я ещё ни одного твоего желания не выполнил! – всхлипывал дед-мороз.

– Не плачь! – успокоила его бабушка. Есть у меня одно желание. Исполнять желания никогда ведь не поздно? – с надеждой спросила она.

– Конечно, конечно! – обрадовался дед-мороз. – Загадывай!

– Хочу внуков своих повидать, встретиться с ними, соскучилась очень. Сможешь исполнить такое желание?

– Смогу! Только для этого мне надо будет тебя вернуть в детство. Станешь ненадолго девочкой Лёлей. Так ведь тебя звала мама в детстве?

– Как же я смогу узнать своих внуков, если стану их ровесницей?

– Любовь к внукам останется у тебя в сердце. Слушай своё сердце, и оно тебе всё подскажет.

– Хорошо! В детство так в детство! – согласилась бабушка.

Дед-мороз стукнул посохом и слегка хриловатым голосом пропел:

В снежинку, капля, превратись!

Чудо дивное, свершись!

Все желанья исполняются!

Все мечты твои сбываются!

В тот же миг в комнате вместо бабушки появилась озорная девчонка лет десяти. На ней была надета белая шубка и белая пушистая шапочка. В этом наряде Лёля была похожа на снегурочку.

– Теперь держись! – сказал дед-мороз.

Ещё раз стукнул посохом. Налетела вьюга снежная. Подхватила девочку Лёлю и перенесла в город, где жила её внучка Настенька.

Лёля стояла около ледяной горки, с которой катались дети. Кто на санках, кто на ватрушках, а кто и просто подложив картонку. Стоял весёлый гомон, и звучал смех. Горка была крутая и высокая. Дети не скатывались, а просто слетали вниз. Это им очень нравилось. Они вновь и вновь тащили свои санки

на вершину горки. Вдруг Лёля увидела, как одни санки опрокинулись, и девочка лет восьми кубарем полетела с горки вниз. Больно ударилась и не смогла встать на ноги. А следующие санки уже летели вниз со всей скоростью и вот-вот столкнутся с девочкой. Не раздумывая, Лёля бросилась к ней и в последний момент оттащила её в сторону. Санки со свистом пролетели мимо.

Девочка плакала.

– Больно? – спросила Лёля.

– Нет, не больно, испугалась, – ответила девочка. – Спасибо тебе. Я – Настя. А как тебя зовут?

– Лёля. Вставай, я помогу тебе дойти домой.

– Не могу. Нога болит.

– Держись за мою руку, и мы сможем идти. Поболит, и всё пройдёт, снегом талым всё уйдёт! – весело проговорила Лёля.

– Ты говоришь, как моя бабушка. Я её очень люблю. Но она живёт так далеко...

Девочки пришли к Настеньке домой.

– Мама, я ушибла ногу. Мне помогла дойти Лёля. Мы с ней подружились! Познакомься с ней.

Настенька оглянулась, но Лёли нигде не было. Лёля уже была дома.

– Так, с одной внучкой повидалась. Теперь к внуку, – бормотал себе под нос дед-мороз, что-то записывая в своей книге желаний. Он внимательно посмотрел на девочку:

– Готова?

Лёля одобрительно кивнула. Дед-мороз снова стукнул посохом и пропел:

В снежинку капля превратись!

Чудо дивное, свершись!

Все желанья исполняются!

Все мечты твои сбываются!

На этот раз налетевшая вьюга перенесла девочку на берег замёрзшего озера. Рыбаки, закутавшись в тулупы, ловили рыбу из проруби. А по зеркальной глади озера на коньках катался мальчик лет девяти. Да так мастерски катался, что Лёля залюбовалась им.

– Молодец! – крикнула она ему.

Мальчик заметил Лёлю и подкатил к ней.

– Ты кто? Снегурочка? – спросил он.

- Нет! Я просто Лёля.
- А меня зовут Пашка.
- Ты здорово катаешься, Пашка! – сказала девочка.
- Я ещё и не так могу! Смотри!

Сказал он и на коньках просто побежал по льду, затем завертелся волчком и вдруг... ушёл под лёд. На льду образовалась полынья, не замёрзшая вода. В неё-то и угодил фигурист. Через мгновение он вынырнул.

- А-а-а! – кричал мальчик. – Помогите! Спасите!

Он хватался за лёд руками, но лёд был хрупким, и мальчик никак не мог выбраться из воды. Лёля так испугалась, что вначале просто опешила.

- Утонет ведь, – думала она, – что же мне делать? Как помочь?

Вдруг она заметила длинную палку, взяла её и быстро поползла по льду к полынье.

– Хватайся! – крикнула она мальчику, протягивая ему один конец палки.

– Только бы удержать его, только бы удержать, – шептала она, ухватившись изо всех сил за другой конец длинной палки.

К счастью, рыбаки слышали крики мальчика и уже спешили на помощь. Пашку вытащили из воды, закутали его в тулуп и отвезли детей домой. Дома мама согрела сына, напоила детей горячим чаем с малиновым вареньем и с благодарностью, нежно обнимала Лёлю.

– Ты моя спасительница! Что хочешь для тебя сделаю! – заявил Пашка.

– Ну что ты, – смутилась Лёля, – всякое может случиться. А ты молодец! Так классно катаешься!

– Да! Я такой! Да я бы и сам смог из полыньи выбраться! – расхвастался Пашка.

- А вот хвастать нехорошо. Это плохая черта.

– Да меня и бабушка всегда ругает за хвастовство. Люблю я свою бабушку, – задумчиво произнёс Пашка. – Я постараюсь исправиться.

- Мне пора! – сказала Лёля.
- Не уходи, – попросил мальчик.

Но девочки в комнате уже не было.

Лёля сидела в кресле около деда-мороза и рассказывала ему о своих приключениях.

- У тебя ещё одно путешествие, не устала?
- Нет! Что ты! Я с радостью!

Завертела, закружила вьюга девочку и бережно опустила около дома, что стоял на опушке леса. Из дома вышли шести-

летний мальчик и большой пёс, похожий на белого медведя. Пёс учуял незнакомку и зарычал. Не злобно, а так, для порядка.

Малец заметил девочку и скомандовал:

– Фу, Рекс – свои. Это Снегурочка к нам пришла!

Пёс с готовностью завил хвостом, демонстрируя своё дружелюбие.

– Я не Снегурочка, я просто девочка Лёля!

– А меня зовут Костя. А это мой верный друг Рекс, – сказал мальчик, поглаживая собаку.

– Вы на прогулку?

– Нет! Мы в лес по очень важному делу. На новогодний праздник к нам гости приедут – мой брат и моя сестра с родителями. Они не родные, двоюродные! Поэтому видимся мы нечасто. Папа сказал, что ёлочку в лесу надо выбрать самую пушистую. Но он всё время занят. Вот я и решил помочь ему. Выберу ёлочку сам! А ему останется только привезти!

– А как же он найдёт твою ёлочку?

– Я на неё свой шарфик привяжу! Она и станет приметная!

– А можно и я с вами пойду? – спросила Лёля.

– Конечно! Вместе веселей.

Рекс первый побежал в сторону леса. В лесу было много снега. Идти было трудно, но весело. Ребята хохотали, когда Рекс, играя, валит их в снег. Подходящая ёлочка всё не находилась, и ребята уходили в лес всё дальше и дальше.

– А мы не заблудимся? – спросила девочка.

– Нет! Мы назад по своим следам и пойдём, – уверенно ответил Костя.

Наконец ёлочка была выбрана. Пушистая, высокая, с огромными ветками-лапами. Костя снял с шеи шарфик и привязал его на ёлочку.

– Теперь можно и домой, – со знанием дела сказал он.

Дорога домой была труднее. Дети уже порядком устали. Да и солнышко уже садилось. В лесу стало темнеть.

– Следов уже почти совсем не видно, – сказала Лёля.

– Я что-то совсем замёрз и есть хочу, – грустно ответил Костя.

– А где Рекс? – Лёля заметила, что собаки нигде нет.

Дети долго звали Рекса, но он не нашёлся. Стало совсем грустно и страшно в тёмном лесу.

Ребята не знали, куда идти.

– Всё равно надо двигаться, – уговаривала Лёля Костю, – иначе замёрзнем.

– Я больше не могу идти. Я устал, я замёрз! – плакал Костя.

Лёля и сама уже не могла идти. Она села на пенёк, расстегнула свою тёплую шубку. Свой шарфик повязала мальчику и как смогла укутала его своей шубой. Дети прижались друг к другу, им казалось, что стало немного теплее.

Вдруг дети услышали лай собаки и крики людей.

– Костя! Сынок! Костя! – что есть силы звал сына Костин папа.

– Я здесь, я здесь – закричал Костя в ответ.

– Сюда! Сюда! – кричала Лёля.

Первым их нашёл Рекс. Он лизал Косте лицо и радостно поскуливал.

Дома, сидя у горящего камина, укутавшись тёплым пледом, дети наперебой рассказывали, какую красивую ёлочку они нашли. Папа пожурил Костю, что он без спроса ушёл в лес.

– Скажи спасибо Рексу. Это он прибежал домой и стал лаять в сторону леса, звать нас туда. А мы ведь уже и не знали, где тебя искать. Завтра поедем все вместе за вашей ёлочкой. Поедешь с нами, Лёля?

Лёле очень хотелось и за ёлочкой поехать, и на праздник остаться, но пора уже было возвращаться.

Громко трезвонил телефон.

– О, неужели связь заработала?

Бабушка взяла телефон. Звонили дети. Они поздравляли бабушку с наступающим Новым годом. Жалели, что не смогли к ней добраться. Обещали, что на каникулы внуки обязательно приедут к ней в гости. Наперебой рассказывали, какие невероятные истории произошли с ними, про загадочную девочку Лёлю, которая всем помогла, но чудесным образом куда-то исчезла.

Бабушка посмотрела на ёлочку. Ватный дед-мороз по-прежнему стоял под ёлкой, хитро жмуря глаза.

– В канун Нового года всякие чудеса могут произойти, я-то знаю! – сказала бабушка.

Она подошла к ёлочке, взяла золотую ленточку и крепко-накрепко завязала большой красный мешок деда-мороза.

«НАШИ ЧИТАТЕЛИ – ДЕТИ...»

*Беседа Анны Морковиной
с Элллой Любич (Волковой), главным редактором
журнала «Шишкин лес» (Москва)*

Элла Юрьевна Любич

А.М. Элла, мы беседуем с тобой в Саратове, хотя в последние годы ты живёшь в Москве. Что тебя связывает с Саратовом?

Э.Л. Саратов – моя родина, и малая, и большая – историческая! Я саратовчанка в третьем поколении, поэтому с Саратовом нас связывают незримые нити. Я окончила среднюю школу № 3 имени Пушкина.

А.М. А как складывалась твоя судьба дальше?

Э.Л. У меня нет высшего образования, так что я – «неограниченный самородок» (смеётся). Но я училась и на филфаке Саратовского университета, и два года – в Литературном институте имени М. Горького, в семинаре Романа Сефа...

А.М. Ну, по складу ума ты, однозначно, гуманитарий.

Э.Л. Да, конечно. С математикой я рассталась, наверное, в классе четвёртом. В Литературный я пошла, почувствовав тягу к написанию текстов для детей. У меня как раз родилась дочка, и это было яркое чувство – желание писать детские стихи.

А.М. А сколько авторских книг для малышей ты выпустила в свет?

Э.А. Только две «Азбуки» и раскраску со стихами. Все остальные мои детские стихи опубликованы в журнале «Шишкин лес».

А.М. *Элла, но мы с тобой познакомились, когда ты ещё и актрисой работала! Расскажи, пожалуйста, про свой уникальный опыт работы в театре.*

Э.А. Да, я была связана с саратовским театром АТХ – Академией театральных искусств, была там костюмером. В качестве актрисы я просуществовала очень недолго, может быть, всего несколько раз выходила на сцену... Я ходила в студию к Ивану Ивановичу Верховых ещё до того, как начал формироваться сам театр. У меня был ещё и опыт работы костюмером в Саратовском театре юного зрителя, и в АТХ я пришла именно на эту должность.

А.М. *Ты шила костюмы?*

Э.А. Дело в том, что красивое слово «костюмер» наложилось на старинную профессию одевальщицы. Ведь актёру трудно, предположим, застегнуть сзади сорок пуговиц, ему надо помогать... Что же касается выходов на сцену, это было в спектакле по Хармсу «Почему я лучше всех?», в массовке, и небольшая ролька у меня была в «Прекрасности жизни» по пьесе Владимира Казакова.

А.М. *А как же ты пришла к редактированию журнала?*

Э.А. Я переехала в Москву и года два не знала, где найти себя. И вот встретила я с одним из земляков, работавшим в журнале для энергетиков. Он искал корреспондента, который поехал бы в Зеленоград проинтервьюировать владельца небольшой фирмы по производству солнечных батарей. Как ни странно, к тому моменту я что-то уже читала про солнечные батареи. Публикация состоялась, меня взяли на работу в журнал, и я начала потихоньку осваивать азы не столько журналистской, сколько редакторской профессии.

Через три года мы встретились с замечательной писательницей Ольгой Ключиной, которая в то время редактировала журнал «Шишкин лес». Ольга Петровна была нашей землячкой, потом работала в Москве, сейчас она живёт в Калуге... Она позвала меня в качестве литературного редактора. Когда Ольга Ключина собралась уходить, она предложила меня на своё место. И вот уже более десяти лет я выпускаю «Шишкин лес». В 2022 году вышел 200-й номер!

А.М. *Вот где оно ждало тебя, твоё призвание! Расскажи, пожалуйста, про сам журнал. В нашей Пушкинской библиотеке он есть и очень нравится читателям – красивый, забавный...*

Э.А. «Шишкин лес» родился в 2008 году. Эта идея принадлежит человеку, который занимался бизнесом, а часть своей прибыли решил пустить на благое дело. В подмосковном Плёскове он организовал частный православный пансион. У этого пансиона появился свой телеканал «Радость моя». Одним из проектов телеканала стала передача «Шишкин лес», а уже после этого появился печатный орган, который получил одноимённое название.

У истоков телепередачи стояла Марина Шраменко, имевшая отношение к передаче «Спокойной ночи, малыши!». Журнал возник из сценариев Марины к передаче для детей.

А.М. *Элла, на какой возраст рассчитан ваш журнал?*

Э.А. Изначально он предназначался дошкольникам, но теперь наши читатели – дети от 6 до 11 лет – те, кто уже умеет сам читать.

А.М. *А журнал и передача «Шишкин лес» чем-то похожи на «Спокойной ночи, малыши»?*

Э.А. Похожи в основном тем, что и там, и тут главные герои – куклы. Наши герои – мышка Шуня, волчонок Зубок, котёнок Коксик... Они повзрослее, чем Филя и Степашка. Наши звери образованные, грамотные – например, они умеют читать, любят географию, проводят разные опыты... К ним приходят педагоги, например, профессор Пифагор. У нас есть мудрая сова Матильда Леонардовна, которая читает лекции и периодически летает на симпозиумы.

А.М. *Они и есть обитатели Шишкиного леса, с которыми происходят разные истории. А «человеческие» персонажи у вас есть?*

Э.А. Да, конечно. В журнале есть, например, рубрика «Знай наших!», где мы рассказываем о россиянах, наших соотечественниках, которые своими изобретениями прославили Россию. Сейчас мы готовим материал про изобретателей первого автомобиля. Мы рассказывали про Демидовых, Черепановых и многих других.

А.М. *«Шишкин лес» – журнал познавательный? Или всё-таки цель его – развлечь детей?*

Э.А. Цель – развивать, донести какие-то знания. Конечно, формат детского журнала не позволяет уйти куда-то вглубь, но мы не смешим и не развлекаем. Смеёмся мы, создатели журнала, над тем, что каждый год в сентябре наши герои всё забывают, и их учёба начинается сначала.

А.М. *Насколько я знаю, в журнале «Шишкин лес» есть православные материалы. В целом ты бы как охарактеризовала его?*

Э.А. Формат журнала смешанный. В каждом номере есть рубрика «Воскресная школа», где мы рассказываем о святых, о пра-

вославных праздниках. Но журнал прежде всего обращён к детям с целью рассказать им много важного из истории нашей страны. Так, у нас есть особый персонаж – профессор, у которого есть внуки, и все истории подаются через их беседы.

А.М. *Есть ли у вас обратная связь с читателями?*

Э.Л. У нас есть конкурсы, викторины, мы получаем рисунки и тексты от детей, и телеканал обменивается с журналом, и наоборот. Жюри определяет самых достойных и награждает их. Нам приходят письма не только электронные, но и бумажные, в конвертах – и из России, и из Казахстана, и из стран дальнего зарубежья. Дети пишут, что читают журнал с удовольствием.

А.М. *В журнале есть и творческие рубрики – для тех, кто любит что-то мастерить своими руками.*

Э.Л. Наши рубрики взаимосвязаны. Например, мышка Шуня рассказывает о медвежонке, а в рубрике «Мастерская Шишкиного леса» мы предлагаем ребятам такого медвежонка сделать самим.

А.М. *А мне ещё нравится ваша рубрика, связанная с историей русского языка!*

Э.Л. Рубрику «Грамотные истории» я сама придумала. Мы рассказываем о том, что такое фразеологизмы, откуда пошли многие пословицы и поговорки. Думаю, что эта рубрика востребована потому, что это интересно. Мы часто пользуемся самыми разными выражениями, не задумываясь, что они на самом деле значат. Например, что такое «тянуть канитель»? Для чего «точить лясы»?

А.М. *Отличная идея – в игровой форме приобщить ребят к тайнам русского языка! А как ты думаешь, читают ли современные дети и много ли они общаются с журналом, с книгой?*

Э.Л. Дети сейчас встречаются самые разные. Кто-то читает от корки до корки (кстати, мы рассказывали и об этом выражении).

А.М. *Как ещё вы приобщаете детей к истории нашей страны?*

Э.Л. Есть рубрика, посвящённая российским городам. Так, была очень интересная публикация, связанная с историком Василием Ключевским, и, конечно, мы рассказали о Пензенской губернии, откуда он был родом. До этого читатели журнала узнали о малых народностях России – мы стараемся расширять кругозор.

А.М. *И про Саратов тоже писали?*

Э.Л. Да, конечно, в 2021-м году. Саратовская земля ведь очень богата талантами! В номере 9 была публикация про Павла Яблочкова.

А.М. *С классикой знакомите юных читателей?*

Э.Л. Безусловно! Мы публикуем много классических стихотворений, поэтому поэзия – постоянная гостья на страницах нашего журнала. Ведь классика – это народное достояние.

А.М. *И сайт у вас тоже имеется?*

Э.Л. Да, и теперь чаще дети общаются с Зубком и Коксиком именно посредством сайта. Нам присылают вопросы, а звери на них отвечают. Летом нам шлют рисунки о том, как проходят летние месяцы в Шишкином лесу.

А.М. *Кто оформляет ваш журнал?*

Э.Л. Долгое время с нами сотрудничал прекрасный художник Юрий Юрьевич Юрасов, работавший в саратовском театре кукол «Теремок». К огромному сожалению, он ушёл из жизни во время пандемии... Есть и другие художники, работы которых создают имидж «Шишкиного леса».

А.М. *Где можно найти ваш журнал, как он распространяется?*

Э.Л. Сейчас журнал выходит по подписке. Также можно найти его на сайте «Доброе слово». Будем рады всем, кто заглянет на страницы «Шишкиного леса»!

Элла
ЛЮБИЧ

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Шумный летний день закончился, и в лесу наступила ночь. Под старой берёзой на посту у муравейника задремал муравей-сторож. Высоко в дупле дуба в кроватках рыжими комочками свернулись бельчата. В уютной норке учёный ёжик, лёжа в кровати, читал книгу по астрономии (это наука о звёздах) и не заметил, как заснул. Лес затих.

Не спалось только маленькой мышке. Она сидела на скамейке перед своим домиком и смотрела в ночное звёздное небо. Мышка увидела падающую звезду, решила загадать желание и вдруг поняла, что звёздочка падает прямо в лес, на соседнюю поляну!

Она прибежала на поляну в тот миг, когда упавшая звёздочка с трудом выбралась из-под листа земляники. Звёздочка увидела мышку, протянула ей лучик и попросила капризно:

– Помоги мне подняться.

– А вы... ты... не очень горячая?! – мышка не знала, как правильно обращаться к такой высокой гостье.

– Я уже остыла, – ответила звёздочка, – загадывай желание.

– Я не могу так быстро что-то пожелать, – прошептала мышка, – я сейчас очень волнуюсь...

– Это понятно. Все волнуются. Загадывай.

– Я, наверное, пойду. Извини... те.

Звёздочка поняла, что сейчас останется одна, и ей никто больше не сможет помочь. Она сказала:

● Элла Юрьевна Любич (Волкова) родилась в 1964 году в Саратове. Училась на филологическом факультете Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, затем – в Литературном институте им. А.М. Горького. В 1990-е годы состояла в труппе муниципального театра АТХ («Академия театральных искусств», руководитель – И.И. Верховых) вместе со своим супругом, артистом Сергеем Волковым. С 2013 года занимает должность главного редактора журнала для детей «Шишкин лес». Пишет стихи и прозу для детей.

– Подожди... Дело в том, что я обязательно должна выполнить чьё-то заветное желание. Чтобы снова взлететь. Ты не могла бы проводить меня к кому-нибудь?

Мышке стало жалко звёздочку.

– Здесь недалеко муравейник! – сказала она. – У муравьёв наверняка есть самые разные желания.

Около муравейника звёздочка устало опустилась на цветок, а мышка подошла к сторожу-муравью и тихонько постучала по барабану, который висел у него на животе.

– Тревога! – закричал сторож и забарабанил боевой сбор.

Разбуженные муравьи окружили гостей, и мышка, волнуясь, начала говорить:

– Друзья! В нашем лесу произошло невероятное событие: к нам прилетела настоящая звёздочка! И она может исполнить ваше самое заветное желание!

– Что значит «заветное»? – спросил самый главный муравей.

Звёздочка высокомерно заметила:

– Боюсь, что тому, кто не понимает, что такое заветное желание, невозможно это объяснить.

– Нам ничего не нужно, – заявил муравей. – Мы сами всё можем. Может быть, вам что-нибудь нужно?

– Мне? – переспросила звёздочка. – Нужно... На небо, домой.

Муравей снисходительно улыбнулся:

– Приходите утром, что-нибудь придумаем. Рады были познакомиться.

Муравейник снова затих. Звёздочка заметно потускнела. Она с трудом летела за мышкой, которая решительно направилась к старому дубу.

– Белочка! Ты спишь? – громким шёпотом позвала мышка. – У тебя есть желание?

– Желание? – выглянула из дупла белка. – Предположим, есть.

– Белочка, эта звёздочка может исполнить его.

– Да? А можно два... нет, три желания? Хочу, чтобы бельчата не болели, – стала перечислять белка. – Хочу новое дупло...

– Желание должно быть одно, – сказала звёздочка. – Но самое заветное. А не какое-то там дупло.

Мышка торопливо спросила:

– Белочка, о чём ты мечтаешь, когда ложишься спать?

– Я весь день кручусь как белка в колесе. Когда я ложусь спать, я уже ни о чём не мечтаю! – И белка обиженно хлопнула дверь.

Свет в дупле потух.

Мышка с тревогой смотрела на звёздочку: та почти перестала светиться.

– Я знаю, кто нам поможет! – воскликнула мышка. – Ёжик! Он очень умный. Он много читает и поэтому обязательно загадает что-то совершенно необычное.

Норка ёжика пряталась под корнями огромной ели. Дверь в норку была приоткрыта – ёжик забыл её закрыть перед сном: учёные бывают такими рассеянными! Мышка, осторожно взяв звёздочку на лапки, тихо вошла в комнату ёжика.

– Ёжик, проснись, пожалуйста, – позвала мышка.

– Кто здесь? – Ёжик сел на кровати и протёр глаза.

– Это я, мышка. И настоящая звёздочка! Она упала к нам в лес. Смотри, вот она!

– Моя дорогая мышка, – ёжик проснулся окончательно, – науке известны случаи, когда на Землю падали небесные тела. Но на месте их падения возникали огромные дыры в земле.

– Но я действительно настоящая звезда, – сказала звёздочка, – и я могу исполнить одно желание.

– Верится с трудом – вы так слабо светите. Но можно попробовать. Нужно составить уравнение. Так-так... Если к одному желанию прибавить скорость потока световых частиц... – Ёжик погрузился в вычисления и совершенно забыл про своих гостей.

...На полянке рядом с норкой ёжика мышка осторожно положила погасшую звёздочку на лист лопуха и в волнении обхватила лапками голову. Ей хотелось только одного – чтобы звёздочка вернулась домой. Сейчас это было её самое заветное желание! Мышка даже зажмурилась, так сильно ей этого захотелось. А когда она открыла глаза, то тут же зажмурилась снова: так ярко сверкала летавшая вокруг неё весёлая, полная сил звёздочка.

– Мышка! Милая Мышка! Ты спасла меня! Спасла!

Она подлетела к мышке и спросила:

– Ты будешь со мной дружить?

Звёздочка вернулась домой, на небо. А над домиком мышки с тех пор каждую ночь появляется созвездие Мышки, очень похожее на героиню этой сказки.

**Светлана
ГОЛУБЕВА**

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

Книга и пёс

В парке на скамейке лежала книга, открытая, и сама читала небо, пристально глядя вверх. Ветерок-продуванчик ворошил страницы, те веером перелетали с одной обложки на другую. И солнышко с высоты пробегало по ним зайчиком.

Такой увидел книгу бездомный щенок. Он брёл по дорожке, обнюхивая плитку и осматриваясь по ходу движения. Солнце протянулось к скамейке с книгой, и между шелестящих страниц пробился пульсирующий лучик.

– Как чудесно!.. – задумчиво твякнул щенок и подошёл ближе.

Страничный шелест превратился в шёпоты: не один, а несколько голосов рассказывали кому-то, возможно, именно щенку, любопытную историю. Пёсик уселся рядом со скамьёй, закрыл глаза, слушал и представлял книжную историю. Ему привиделись двор, дом и человек, зовущий кого-то: «Мухтар, Мухтар!»

Вдруг по аллее раздались торопливые шаги. Щенок открыл глаза. К скамейке бежал мальчик лет семи (пёсик хорошо умел понимать возраст людей).

-
- Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле. Автор пяти книг: «Капельки», «Вера», «Ветра и птицы», «Такая жизнь...», «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» – последняя в соавторстве с Е. Машуковой. Светлана Голубева – один из трёх авторов книги для детей «Весёлые превращения». Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Аргамак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014), Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого (2012), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. И.Н. Григорьева (2016) и др.

– Ф-фух, – выдохнул незнакомец и повалился на скамью возле книги, – нашёл! Как я мог её забыть?

Он отдышался и устался на собачку.

– Ты чей же? – спросил мальчик и сам себе ответил: – Да понятно, ничей. Спасибо, что книгу мою охранял. Слушайка, пойдём ко мне жить. Вместе гулять будем, я тебе читать стану. За моих родителей не переживай, они у меня, знаешь, как животных любят! Оба ветеринары, звериные доктора – профессия такая.

Щенок не понял в точности, что сказал ему мальчик, но догадался о главном: у него теперь будет двор, дом, друг и... книга.

Лёкины «головастики»

Лёке четыре года. Сколько она себя помнит, вокруг всегда звучала музыка. Малышка засыпала и просыпалась под тихие и громкие струи звуков. Иногда это были не струи, а целые реки или даже моря. Тогда Лёка начинала тревожиться и плакать. Мама брала её на руки, а папа говорил:

– Хорошо чувствует музыку, композитором будет.

Папа девочки – музыкант. Ей нельзя входить в комнату, когда тот играет. Она слушает, стоя за дверью и заглядывая в щёлочку. Но вот папа вышел, а дочка тихонечко пробралась к роялю.

На узкой полке над клавиатурой стояла партитура. Папа так говорит, а Лёка ещё не знает, что это такое. Она забирается на винтовой стульчик и смотрит в партитуру. Крошечные чьи-то головы с хвостиками, иногда не с одним, а сразу с двумя. Вот несколько голов за хвостики подвешены к одной рейке. Рядом с некоторыми такими «головастиками» нарисованы малюсенькие ломаные лесенки. И всё это – на линейках.

«Откуда тут звуки?» – думает Лёка.

– Как откуда? – слышит она ответ на свои мысли. – От нас, нот. Я, например, Ля.

С линейк нотной тетради прыгивает хвостатый значок на одну из белых клавиш рояля. Раздаётся звук.

– Это, собственно, моё имя, – говорит нота Ля.

– Я – Ре, – объявляет ещё один «головастик» и прыгает на другую белую клавишу.

– А я-а-а, – раздаётся кряхтение ноты, тянущей за собой кособокую лесенку, – До, то есть До-диез. Вот он, мой диез, – говорит нота, потрясая скособоченной лесенкой.

– Зачем? – спрашивает Лёка.

– Затем... – отвечает нота, падая вместе со своим диезом на чёрную клавишу. – Если бы я была одна, то звучала бы так, – сказала До и слезла на соседнюю белую клавишу. – Что скажешь?

Лёка подумала и ответила:

– С диезом веселее.

– То-то, – удовлетворённо заключила До-диэз.

Тучи

Маленькой Тучке лететь трудно. Над долиной ещё ничего, а над озером или морем невоготу: оттуда насели в неё тысячи малюсеньких капелек воды. Тучка огрузнела, лететь не может. Ветер дотолкал её до высоких гор, а перебраться через них не помог.

– Тяжёлая ты, – прогудел он и умчался обратно на равнину.

Посмотрела Тучка на высокую горную гряду и заплакала: не перелететь ей через такую преграду.

Отрыдалась – полегчало. Попробовала подняться повыше – получается!

Посыпался из Тучки снег на белые головы гор-гигантов.

Перевалила Тучка через хребет, спустилась пониже, полюбовалась собой в горном озере: «Отлично выгляжу. Пусть не синяя, а белая, и не Тучка я уже, а Облачко, всё равно милашка!»

От лёгкости до тяжести, от белизны до синевы не так уж долго: пока наша скиталица со склонов вниз летела, снова капелек набралась.

Ветер по ту сторону хребта почему-то сердитым оказался: дует и дует. Разогнал путешественницу – не остановить. Летит она, бедная, кубарем, темнея и тяжелея. И всё бы ничего, только откуда ни возьмись впереди по склону чернущая Тучища выросла. Кричит:

– Куда несёшься?! Столкнёмся-а-а!

Её крик потонул в оглушительном громе: столкнулись. Да ещё как: молнии из глаз и, понятное дело, слёзы градом (вернее, с градом) на долины и леса полились.

Когда гроза кончилась, подобрели обе.

– Иди обниму тебя, дорогая, – сказала громадная нашей маленькой.

Обнялись, стали одним большим Облаком. Только опять ненадолго. Озорной ветер раздул, разбил белую, будто ватную, громаду на несколько клочьев поменьше и погнал их, будто ягнят, неведомо куда.

Посмотри облачкам вслед. Какое из них наша бывшая Тучка? И не разберёшь...

**Наталья
СМОЛИНА**

ЛЕВ КАССИЛЬ И «МУРЗИЛКА»*

В 2024 году любимому многими поколениями детей журналу «Мурзилка» исполнится 100 лет. Первый его выпуск вышел 16 мая 1924 года. Сегодня это уже журнал-рекордсмен. За столь солидный срок существования в нём в разное время печатались самые известные и любимые детьми авторы, его иллюстрировали талантливейшие художники.

Работал в журнале и замечательный детский писатель Лев Кассиль. Дважды он становился ответственным редактором «Мурзилки». Первый раз Кассиль возглавил журнал в 1937 году. С июня по ноябрь под его редакцией вышло шесть номеров. Последний, декабрьский номер 1937 года вышел уже под руководством другого редактора.

Во второй раз Кассиль возглавил редакцию журнала в годы Великой Отечественной войны, в 1941–1942 годах, когда, несмотря ни на что, «Мурзилка» продолжал выходить, пусть иногда и один раз в два месяца.

Кроме того, в разное время Лев Кассиль входил вместе с Самуилом Маршакom, Агнией Барто, Сергеем Михалковым и другими детскими писателями в состав редколлегии журнала. Произведения самого Кассиля также часто появлялись на страницах «Мурзилки».

Интересно, что забавный, пушистый Мурзилка, в том виде, в котором сегодня мы его знаем, появился

● Наталья Владимировна Смолина родилась в г. Энгельсе в 1983 году. Окончила Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Старший научный сотрудник – хранитель экспозиции музея Л.А. Кассиля. Является автором литературно-музыкальной программы «Блокадные мадонны. А. Ахматова и О. Берггольц», интеллектуальной игры об эпохе правления Петра I «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», литературной программы «Анна всея Руси. Творчество А. Ахматовой». Участник проекта «Кассилевский квартал, или Швамбрания. Место на карте».

в журнале именно тогда, когда ответственным редактором был назначен Лев Кассиль. В 1937 году, в июльском, седьмом номере журнала было опубликовано экстренное сообщение, в котором легко угадывается задорный стиль Льва Кассиля. Сообщение звучало так:

Экстренное сообщение!

Наконец-то нашёлся Мурзилка! Его поймал художник Каневский и притащил в редакцию. Посмотри на обложку – там ты увидишь Мурзилкин портрет. Мурзилка ничего ещё не успел рассказать о себе, он очень устал с дороги. Но в следующих номерах ты увидишь разные приключения удивительного существа – Мурзилки.

И действительно, на обложке журнала читатели увидели жёлтого пушистого персонажа, в красном берете и развевающимся шарфе. Как и было обещано, уже в следующем, восьмом номере Мурзилка появляется на первой же странице журнала. Он смело заявляет, что все летают, и он тоже полетит! Отважный Мурзилка весело пролетает через весь номер на самолёте марки «Драндулет».

Читатели журнала очень быстро полюбили Мурзилку. Во времена Кассиля Мурзилка появлялся почти на каждой странице. Начинался журнал с его забавного рассказа, Мурзилка сопровождал рубрики и комментировал статьи. На последней странице тоже был напечатан Мурзилка, а точнее, забавные картинки с короткими подписями, рассказывающие об очередном его приключении.

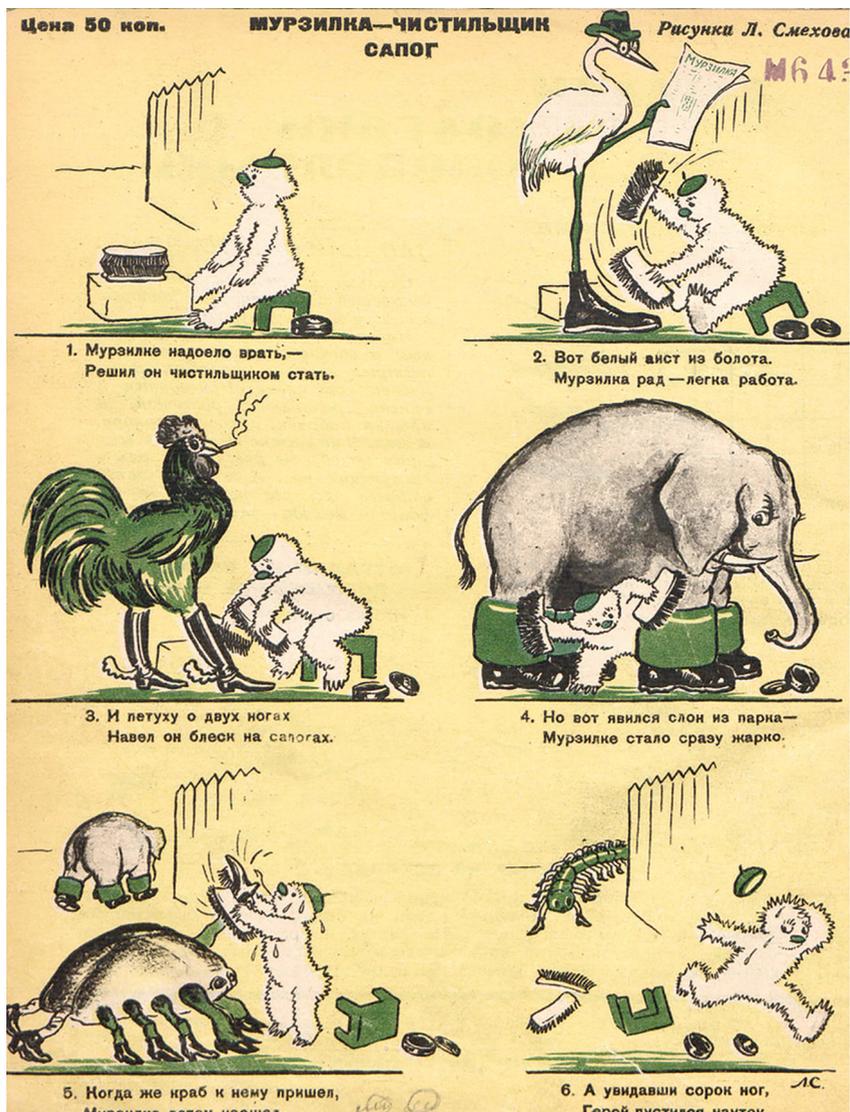
Лев Кассиль был большим выдумщиком, любителем путешествий, придумывающим несуществующие, необыкновенные страны. Вот и «кассилевский» Мурзилка – весёлый фантазёр, смелый и отважный искатель приключений. Он любит выдумывать небылицы и рассказывать истории в духе Барона Мюнхгаузена.

В восьмом номере журнала Мурзилка – лётчик, а уже в следующем, девятом – он охотник на самых невероятных зверей, одного из которых зовут – Хорохор. В этом же номере на 17-й странице под заголовком «Мурзилка-враль» появляются весёлые небылицы, рассказывающие о невероятных приключениях Мурзилки: он тонет во время бури, его съедают на обед дикари, а затем он встречает сразу 400 медведей. К чести Мурзилки, он всё-таки признаётся в конце, что встреча эта произошла во сне.

После ухода Льва Кассиля с должности ответственного редактора Мурзилка продолжал быть главным героем журнала,

но характер его постепенно меняется, и спустя некоторое время весёлый пушистый персонаж стал появляться уже только на самой последней странице журнала, а в 40-е годы и вовсе исчез.

Вернулся Мурзилка к читателям уже в 1950-е годы, по многочисленным просьбам, которые приходили в редакцию журнала. С тех пор он остаётся другом детей уже много лет. И будем надеяться, что журнал «Мурзилка» отметит ещё не один большой юбилей.

*Все фото (иллюстрации) взяты с сайта Российской государственной детской библиотеки. Национальная электронная детская библиотека. Архив оцифрованных материалов.

**Анастасия
ЧЕРНИНА**

**«У КАЖДОГО СВОЙ ВКУС, СВОЯ МАНЕРА,
НО КАЖДЫЙ, КТО БЕЗУС, ЧИТАЕТ «ПИОНЕРА!»**

Работа Льва Кассиля в журнале «Пионер»

Первый номер знаменитого журнала вышел 15 марта 1924 года. Писателя Льва Кассиля связывала с журналом тесная и долгая дружба. С 1927 года он, по рекомендации Владимира Маяковского работал в редакции «Пионера».

«Б.А. Ивантер, тогдашний заведующий редакцией журнала «Пионер», а впоследствии его редактор, прочтя отрывки из «Кондуита» в журнале Маяковского, сразу же прислал мне через писателя-лефовца С.М. Третьякова дружеское письмо, в котором просил зайти в редакцию журнала и предлагал сотрудничать в «Пионере».

«Идите! – убеждённо сказал мне Маяковский. – Там очень хорошие люди работают и интересное дело делают. Обязательно идите туда». И я пошёл в «Пионер»¹, – так писал о своём решении впоследствии Лев Кассиль.

Нужно отметить, что в то время в журнале работали многие известные писатели и художники: М. Пришвин, А. Гайдар, С. Григорьев и др. Кассиль в то время сотрудничал с газетой «Известия» и даже не думал работать в детском журнале: «Но меня до того весело, оглушительно и приветливо встретили в «Пионере»,

¹ Л. Кассиль «Попытка автобиографии». Саратов, ОАО «Приволжское книжное издательство» г. Энгельс, 2010 г.

-
- Анастасия Олеговна Чернина родилась в 1987 году в г. Энгельсе. В 2011 году окончила Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского. Работает в музее Л.А. Кассиля заведующей экспозиционно-массовым отделом. Является автором выставок «Если бы я был Гарри Поттером», «Папа-мама на работе, или Воспитание взрослых», «Будьте готовы, Ваше высочество!», а также проводит музейные программы для родителей с детьми. Участник проекта «Кассилевский квартал, или Швамброня. Место на карте».

а сам Ивантер, усадив меня прямо на какие-то акварели, сложенные на стуле, и крича: «Чудак! Вы будете чудно писать для детей», – сумел так расписать передо мной перспективы и возможности работы в их журнале, что я решил: дай-ка попробую! А попробовав и прочтя первые же письма маленьких читателей, откликнувшихся на мои фельетоны, понял, что лучше и интереснее работы я, вероятно, в жизни уже не найду...»

Первая повесть Льва Кассиля «Кондуит» полностью была напечатана в журнале, в нём же вышли многие другие произведения писателя.²

Более 20 лет Лев Абрамович состоял в редколлегии журнала «Пионер». В 1966 году, готовясь к выступлению в телепередаче о журнале «Пионер», Кассиль напишет, что журнал – это место постоянных встреч и бесед писателей с читателями. Советы старших друзей и ответы на важные вопросы из «ребячьей жизни». В каждом небольшом по формату и объёму номере находится место для разговора на волнующие темы.³

В «Пионере» Лев Кассиль также вёл интересную рубрику «Курсы школьных журналистов». В этих небольших статьях он, будучи опытным газетчиком и журналистом, объяснял ребятам важность правильного выбора темы для школьной газеты, грамотной постановки вопроса. Ведь любую ситуацию можно рассказать по-разному, представив проблему или историю в понятном и интересном виде. А советы Лев Кассиль давал, основываясь на статьях из школьных стенгазет, которые ему присылали в редакцию сами школьники.

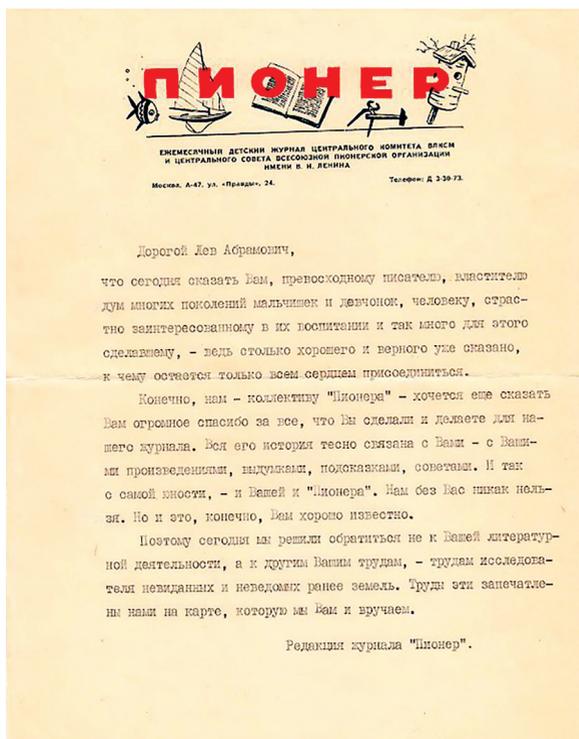
Конечно, за столь долгое время работы редколлегия и сотрудники «Пионера» очень сдружились. В фондах музея хранятся поздравительные телеграммы, которые когда-то были подарены писателю Льву Кассилю на дни рождения. В одном письме от редколлегии есть такие тёплые слова: «Конечно, нам – коллективу «Пионера» – хочется сказать Вам огромное спасибо за всё, что Вы сделали и делаете для нашего журнала. Вся его история тесно связана с Вами – с Вашими произведениями, выдумками, подсказками и советами. И так с самой юности, – и Вашей, и «Пионера». Нам без Вас никак нельзя»⁴.

² Из фондов музея Л.А. Кассиля.

³ Из фондов музея Л.А. Кассиля.

⁴ Из фондов музея Л.А. Кассиля.

Вам редакция журнала
 Свой сердечный шлёт привет.
 Никогда она не знала,
 Что Кассию столько лет.
 Почему Вы не седой?
 Почему не с бородой?
 Даже нет у Вас морщин,
 Как у некоторых мужчин.
 Ну, а если Вам полвека,
 Что же Вам сказать тогда?
 Для такого человека
 Это просто ерунда!
 Мы не любим многословья —
 Очень тонок наш объём.
 Мы желаем Вам здоровья,
 Мы челом Вам дружно бьём.
 Мы желаем всем журналом
 Вам удач больших и малых,
 Мы Вас просим в сотый раз:
 Напишите нам рассказ!

Елизавета
МАРТЫНОВА

История рядом с нами

Грачёв Е.А. Боевой генерал.

Москва: Издательство «Ветеранские вести», 2023—144 с.: илл.

Перед нами не совсем обычная книга Евгения Грачёва, поэта, прозаика, детского писателя. Во-первых, это лирическая поэма, во-вторых, предназначена она для детей 10–12 лет (для подростков), но написана она так содержательно и проникновенно, что будет интересна не только юным читателям, но и взрослым.

Ну и, в-третьих, у книги замечательный герой – Борис Всеволодович Громов, генерал-полковник, Герой Советского Союза, легендарный командующий 40-й армией.

Лирическая поэма связана и с нашим городом, поскольку Борис Громов учился в Саратовском Суворовском военном училище.

Книгу прекрасно проиллюстрировали дети – юные художники из разных городов России, поэтому издание получилось гармоничным в смысле сочетания иллюстраций и текста. Детские рисунки, их естественный примитивизм подчёркивают «детскость повествования» – и то, что замечательный герой книги, генерал Громов, тоже родом из детства.

Из этой книги читатель узнаёт о внутреннем мире обычного мальчика с берегов Волги, его фантазиях и мечтах, о его жизни. Рассказ о детстве и юности Бориса Громова занимает большую часть книги, и это психологически верно: главное в человеке закладывается именно в это время.

Интересно, что взрослая жизнь для героя – это сбывшаяся мечта:

*Менялись зима на лето,
То яблоня, то рябина,
У Громова, офицера,
Жена, и у них два сына.
То город, а то дорога,
То штаб, то опять полигон,
Фантастика и реальность,
И сон не похож на сон.*

Только сильный духом человек может так воспринимать жизнь.

После учёбы в Саратовском Суворовском военном училище герой поэмы станет офицером и будет служить в Вооружённых Силах,

успешно проведёт ряд сложных военных операций и выведет наши войска из Афганистана.

Но поэма основана не только на «жизненном сюжете», связанном с легендарным Борисом Громовым, иначе она не была бы поэмой. Евгений Грачёв пишет просто и доступно о Суворове и о Кутузове, о Жукове, рисует их как легендарных полководцев, ставших образцом для героя книги. При этом у автора есть и просветительская цель, и желание подчеркнуть преемственность между великими полководцами прошлого и героями времени нынешнего.

Рассказывает Евгений Грачёв и о Великой Отечественной войне.

*Фашистов громили повсюду:
На море, в болотах, на суше,
Спасибо родной пехоте,
Особый поклон – «Катюше».
И реял уже над Берлином
Наш славный победный флаг,
Солдаты «ура!» кричали,
Они штурмовали рейхстаг!*

И все рассказы о великих полководцах былого проходят через сознание героя книги – ребёнка, потом подростка Бориса Громова.

Традиционность поэмы, её верность историческому прошлому гармонирует с другими аспектами лирического повествования: точностью бытовых и географических описаний, в то же время с песенностью, фольклорностью. Евгений Грачёв обнаруживает хорошее знание военного быта – и возможность, и желание рассказать об этом читателю.

Очень симпатичен образ автора – и его лирические отступления:

*Пусть плывут теплоходы
По матушке Волге,
Журавлиная стая
Летит налегке.
Я хочу рассказать
Вам, ребята, о долге,
О судьбе офицера –
Нелёгкой судьбе!*

*Пусть по Волге, как в сказке,
Волна — за волною,
Пусть ладоням теплее
От лёгкой волны,
Я хочу рассказать
Вам, друзья, о герое,
Об одном командире
Афганской войны.*

Доступно рассказывает Евгений Грачёв и об Афганской войне: из-за чего она началась и почему русские войска приняли в ней участие (исторический экскурс). Но рядом с историческими подробностями возникают и легендарные, сказочные, так наивно и точно отражённые в детских рисунках — иллюстрациях к книге.

Легенда создаётся именно во время войны в Афганистане, и Евгений Грачёв подробно описывает её создание:

*Кричали в ущелье орлы:
Мы легенду придумали сами
Про тех, кто здесь бился
За правду и был очень смел.
Её нам десантник с гитарой
Однажды напел.*

Евгений Грачёв говорит о том, что правда не в газетных статьях, а в том, что переживают участники событий, и в легендах, в стихах, в песнях — именно в них она чудесным образом сохраняется.

Мне нравится, что подоплёка этой книги — фольклорная: сказка про русского солдата и песня — его и о нём. Но это не «стилизация» песен про Афганистан, а глубокое проживание автором судеб его героев.

Завершающим лейтмотивом звучат в книге следующие строки:

*Боевой генерал
Много раз рисковал,
По-суворовски жил,
Научился сражаться.
Боевой генерал
Очень часто спасал
Нашу Родину, честь
И армейское братство!
Превратится песок
В придорожную пыль,
Обмелеет река,
Станут взрослыми дети,
Но останется быть,
Та армейская быть,
Будто жёлтое фото
В армейском билете.*

Как и большинство книг Евгения Грачёва, лирическая поэма о легендарном генерале Афганской войны написана проникновенно и светло. А самое главное, что создана она ради памяти о настоящих людях, ради того, чтобы и дети, и взрослые знали отечественную историю во всей её целостности, понимали её значение для нынешней жизни. Понимали, что люди, которые создают историю, находятся рядом с нами, и от нашего отношения к ним и к истории зависит будущее.

Евгений Грачёв ненавязчиво, без пафоса говорит об этом в конце своей поэмы:

*Пусть встает утром солнце над нашей страной,
Пусть Россия живёт, как и мы, много лет.
Ты готов удивить нас своею мечтою,
Научиться чему-то готов или нет?*

*Пусть ответ остаётся на время секретом,
Но мне очень хотелось, чтоб кто-то сказал:
— Я хочу стать врачом, инженером, поэтом
Или лучше — военным, как наш генерал!*

*Лев Абрамович Кассиль
(1905–1970 гг.)*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМи СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Т. Н. Черноиванова.
Корректор – Е. Н. Березина.
Художница – Мари Искоркина.

Подписано в печать 16 февраля 2024 года.
Дата выхода в свет 29 февраля 2024 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/16024.
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

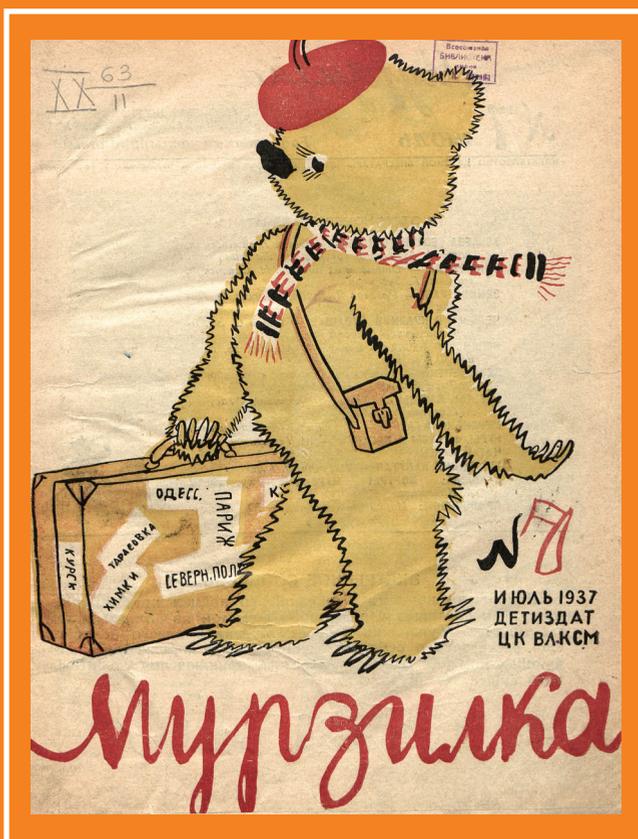
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМи СО «Регион 64», 2024.
© «Волга–XXI век», 2024.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ МАРИ ИСКОРКИНОЙ

Обложка журнала «Мурзилка». 1937 год

